

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Садов

Виссарион Никейский

Опубликовано:
Христианское чтение. 1883. № 11-12. С. 657-669.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Виссаріонъ Никейскій.

Рѣчь, произнесенная 23-го октября 1883 года въ залѣ собранія с.-петербургской духовной академіи приватъ-доцентомъ А. П. Садовымъ предъ публичною защитою диссертациіи подъ заглавіемъ: «Виссаріонъ Никейскій. Его дѣятельность на ферраро-флорентійскомъ соборѣ, богословскія сочиненія и значеніе въ исторіи гуманизма»).

Ваше высокопреосвященство,

милостивые государи и государыни.

Вѣкъ, къ которому относится диссертация, представляемая нынѣ вашему просвѣщенному вниманію, — этотъ вѣкъ былъ временемъ крайняго униженія грековъ и вмѣстѣ временемъ ихъ великаго торжества. Византійская имперія въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XV столѣтія видимо доживала свои послѣдніе дни, а затѣмъ и совсѣмъ рушилась, потеряла даже и прежнюю тѣнь политической независимости. Это былъ тяжкій ударъ для греческой народности, какъ политическаго цѣлага. А ранѣе того представители греческой церкви на уніональномъ соборѣ во Флоренціи почти въ полномъ составѣ отреклись отъ православія, уступили латинянамъ, и уступили по всѣмъ важнѣйшимъ пунктамъ разностей между церквами. Эта уступка была признана на православномъ востокѣ за великое нравственное униженіе для греческаго народа. Но, съ другой стороны, не было кажется вѣка, когда бы западъ такъ сильно нуждался въ востокѣ, такъ обильно черпалъ тамъ сокровища эллинскаго просвѣщенія, такъ много заимствовалъ оттуда и знаній, и книгъ, и самыхъ учителей. Въ XV столѣтіи нашей эры съ западомъ и въ частности съ Италіей повторилось нѣчто подобное то-

му, что было съ нею въ III вѣкѣ до Рождества Христова или въ VI отъ основанія Рима, когда, по выраженію римскаго поэта, „побѣжденная Греція покорила суроваго завоевателя и внесла искусства въ грубый Лаціумъ“¹⁾, — когда, т. е. Греція, униженная Римомъ въ политическомъ отношеніи, въ свою очередь подчинила его себѣ въ нравственномъ отношеніи, въ отношеніи культуры. Интересъ къ созданіямъ греческаго генія возросъ въ XV вѣкѣ до небывалой силы. Царственные особы обоего пола, папы и кардиналы, епископы, клирики и монахи, наконецъ свѣтскія лица всякихъ профессій, — словомъ все интеллигентныя слои тогдашняго западнаго общества имѣли въ своей средѣ много горячихъ поклонниковъ и любителей древнихъ авторовъ, древней жизни и искусства. Конечно, увлекались тогда и латинскими писателями, и это увлеченіе было до такой степени велико и заразительно, что напримеръ Николо Перотто, не взирая на свой епископскій санъ и пожилые годы, безъ всякихъ колебаній откликнулся на приглашеніе извѣстнаго Помпоніо Лето — исправить текстъ Марціала и занялся этимъ поэтомъ съ такой любовью и усердіемъ, что не только исправилъ его текстъ, но и составилъ комментарий къ нему²⁾; а извѣстно, что по преимуществу воспѣвалъ Марціалъ въ своихъ эпиграммахъ. Но подобное увлеченіе латинскими поэтами и прозаиками нисколько не шло въ ущербъ греческимъ: тѣ и другіе писатели изучались параллельно и съ одинаковой любовью. Этого мало, съ греческими поэтами, историками, ораторами и философами часто знакомили латинякъ сами же греки, начавшіе переселяться на западъ еще при первыхъ признакахъ возрожденія и потомъ въ большомъ числѣ эмигрировавшіе туда, когда турецкое владычество сдѣлало незавиднымъ пребываніе ихъ на родинѣ. Наконецъ, сами даже латиняне, по примѣру своихъ предковъ вре-

¹⁾ Q. Horatii Flacci Epist. II, 1, 156—157.

²⁾ Nic. Perotti Cornu coriace, Basileae, 1526. Этотъ трудъ, представляющій своего рода лексиконъ латинскаго языка, былъ для своего времени трудомъ замѣчательнымъ.

мени напрімѣръ Цицерона, ѣздили въ Грецію за книгами и зна-ніямъ.

Въ эту-то эпоху великаго торжества греческой народности въ одномъ отношеніи и тяжкаго ея униженія въ другомъ и жилъ тотъ грекъ, о которомъ я имѣю честь говорить въ настоящемъ собраніи. Этотъ грекъ, т. е. Виссаріонъ Никейскій, не былъ притомъ лишь простымъ зрителемъ или современникомъ указанныхъ явленій. Онъ самъ игралъ дѣятельную роль въ политической, церковной и учено-литературной жизни востока и запада. Онъ даже былъ однимъ изъ виновниковъ какъ славы, такъ и безславія Греціи. Вообще это былъ человекъ весьма не заурядный.

Сынъ простыхъ, безвѣстныхъ родителей, Виссаріонъ, еще въ ранней юности, своими способностями обращаетъ на себя вниманіе стороннихъ людей; въ немъ принимаютъ участіе, даютъ ему средства получить лучшее по тому времени образованіе и у лучшихъ учителей. Онъ, съ своей стороны, и самъ ревностно трудится надъ развитіемъ своихъ природныхъ силъ, много читаетъ, переписываетъ и покупаетъ на свои сбереженія книги для себя. И вотъ предъ нами молодой монахъ, широко образованный и однако все еще жаждущій образованія, — монахъ, чуждый ненависти къ Риму, хотя и не индифферентный въ дѣлахъ вѣры, — монахъ благочестивый, пользующійся большою популяриетностью въ народѣ за свое благочестіе и даръ проповѣдническаго слова. Онъ извѣстенъ и при византійскомъ императорскомъ дворѣ, какъ дипломатъ и патріотъ. Между тѣмъ въ Константинополѣ идутъ давно уже начавшіеся переговоры съ западомъ о созваніи вселенскаго собора и предполагаемомъ соединеніи церкви; эти переговоры приходятъ къ концу. Виссаріонъ избирается въ число представителей греческой церкви на соборѣ, возводится въ санъ никейскаго архіепископа и вмѣстѣ съ другими отправляется на западный соборъ. Онъ имѣетъ при этомъ въ виду защищать на соборѣ ученіе своей церкви, — онъ даже лелѣетъ надежду на побѣду надъ латинянами, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, въ противоположность многимъ изъ своихъ

православныхъ соотечественниковъ, не говоря уже о латинянахъ, не рѣшилъ заранѣе оставаться глухимъ къ доказательствамъ своихъ противниковъ. И дѣйствительно, на первыхъ порахъ по прибытіи въ Италію онъ и думалъ и поступалъ какъ грекъ православный, хотя и не предубѣжденный противъ латинянъ. Формально не отдѣлялся онъ отъ своихъ соотечественниковъ и во все продолженіе феррарскихъ преній. Но къ несчастію внутренняя его вѣра въ правду своей церкви, по вопросу объ исхожденіи Св. Духа, къ концу феррарскихъ преній пошатнулась, и пошатнулась повидимому сильно. Изученіе имъ литературы разностей между церквами и, одновременно съ этимъ, вліянія на него ученыхъ латинянъ, близость его къ этимъ латинянамъ, ⁴⁾ благодаря которой онъ, незамѣтно даже для себя самого, начиналъ смотрѣть на разности ихъ глазами, — эрудиція и діалектика католическихъ ораторовъ на соборѣ, личное разъединеніе Виссаріона съ единственнымъ сильнымъ и стойкимъ противникомъ и обличителемъ на соборѣ западныхъ новшествъ, Маркомъ Ефесскимъ ¹⁾, замѣчавшаяся Виссаріономъ у однихъ его соотечественниковъ шаткость взглядовъ, у другихъ — вѣрность православной истинѣ, но вѣрность, основанная къ сожалѣнію, не на знаніи дѣла и потому казавшаяся чѣмъ-то похожимъ просто на упрямство, не подготовленность грековъ къ защитѣ ученія и правъ своей церкви, отсутствіе у нихъ даже нужныхъ книгъ, могшихъ служить оружіемъ противъ латинянъ и, напротивъ, масса книгъ, которыми располагали латиняне, — все это, какъ видимъ, обстоятельства совсѣмъ не такого рода, чтобы они могли укрѣплять Виссаріона въ православной истинѣ. Напротивъ, они должны были

¹⁾ Припоминается по этому случаю quasi остроумное, но въ сущности легкомысленное иронизированье одного изъ западныхъ церковныхъ историковъ, именно Мильмана. Говоря о несогласіи строгихъ православныхъ на принятіе западнаго догмата объ исхожденіи Св. Духа, названный авторъ замѣчаетъ: *Mark of Ephesus and the rigid Greeks fought with a stubborn pertinacity as if their own salvation and the salvation of mankind were on the issue* (Millman, *Hist. of Lat. Christ.*, vol. VIII, 3 ed., p. 392).

заронить въ его душу сомнѣніе относительно этой истины. Подъ ихъ совокупнымъ вліяніемъ сталъ возникать въ умѣ Виссаріона, — и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще, — мучительный вопросъ: право ли вѣруетъ восточная церковь? Виссаріонъ оказался теперь въ положеніи, до извѣстной степени похожемъ на положеніе напимѣръ Векка, когда обстоятельства поставили послѣдняго въ необходимость хорошо познакомиться съ сочиненіями защитниковъ западнаго ученія, и только съ ними, т. е. познакомиться односторонне, и нѣтъ ничего мудренаго, что въ Виссаріонѣ нашли отзвукъ тѣ воззрѣнія, которыя защищаль этотъ латинумудрствующій патріархъ, и не только онъ, но и такіе безупречные въ нравственномъ отношеніи греки, какъ Никифоръ Влемидъ ¹⁾).

Немало тяжелыхъ минутъ пережилъ, нужно думать, Виссаріонъ въ эту пору: отреченіе отъ прежнихъ вѣрованій, даже отреченіе внѣшнее и чисто формальное, а не только внутреннее, какъ было съ Виссаріономъ, — всегда бываетъ мучительно. Но обстоятельства такъ сложились у Виссаріона, что его уступка латинянамъ могла быть лишь вопросомъ времени. Эти обстоятельства, а также и опасность, ежеминутно грозившая его родинѣ отъ турокъ, должны были съ силой вытѣснять изъ его сознанія всѣ противуположательныя соображенія.

Трудно слѣдить за всѣми этими движеніями въ мысли Виссаріона, трудно возсоздать всю исторію внутренней его жизни въ эту, важную для него, эпоху уніональнаго собора. При настоящемъ состояніи памятниковъ, касающихся этого періода въ жизни Виссаріона, возможенъ лишь опытъ такой исторіи, въ которомъ бы

¹⁾ Троицкій, «Арсеній, патріархъ никейскій и константинопольскій, и арсенаты», Спб. 1873, стр. 5 и 155—157. Катанский, «Исторія попытокъ къ соединенію церкви греческой и латинской въ первые четыре вѣка по ихъ раздѣленію», Спб., 1868, стр. 144, 188—189. — Относительно догматической стороны дѣла имѣетъ, въ числѣ другихъ, интересъ брошюра (представляющая оттискъ изъ «Православнаго Собес.» за 1883 годъ) Некрасова подъ заглавіемъ: «Ученіе св. Іоанна Дамаскина о личномъ отношеніи Духа Св. къ Сыну Божію». Казань, 1883.

разрозненныя и иногда даже противорѣчивыя данныя по возможности примирялись и объяснялись частію изъ нихъ же самихъ, частію изъ аналогичныхъ имъ явленій тогдашней современности. Такого рода опытъ и представляетъ настоящая диссертація. Въ ней, между прочимъ, дѣлается попытка понять уніонизмъ и затѣмъ прямой переходъ Виссаріона въ латинство изъ болѣе естественныхъ, болѣе свойственныхъ самому Виссаріону побужденій, чѣмъ тѣ, которыя были выставлены на востокѣ въ XV вѣкѣ, сразу же послѣ этой несчастной уніи, и съ той поры неизмѣнно, безъ провѣрки признаются многими достаточными до сей поры. „Человѣкъ, продавшій свою вѣру“, — вотъ обычная и едвали не единственная характеристика Виссаріона даже и у насъ, въ наши дни. У насъ обыкновенно какъ-то и мысли не появляется о томъ, не односторонень ли такой взглядъ на Виссаріона? не привели ли Виссаріона къ его роковому рѣшенію — отречься отъ вѣры отцевъ своихъ — болѣе важныя и чистыя побужденія, чѣмъ корысть и вообще эгоизмъ? Споры нѣтъ, расчеты личной пользы не были чужды Виссаріону; но подобные расчеты явились у него уже послѣ того, какъ совершился переломъ въ самыхъ его воззрѣніяхъ по главному предмету преній на соборѣ, т. е. вопросу объ исхожденіи Св. Духа, и только подерѣпляли его измѣнившійся догматическій взглядъ. При разсужденіяхъ между сторонами почти по всѣмъ другимъ пунктамъ разностей указанные расчеты также вліяли на Виссаріона лишь косвенно и во всякомъ случаѣ ничуть не сильнѣе, чѣмъ сознаніе политическихъ нуждъ его родины; а это сознаніе, эта традиціонная греческая *οἰκονομία* во всякомъ случаѣ стоитъ выше расчетовъ эгоистическихъ. Одно лишь можно допустить на основаніи памятниковъ, это — то, что Виссаріонъ нѣсколько больше покрывилъ душою и дѣйствительно измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ по вопросу о власти и правахъ римскаго епископа. Но и здѣсь, просто по чувству исторической справедливости, мы должны сложить часть отвѣтственности за этотъ прискорбный шагъ Висса-

ріона на тѣхъ грековъ, въ средѣ которыхъ онъ вращался и отъ которыхъ онъ до известной степени зависѣлъ.

Унія стала совершившимся фактомъ; самъ Виссаріонъ возведенъ былъ въ достоинство кардинала римской церкви. Наступила пора крайне разнообразной по своему содержанию и важной по значенію дѣятельности Виссаріона на отрывшихся предъ нимъ различныхъ поприщахъ. Сначала, когда въ немъ еще не успѣлъ остыть интересъ къ тѣмъ догматическимъ, литургическимъ и каноническимъ вопросамъ, о которыхъ шли разсужденія на соборѣ, онъ писалъ соотвѣтствующія богословскія сочиненія, въ которыхъ разъяснял мнимую правду церкви западной и неправду восточной, извиняя вмѣстѣ съ тѣмъ и свою перемѣну вѣроисповѣдныхъ убѣжденій. Съ теченіемъ времени богословскіе интересы отошли на второй планъ; ихъ смѣнили интересы философскіе, свѣтско-литературные, церковно-политическіе и просто политическіе. Виссаріонъ переводитъ Аристотеля и Теофраста, знакомитъ западъ съ Платономъ и много содѣйствуетъ возстановленію тамъ его авторитета, побуждаетъ способныхъ людей къ переводамъ философскихъ и другихъ замѣчательныхъ древнихъ произведеній и т. д. Онъ сильно интересуется разными вопросами изъ исторіи классической литературы и вообще всѣмъ, что касается древне-греческаго и римскаго міра, не исключая изъ круга своихъ интересовъ даже спеціально математическихъ и астрономическихъ произведеній древнихъ,—организуеъ около себя кружокъ ученыхъ людей или—что то же— „академію“, какъ тогда выражались,—принимаетъ живѣйшее и дѣятельнѣйшее участіе во всѣхъ научныхъ интересахъ этого кружка, а равно и въ его представителяхъ,—помогаетъ имъ, чѣмъ только можетъ: и совѣтомъ, и вліяніемъ, и деньгами, и книгами,—составляетъ прекрасную бібліотеку, которую подъ конецъ своей жизни передаетъ Венеціи съ условіемъ сдѣлать ее общественною. Замѣчательный энциклопедистъ своего времени (но далеко не диллетантъ), онъ вообще является предъ нами однимъ изъ самыхъ типичныхъ представителей „*reipublicae litterariae*“ XV вѣка.

Завоевавъ себѣ видное мѣсто въ ряду дѣятелей возрожденія, Виссаріонъ, также съ бою, занялъ выдающееся положеніе и въ римской куріи. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова чуждой, „пришлецъ“ въ коллегіи кардиналовъ. И однако онъ сумѣлъ такъ хорошо поставить себя, возбудилъ такое уваженіе къ себѣ и даже любовь, что довольно уже скоро сдѣлался однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ коллегіи и могъ дважды выступить кандидатомъ на папскій престолъ. Если онъ не былъ избранъ, то опять-таки потому, что былъ чуждомъ слишкомъ строгихъ правилъ, притомъ былъ грекомъ, да еще такимъ, который хотѣлъ быть грекомъ не только по происхожденію, но и по вѣрности. „Грека поставимъ мы первосвященникомъ латинской церкви“?!— говорилъ въ конклавѣ, послѣ смерти Николая V, одинъ изъ кардиналовъ, какъ сообщаетъ Энео Сильвіо. „Виссаріонъ и бороды еще не сбрилъ, и (вдругъ) онъ будетъ нашимъ главой! Бѣдна, что ли, латинская церковь людьми, достойными сана верховнаго апостольства, что она должна обращаться къ грекамъ“?!¹⁾— Къ счастью, греческое происхожденіе и достоинства „греческаго кардинала“ или „Нивейскаго“, какъ обыкновенно звали Виссаріона,— достоинства, коловшія глаза разнымъ „внукамъ“ въ коллегіи кардиналовъ²⁾, не препятствовали Виссаріону пользоваться подобавшимъ ему по праву вліяніемъ на лучшихъ изъ кардиналовъ, а также и на папъ. И онъ пользовался этимъ вліяніемъ во благо не одного только католическаго, но отчасти и всего христіанскаго міра.

Послѣ этого неудивительно, что ученый міръ запада, и уже съ давняго времени, привыкъ произносить имя Виссаріона не иначе,

¹⁾ Bandini у Migne, Patr. Gr., t. CLXI, col. XXII.

²⁾ Непотизмъ въ XV вѣкѣ былъ явленіемъ совершенно обычнымъ, къ которому все приглядывался. Довольно любопытно, что и Виссаріона въ его должности латинскаго патріарха Константинополя счѣтывалъ нѣкто Petrus Riarius Cardinalis, Pontificis ex sororis nepos (Raupaldi Ann. Eccl., t. XIX, p. 239, ann. 1472, num. 11).

какъ съ уваженіемъ. Конечно, западный міръ, въ томъ числѣ и ученый, изстари привыкшій смотрѣть на греко-восточное православіе глазами римскаго католицизма, составляя свой (т. е. лестный) взглядъ на Виссаріона, не могъ освободиться и отъ той своей мысли, что, перешедши въ латинство, Виссаріонъ отрекся отъ „костности византійскаго православія“, отрекся отъ „схизмы“, какъ выражаются западные. Это обстоятельство (какъ видимъ чисто внѣшнее) также можетъ быть способствовало составленію въ западномъ мірѣ благопріятнаго взгляда на Виссаріона, предрасполагало въ его пользу, заслоняло въ глазахъ запада то, что было худаго въ характерѣ и образѣ дѣйствій Виссаріона, — словомъ производило не малую односторонность во взглядѣ на него. Но независимо отъ ошибокъ, сдѣланныхъ Виссаріономъ въ теченіи его жизни, — независимо отъ той важнѣйшей его погрѣшности, которую онъ частію вольно, частію же невольно совершилъ на уніональномъ соборѣ во Флоренціи, — этотъ олатинившійся грекъ во всякомъ случаѣ сдѣлалъ въ теченіе своей жизни такъ много истинно хорошаго, что онъ вполне заслужилъ почтеніе, которое питаютъ къ нему католическій и протестантскій міръ.

Въ виду той всеѣмъ хорошо извѣстной связи, которая существуетъ между нашимъ отечественнымъ гуманнымъ образованіемъ и нашей новой исторіей съ просвѣщеніемъ и исторіей запада, было бы излишне доказывать, что кардиналъ Виссаріонъ, какъ гуманистъ, какъ политическій и церковный дѣятель запада, имѣетъ всѣ права по меньшей мѣрѣ на вниманіе къ нему и со стороны русскихъ людей, — вниманіе, которымъ онъ, къ сожалѣнію, не пользуется у насъ. Въмѣсто того позволю себѣ на минуту остановить вниманіе высокопросвѣщеннаго собранія на другой сторонѣ дѣла. Кромѣ указанныхъ общихъ основаній, Виссаріонъ долженъ вызывать въ насъ, русскихъ, нѣкоторый особенный интересъ къ себѣ по слѣдующимъ двумъ причинамъ — мѣстнаго, такъ сказать, значенія.

Всегда принимая близко къ сердцу нужды своей родины Греціи, и въ частности заботясь объ устройствѣ судьбы послѣднихъ

представителей византийскаго царскаго дома Палеологовъ, Виссаріонъ, какъ свидѣтельствуя наши лѣтописи, первый вошелъ въ переговоры съ московскимъ великимъ княземъ Иваномъ III Васильевичемъ, въ 1469 году, относительно брака великаго князя съ Софьею Палеологъ, и поддерживалъ эти переговоры до самой своей смерти ¹⁾. Бракъ этотъ, и самъ по себѣ важный, повель, какъ извѣстно, въ частымъ и весьма полезнымъ для Россіи сношеніямъ ея съ западомъ, — чрезъ перенесеніе въ Москву преданій византийскаго имперіи возвысилъ московскаго великаго князя, по выраженію автора „Исторія Россіи“, „до царственной недосыгаемой высоты, предъ которою боярицъ, князь, потомокъ Рюрика и Гедимина должны были благоговѣнно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ подданныхъ“; наконецъ, этотъ бракъ послужилъ новымъ связующимъ звѣномъ между православнымъ сѣверомъ и православнымъ востокомъ. А Виссаріонъ — не забудемъ — въ устройствѣ этого дѣла принималъ весьма дѣятельное участіе. Затѣмъ: онъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ флорентійской уніи, — той уніи, которая, помимо своего значенія въ общей исторіи православной церкви, имѣла такое близкое отношеніе къ церкви русской, вызвавъ со стороны ея членовъ и представителей весьма оживленную литературную полемику противъ латинянъ ²⁾ и даже переписку съ православнымъ востокомъ ³⁾.

¹⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей, издаваемое археографическою комиссіею, томъ VI, стр. 196; т. VII, стр. 226; т. VIII, стр. 3, 154—155, 169—170, 173, 175—176. Карамзинъ, Исторія государства русскаго, изд. 5, С.-Петербургъ, 1842, томъ VI, гл. 2, стр. 37 и слѣд. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, томъ 5, Москва, 1855, стр. 68 и слѣд. Kaupaldi Ann. Eccl. t. XIX, p. 209 (ann. 1470, num. 9), p. 245 sqq. (ann. 1472, num. 48 sq.).

²⁾ См. напримѣръ Павлова Критическіе опыты по исторіи древней греко-русской полемики противъ латинянъ, С.-Петербургъ, 1878, стр. 88 и слѣд., также изслѣдованіе Завитневича подъ заглавіемъ: Паллиодія Захарія Копыстенскаго и ея мѣсто въ исторіи западно-русской полемики XVI и XVII вв., Варшава, 1883, стр. 176 и слѣд.

³⁾ Срав. Посланіе великаго князя Василія Васильевича къ проту и инокамъ мѣонской горы о дѣйствіяхъ митр. Исидора и объ осужденіи его москов-

Удалось ли мнѣ, въ моей небольшой книгѣ, доказать или по крайней мѣрѣ сдѣлать вѣроятнымъ тотъ взглядъ на Виссаріона, который сложился у меня и который въ общихъ чертахъ я сейчасъ изложилъ,—сужденіе объ этомъ принадлежитъ моимъ высококомпетентнымъ оппонентамъ. Съ своей стороны позволю лишь, въ заключеніе, замѣтить, что я смотрю на свой трудъ только какъ на опытъ изслѣдованія о Виссаріонѣ, и смѣю думать, что при наличномъ количествѣ матеріаловъ для біографіи Виссаріона въ тѣхъ сторонахъ его жизни, которыя подлежали моему разсмотрѣнію, и возможенъ пока, въ сущности, только опытъ такой біографіи. Со всей желаемой полнотою и точностью опредѣлить, что передумалъ и пережилъ Виссаріонъ на соборѣ, объять во всей широтѣ литературные и иные труды кардинала, какъ богослова, церковнаго дѣятеля и гуманиста, возможно будетъ только въ томъ случаѣ, если будетъ издано и вообще станетъ доступно изслѣдователямъ все, что вышло изъ-подъ пера Виссаріона (въ томъ числѣ на примѣръ вся его корреспонденція ¹⁾),—затѣмъ все, что писали о немъ его современники и, наконецъ, всѣ памятники его церковно-административной дѣятельности на западѣ; а этого пока нѣтъ. Я съ

скимъ соборомъ 1441 г., отправленное въ отвѣтъ на посланіе прота и инокъ аеонской горы къ тому же великому князю о правотѣ восточной церкви и суемудріи западной, по случаю флорентійскаго собора—въ Лѣтоп. заятіи археограф. комиссіи за 1864 г., вып. 3, приложений стр. 28—36.

¹⁾ Весьма жаль, что въ свое время не были, повидимому, собраны всѣ письма Виссаріона. Не сдѣлалъ этого ни самъ Виссаріонъ, по своей скромности, конечно (для той поры онъ былъ положительно образцомъ скромности и неприязнательности); не сдѣлали этого и его почитатели. Аналогичный въ этомъ отношеніи примѣръ представляютъ письма Георгія Схолярія, впоследствии патріарха Геннадія. Отъ него сохранилось довольно много писемъ; но, какъ не безъ основанія полагаетъ Ренодо (въ своей *De Gennadii vita et scriptis dissertatio*, Parisiis, 1709), *plures interciderunt, quia electiores tantummodo selectae videntur fuisse, ut antiquis Demosthenis, Isocratis, Libanii, et aliis praecipuorum auctorum adjungerentur, ut in codice Colbertino: reliquae perierunt, ut multa alia Gennadii opera, quia auctor numquam ea, ut videtur, colligenda curavit; sed post ejus obitum a studiosis in codices relata sunt quaecunque tam Constantinopoli quam in monasteriorum bibliothecis delitescerant* (Migne, CLX, 255. D).

своей стороны старался восполнить по крайней мѣрѣ важнѣйшіе пробѣлы въ существующей литературѣ о Виссаріонѣ. Вполнѣ сознаю, что эти пробѣлы восполнены мной не безукоризненно и далеко не все. Такъ, церковно-административной дѣятельности Виссаріона за то время, когда онъ былъ кардиналомъ римской церкви, посвященъ въ моей книгѣ только небольшой заключительный ея отдѣлъ, если не считать замѣчавій, разсѣянныхъ въ другихъ частяхъ сочиненія. Это объясняется соображеніемъ, которымъ—думаю—извиняютъ многіе изслѣдователи нѣкоторую неполноту своихъ изслѣдованій, — именно желаніемъ не отлагать еще на нѣсколько лѣтъ сообщенія уже достигнутыхъ ими результатовъ по предмету ихъ занятій. Мнѣ лично такое соображеніе представлялось тѣмъ болѣе заслуживающимъ вниманія, что въ русской литературѣ нѣтъ еще ни одной монографіи о Виссаріонѣ, какъ нѣтъ, къ сожалѣнію, изслѣдованія и объ его знаменитомъ противникѣ, непоколебимомъ защитникѣ православія въ XV вѣкѣ, Маркѣ Ефесскомъ.

Не смотря однако на указанную неполноту источниковъ для біографіи Виссаріона, не смотря на трудность, слишкомъ часто мной чувствовавшуюся, связать разрозненные историческіе факты, вывести и объяснить послѣдующее изъ предъидущаго, при всей ихъ кажущейся разнородности, — не смотря на то, что нерѣдко мнѣ приходилось рѣшительно становиться втупикъ предъ какимъ-нибудь фактомъ, не объяснимымъ, какъ казалось сначала, съ моей, да и ни съ какой другой, извѣстной мнѣ, точки зрѣнія, — не смотря на все это, надежда проникнуть во внутренній міръ Виссаріона, разгадать его характеръ и вообще освѣтить хотя нѣкоторыя изъ тѣхъ явленій въ его жизни, которыя доселѣ оставались въ тѣни, меня не покидала. Было у меня много недоумѣній (они есть и сейчасъ); часто овладѣвало мной раздумье относительно вѣрности нѣкоторыхъ изъ своихъ выводовъ; но эти недоумѣнія и сомнѣнія, какъ ни тяжело поддавались они разрѣшенію, до нѣкоторой

степени вознаграждались интересомъ дѣла и самой личности, которую я изучалъ. Не могу поэтому не выразить своей благодарности моему высокоуважаемому учителю Ивану Егоровичу Троицкому, который подалъ мнѣ мысль заняться такимъ виднымъ и интереснымъ историческимъ дѣятелемъ, какъ Виссаріонъ Никейскій.

А. Садовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Садов

Виссарион Никейский на
Ферраро-Флорентийском соборе

Опубликовано:
Христианское чтение. 1882. № 1-2. С. 94-137.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Виссаріонъ Ипкейскій на ферраро-флорентійскомъ соборѣ ¹⁾).

Дѣятельность Виссаріона на ферраро-флорентійскомъ соборѣ въ значительной степени опредѣляется его предшествующей жизнью. Поэтому изслѣдованію образа мыслей и дѣйствій Виссаріона на названномъ соборѣ необходимо предпослать хотя нѣсколько замѣчаний объ его развитіи и жизни въ Греціи до 1438 года.

Виссаріонъ, въ мірѣ повидимому Іоаннъ ²⁾, родился, какъ кажется, въ 1403 г. ³⁾, въ Трапезунтѣ, отъ простыхъ родите-

¹⁾ Настоящая статья представляетъ отрывокъ изъ приготовляемаго авторомъ изслѣдованія о всей жизни Виссаріона. Здѣсь авторъ дѣлаетъ попытку прослѣдить, между прочимъ, постепенное развитіе уніонитскихъ стремленій Виссаріона. Наиболѣе точный изъ новѣйшихъ изслѣдователей жизни этого замѣчательнаго челоѣка, нѣмецкій ученый Гете, лишь изрѣдка обращаетъ вниманіе на эту сторону дѣла. Онъ впрочемъ и не имѣлъ въ виду, какъ самъ даетъ понять на стр. 182 своего сочиненія, заниматься этимъ предметомъ болѣе или менѣе спеціально. Французскій изслѣдователь Вастъ обращаетъ на него больше вниманія, но въ его изложеніи нѣтъ ни отчужденности, ни точности, какъ это мы надѣемся доказать въ своемъ мѣстѣ.

²⁾ B andini, cap. II (Migne, Patr. gr., tom. CLXI).

³⁾ Vast (Le cardinal Bessarion, Paris, 1878, pag. 2) первый сдѣлалъ попытку установить эту дату, на основаніи свидѣтельства Капраньяка, на которое дотолѣ совершенно непонятнымъ образомъ не обращалось вниманія. Эта дата представляется довольно вѣроятною. Тѣмъ не меньше было бы большою поспѣшностью окончательно остановиться на ней и считать ни на чемъ не основаннымъ общіе до Васта показаніе 1395 года, какъ годъ рожденія Виссаріона. Самое большое затрудненіе заключается въ томъ, что 1395 г. принимается и Бандини; а онъ между тѣмъ зналъ свидѣтельство Капраньяка (Bardini у Мюна, cap. 32). Предлагаемое Вастомъ объясненіе этого обстоятельства едва-ли достаточно, потому что, принявъ его, пришлось бы признать Бандини совершенно незнакомымъ съ основными требованіями ученой работы, на что мы

лей ¹⁾). Первоначальное образованіе онъ получилъ въ родномъ городѣ, повидимому подъ руководствомъ мѣстнаго епископа ²⁾, обратившаго вниманіе на даровитаго мальчика. Для дальнѣйшаго усовершенствованія Виссаріонъ отправленъ былъ въ Константинополь, ученныя силы и образовательныя средства котораго высоко цѣнились въ ту пору не только на востокѣ, но и на западѣ ³⁾. Здѣсь онъ, между прочимъ, посѣщаль около 1425 г. школу знаменитаго ритора, впослѣдствіи великаго сакелларія, Мануила Хри-

не имѣемъ основанія. Не забудемъ при этомъ, что Бандини пользовался Ватиканской библіотекой, оставшейся недоступною для другихъ, въ томъ числѣ и для Васта, и могъ тамъ почерпнуть подтвержденіе даты 1395, еще равнѣе его принятой Берниромъ (Ср. *Наскк*—*Disputatio...*, pag. 21). Такимъ образомъ вопросъ о годѣ рожденія Виссаріона, при настоящемъ состояніи документовъ, не можетъ быть рѣшенъ положительно ни въ ту ни въ другую сторону.

¹⁾ Немногія дащія о родителяхъ Виссаріона собраны Вастомъ на стр. 3—4 и разъяснены весьма правдоподобно. Но ссылка Васта на собственныя слова Виссаріона на col. 612. А и 461. В (*Migne*, t. CLXI), представляются напрасными: первое мѣсто слишкомъ неопредѣленно, а второе относится, какъ можно догадываться на основанія контекста, не къ общественному положенію родителей Виссаріона, а къ его первоначальному образованію и воспитанію подъ руководствомъ трапезундскаго епископа или же къ его позднѣйшей монашеской жизни.

²⁾ *Μ. Αποστολίου Ἐπιτάφιος θρηγοῦδης* (*Migne* CLXI, col. 133). Слова Апостолія, человѣка весьма близкаго къ Виссаріону и притомъ грека, настолько авторитетны, что вѣтъ никакой нужды ни отрицать того, что Виссаріонъ получилъ образованіе подъ руководствомъ именно трапезундскаго митрополита, ни предполагать какого-то другаго епископа, занимавшагося образованіемъ молодого Виссаріона, какъ это дѣлаетъ Вастъ на стр. 7. Самое же это образованіе не простиралось повидимому дальше элементовъ, потому что самъ Виссаріонъ совсѣмъ не упоминаетъ о немъ въ своей краткой автобіографіи. Тамъ читаемъ: ...στοβύρια Βησσαρίωνι, τὸ γένος ἐκ Τραπεζοῦντος, ἐν Κωνσταντινουπόλει τραφέντι καὶ παιδευθέντι (*Villois* *on-Anecdota graeca*, t. II, p. 246).

³⁾ По словамъ Энео Сильвіо *mansit apud Constantinopolim, usque ad nostrum tempus, vetustae sapientiae monumentum, ac velut ibi domicilium litterarum esset et arx summae philosophiae. Nemo Latinorum satis doctus videri poterat, nisi Constantinopoli aliquando studuisset; quodque, florente Roma, doctrinarum nomen habuerunt Athenae, hoc tempestate nostra Constantinopolis obtinebat.* (*Наскк*, *Disputatio*, qua Bessarionis aetas, vita, merita, scripta exponuntur, Harlemi, 1810, p. 7). Подобное говорятъ и Филельфо (*ib.*, p. 10). Ср. Платину у *Migne* CLXI, col. 105.

сококка ¹⁾). Кроме знаний по языку и литературѣ, въ частности по литературѣ греческихъ поэтовъ, ораторовъ и философовъ ²⁾, школа Хрисококке дала Виссаріону случай завязать одно весьма важное для него знакомство, именно съ бывшимъ тогда въ Константинополѣ и слушавшимъ Хрисококке итальянскимъ гуманистомъ Филельфо ³⁾. Въ бесѣдахъ съ нимъ Виссаріонъ имѣлъ возможность уже въ это время заочно познакомиться съ Италіей, съ гуманистическимъ движеніемъ, тамъ начавшимся, и памятниками древней жизни и искусства, встрѣчавшимися тамъ почти на каждомъ шагу и возбуждавшими восторгъ едва ли не въ каждомъ просвѣщенномъ грекѣ, которому въ ту пору удавалось быть въ Италиі ⁴⁾. Очень возможно, что Виссаріонъ, при своей воспримчивой натурѣ и любознательномъ умѣ, уже въ эту пору пріобрѣлъ нѣкоторыя симпатіи къ Италиі и тамошней жизни. Обстоятельства его жизни такъ сложились, что этимъ симпатіямъ суждено было получить впоследствии еще новую пищу для себя. Нѣсколько лѣтъ спустя мы видимъ Виссаріона, уже монаха, въ Целононесѣ у другаго и еще болѣе знаменитаго учителя—Плеона. Эта замѣчательная личность оказала сильное вліяніе на весь складъ мышленія Виссаріона; поэтому неизлишне взглянуть въ эту личность.

Георгій Гемнеть Плеонъ родился въ Константинополѣ около

¹⁾ Это—тотъ самый Хрисококке, вмѣсто котораго, по его письменному полномочію, подписался Виссаріонъ подъ опредѣленіемъ Флорентійскаго собора, Mansi, XXXI, 1040; Bandini, IX, 428; издание *ἑρμαννοῦ βιβλιότητος* (Pitra?), стр. 322. Кстати замѣтимъ, что текстъ подписи Виссаріона въ этихъ изданіяхъ, передающихъ его одинаково и лишь съ нѣкоторыми орфографическими разностями, особенно въ небрежномъ изданіи Mansi, почти совершенно не похожъ на текстъ въ оригинальномъ декретѣ, напечатанномъ между прочимъ у Goethe (Studien und Forschungen über d. Leben und d. Zeit des cardinals Bessarion, 1 Heft, als Manuscript gedruckt, 1871, S. 213).

²⁾ М. *Ἀποστολίου*—Епит. Эрзу., l. c. c.; ср. Vast., p. 17.

³⁾ Bandini, c. II (Migne, CLXI, col. 3—4).

⁴⁾ См. напр. характерный отзывъ Мануила Хрисолоры въ его письмахъ (Migne, CLVI, col. 23 seq.); ср. Spicilegium Romanum, X, 343.

1355 года ¹⁾. Съ равнихъ лѣтъ съ особенной любовію занимался онъ изученіемъ произведеній классической древности. Картины минувшаго Эллады еще въ юношескіе годы производили на него чарующее впечатлѣніе, не утратили они своей привлекательности для Плеона и въ послѣдующее время. Между тѣмъ современная дѣйствительность давала пищу для совершенно иного рода размышлений. Земли греческія одна за другою переходили въ руки турокъ: внутреннее состояніе имперіи представляло не менѣе жалкій видъ. Сравненіе блестящаго прошлаго Греціи съ ея теперешнимъ состояніемъ навязывалось такимъ образомъ само собою, и нисколько не удивительно, что сжившійся съ идеалами древности молодой энергическій умъ Гемиста усмотрѣлъ средство ко спасенію отечества въ этихъ же идеалахъ, въ возстановленіи и проведеніи въ жизнь возрѣвнѣй древности, въ томъ числѣ и религіозныхъ, и именно возрѣвнѣй лучшихъ представителей эллинизма—Платона и его учениковъ. Это стремленіе зародилось въ умѣ Плеона можетъ быть еще въ юношескіе годы ²⁾, съ теченіемъ времени оно окрѣпло въ немъ и перешло въ дѣло. Есть мнѣніе ³⁾, что еще до 1438 г. онъ образовалъ въ Пелопоннесѣ родъ союза или секты, религіозныя вѣрованія и нравственныя правила которой были чисто языческаго, именно неоплатоническаго характера. Но если даже до этого времени Плеонъ и не составилъ такого общества въ смыслѣ болѣе или менѣе организованной общины съ раздѣленіемъ на эсотериковъ и экзотериковъ, съ особою законодательною книгою (Плеоновы „*νομοι*“), то во всякомъ случаѣ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что къ этому времени у Плеона не только вполне созрѣла мысль создать новую религію ⁴⁾, но и сформировалась, по

¹⁾ Умеръ, по мнѣнію Александра (Migne, CLX; col. 805—806), между 1450 и 1456 гг.

²⁾ Справ. Fritz Schultze, G. G. Plethon und seine reformatorische Bestrebungen, Iona, 1874.

³⁾ Такъ думаетъ упомянутый выше Шульце.

⁴⁾ Вастъ (стр. 26) считаетъ Плеона въ эту пору вполне православнымъ человѣкомъ, но не приводитъ достаточныхъ доказательствъ въ пользу этой мысли. «Христ. Чтен.». № 1—2, 1882 г.

крайней мѣрѣ въ основныхъ своихъ чертахъ, его собственная религіозная система ¹⁾). А такъ какъ никакія системы сразу не соз-

сли; его ссылка на трактатъ Плевона о добродѣтеляхъ и «на молитву къ единому Богу» ничего не доказываетъ, такъ какъ даты этихъ сочиненій Плевона не извѣстны. Вообще Вастъ, кажется, и не подозреваетъ возможности спора о полномъ православіи Плевона въ ту пору, когда его слушала Виссаріонъ.

¹⁾ Георгій Трапезунтскій въ предислѣдней главѣ своего соч. «Compar. Plat. et Arist.» пишетъ: «*Audivi ego ipsum (т. е. Плевона) Florentiae (venit enim ad concilium cum Graecis) asserentem unam eandemque religionem uno animo, una mente, una praedicatione universum orbem paucis post annis esse suscepturum. Cumque rogassem, Christine an Machumeti? Neutram, inquit, sed non a gentilitate differentem... Percepi etiam a nonnullis Graecis qui ex Peloponneso huc profugerunt, palam dixisse ipsum, anteaquam mortem obiisset iam fere triennio, non multis annis post mortem suam et Machumetum et Christum lapsum iri, et veram in omnes orbis oras veritatem perfulsuram* (Migne, CLX, col. 797—798). Правда, это передаетъ врагъ Плевона; тѣмъ не меньше въ виду всего, что извѣстно о Плевонѣ, мы не вправе занодозрять это сообщеніе Георгія. Но возникаетъ недоумѣніе: какъ примирить съ такимъ свободомысліемъ Плевона его полный консерватизмъ на ферраро-флорентійскомъ соборѣ? Какъ понять то, что на этомъ соборѣ онъ явился однимъ изъ представителей строгаго православія? Шульце объясняетъ это тѣмъ, что для собственныхъ цѣлей Плевона было выгодно продолженіе церковнаго раздѣленія. Соединеніе церквей увеличло бы силу христіанства, вражда же между ними поддерживала бы ихъ общую слабость и—слѣдовательно—могла помочь распространенію Плевоновой системы. Въ интересахъ именно этой системы, по живнію Шульце, Плевонъ и высказывался всегда противъ уніи, хотя, разумѣется, офіціально онъ мотивировалъ свое противодѣйствіе уніи такъ же точно, какъ и другіе защитники православія, т. е. интересами истины и православной церкви. Однако ни характеръ Плевона, ни замѣтки не даютъ намъ рѣшительно никакихъ оснований предполагать въ Плевонѣ способности къ такому, можно сказать, дьявольскому коварству. Двудличія въ Плевонѣ отвергать нельзя, но объяснять его, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ проще. До самой своей смерти Плевонъ былъ одновременно и православнымъ христіаномъ и язычествующимъ философомъ. Православнымъ онъ былъ въ жизни, на практикѣ; язычникомъ—въ мышленіи, въ теоріи. Въ немъ такимъ образомъ былъ такой же разладъ, какой былъ въ однокъ ученомъ нашего времени, который у себя въ ученомъ кабинетѣ мыслитъ какъ ученый, а въ церкви разсуждаетъ какъ вѣрующій угольщикъ. Подобное раздвоеніе могло быть и у Плевона въ періодъ собора и тѣмъ болѣе въ 1428 г., когда онъ въ извѣстной бесѣдѣ съ императоромъ Іоанномъ Палеологомъ высказался безусловно противъ уніи (Сиронулъ, стр. 155). Въ послѣдствіи, въ чадѣ отъ своихъ усильевъ въ Италіи, а также кодъ вліяніемъ старости (ср. Кофта), Плевонъ могъ можетъ совершить еще дальше по пути теоретическаго отрицанія христіанства. Съ этой, и только съ этой точки зрѣнія можно удовлетворительно объяснить

даются, то мы едва ли погрѣшимъ противъ правды, если предположимъ, что зачатки своеобразныхъ религіозныхъ взглядовъ Плевона существовали у него и раньше, и именно въ ту пору, когда его слушалъ Виссаріонъ; своихъ же мыслей онъ конечно не могъ таить отъ своихъ близкихъ учениковъ, если бы даже и хотѣлъ. Плевонъ не былъ простымъ учителемъ философіи, спокойно излагавшимъ чужія мнѣнія; онъ самъ былъ философъ, и въ качествѣ именно философа выступалъ онъ предъ своими слушателями.

Въ число этихъ слушателей вступилъ и Виссаріонъ ¹⁾. Былъ ли онъ хотя бы нѣкоторое время послѣдователемъ Плевонова ученія, этого мы не знаемъ изъ памятниковъ и предполагать этого не имѣемъ основанія; но то можно принять за весьма вѣроятное, что отъ своего учителя Виссаріонъ долженъ былъ усвоить нѣкотораго рода свободомысліе въ вопросахъ вѣры. Онъ не сдѣлался неоплатоникомъ, но потерялъ безусловную, дѣтски-наивную вѣру въ догматы своей церкви, въ ея непогрѣшимость. Эта вѣра не могла существовать рядомъ съ привычкою къ болѣе или менѣе свободному мышленію въ религіозно-философскихъ вопросахъ, ко-

съ одной стороны появленіе Плевоновыхъ «закоповъ» (ср. Александра у Миня, *CLX*, 801—802), съ другой—составленіе имъ сочиненія объ исхожденіи св. Духа (*ibid.*, 975—980) и присутствіе на константинопольскомъ соборѣ 1450 года (*Har'd.* IX, 1354 sqq.)

¹⁾ Всѣ лучшіе современные біографы Виссаріона (Платина, Апостолій и Карпанька) говорятъ только о томъ, что онъ изучалъ у Плевона математику— (*Migne*, t. *CLXI*, col. 105 и 133 и *Malvasia*, p. 239, по Васту). Изъ этихъ свидѣтельствъ съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что полного курса философіи Виссаріонъ не слушалъ у Плевона, вопреки мнѣнію Васта (pag. 27), и вообще специально не занимался философіей подъ руководствомъ этого неоплатоника. Но мы вынуждены все-таки предположить, что время, проведенное Виссаріономъ у Плевона, не прошло для него безслѣдно и въ философскомъ отношеніи. Думать такъ заставляетъ и тѣсная связь математики съ Платоновой философіей, невѣроятность предположенія, чтобы Виссаріонъ занимался исключительно математикой съ человекомъ, который особенно извѣстенъ былъ именно какъ философъ,—и наконецъ заключающіеся въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Виссаріона прямые признаки того, что онъ посвященъ былъ въ своеобразныя идеи Плевона. Объ этомъ наконецъ будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ.

торую должно было развивать общеніе съ Плевонномъ ¹⁾. — Если либерализмъ, то по крайней мѣрѣ болѣе или менѣ миролюбивое настроеніе по отношенію къ латинянамъ и латинской церкви могла развивать въ Виссаріонѣ и вся вообще пелопоннесская жизнь и обстановка, носившая на себѣ многочисленныя слѣды западныхъ вліяній, между прочимъ и въ религіозно-церковной области. Въ Пелопоннесѣ не было повидимому такой непримиримой вражды къ латинянамъ, какъ это было напримѣръ въ Византіи; восточный и западный обрядъ существовали рядомъ и повидимому уживались. Такимъ образомъ, если было бы нѣсколько смѣло говорить о „полулатинской атмосферѣ Пелопоннеса“, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ²⁾, то признавать существованіе въ Пелопоннесѣ примирительныхъ стремленій во всякомъ случаѣ можно.

Въ характерѣ Виссаріона, насколько онъ успѣлъ раскрыться до собора, не было задатковъ предательства, измѣны вѣрѣ отцовъ ради какихъ нибудь низкихъ побужденій. Это былъ напротивъ характеръ, внушавшій общее уваженіе къ себѣ и въ народѣ ³⁾. и въ императорахъ византійскомъ и трапезунтскомъ, заключившихъ союзъ между собою противъ турокъ именно благодаря посредству Виссаріона ⁴⁾. Жизнь въ Пелопоннесѣ должна была построить его болѣе или менѣ миролюбиво по отношенію къ латинянамъ, но и только. Индифферентистомъ въ догматахъ и тѣмъ болѣе латиномудрствующимъ онъ не сдѣлался, хотя и не остался безусловнымъ ортодоксаломъ, какимъ былъ дотолѣ, т. е. человекомъ, не допускавшимъ никакой провѣрки ученія своей церкви. считавшимъ непозволительнымъ даже на минуту предполагать, что ученіе его церкви относительно какого нибудь пункта по крайней

¹⁾ На эту сторону дѣла къ сожалѣнію не обращается никакого вниманія.

²⁾ Vast, 29.

³⁾ Platina въ изданіи Миня (Migne, CLXI, col. 105).

⁴⁾ Platina, *ibid.*; Carpanica въ изд. Malvasia—Compendio storico della basilica di SS. XII Apostoli. Roma 1665, p. 240 (этого изданія мы не могли достать и потому беремъ цитаты у Васта). Vast, 33.

мѣръ не такъ полно, какъ ученіе западной церкви и т. п. Но такъ какъ догматическими и другими разностями между церквами Виссаріонъ, навѣрное, еще не занимался спеціально, то и положительныхъ взглядовъ по этому предмету онъ по всей вѣроятности не успѣлъ еще составить. Впрочемъ обстоятельства времени и собственной жизни Виссаріона скоро дали ему случай нѣсколько больше выяснитъ для себя точку зрѣнія на спорные пункты между церквами.

Еще задолго до разсматриваемаго времени начались формальные переговоры византійскихъ императоровъ съ папами относительно созванія вселенскаго собора, какъ перваго условія соединенія церквей. При императорѣ Іоаннѣ Палеологѣ II эти переговоры сдѣлались особенно оживленными, съ одной стороны вслѣдствіе крайней опасности, которою угрожали турки самому существованію византійской имперіи, съ другой—благодаря стремленію какъ папы, такъ и враждовавшаго съ нимъ базельскаго собора подкрѣпить свое дѣло союзомъ съ восточною церковію ¹⁾). Между соборомъ или—точнѣе—большинствомъ собора и папою, къ которому примкнуло и незначительное меньшинство отцовъ базельскаго собора, долго велась борьба изъ-за того, которую изъ сторонъ признаютъ греки истинною представительницею западной церкви и съ кѣмъ будутъ они вести переговоры объ условіяхъ церковнаго соглашенія. Нѣкоторое время немало преній возбуждалъ и вопросъ о томъ, гдѣ быть собору—на востокъ или на западѣ. Въ концѣ концовъ побѣдилъ папа; мѣстомъ собора избрана была Италия. Весьма возможно, что на такой оборотъ дѣла оказалъ немалое вліяніе и Виссаріонъ ²⁾), который, благодаря энергіи, молодости и

¹⁾ См. напр. *C e s s o n i*, *Studi storici sul concilio di Firenze*, 1869, docum. pag. DCIII—DCIV.

²⁾ (*M i g n e*, CLXI, col. 106): «*is enim, re Constantinopolitana nondum profulgata... non prius destitit rogando, monendo Imperatorem ac principes Graeciae, quam eos impulerit gravissima oratione habita, in Italiam ad Eugenium pontificem maximum contendere.*»

недостаточному знанію жизни и латинянъ, весьма естественно могли не раздѣлять опасеній напримѣръ патріарха по поводу созванія собора на западѣ, а не на востокѣ ¹⁾, и которому, при его подвижной натурѣ, вѣроятно давно уже собственными глазами хотѣлось посмотрѣть на ту страну, о которой такъ много хорошаго говорили и писали какъ латиняне, такъ и греки. Съ папою заключенъ былъ договоръ, обезпечивавшій болѣе или менѣе спокойное и удобное путешествіе въ Италію императора, клира и свиты и вмѣстѣ съ тѣмъ безопасность Византіи во время отсутствія императора. Приняты были мѣры къ тому, чтобы православная церковь имѣла на предстоящемъ соборѣ лучшихъ своихъ представителей. Въ число послѣднихъ, какъ и слѣдовало ожидать, попалъ и Виссаріонъ, давно уже извѣстный императору какъ весьма умный, образованный и обладавшій замѣчательнымъ даромъ слова человѣкъ.

Такимъ образомъ сами обстоятельства требовали отъ Виссаріона спеціальной подготовки къ предстоявшей ему дѣятельности на соборѣ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ данныхъ для рѣшенія того существенно важнаго для насъ вопроса, съ какого времени началась или могла начаться эта подготовка и—слѣдовательно—какъ долго продолжалась она ²⁾.

Нѣтъ у насъ прямыхъ свидѣтельствъ и относительно того, въ чемъ состояла и какъ шла эта подготовка Виссаріона. Остается такимъ образомъ прибѣгнуть къ предположеніямъ. Въ одномъ изъ многочисленныхъ совѣщаній грековъ у императора по поводу собора было постановлено изучать прежде всего творенія св. Нилъ

¹⁾ Ср. напр. *Συροποιος*, pag. 13.

²⁾ Сравн. *V a s t*, 34—35. Что же касается совѣщаній у императора, о которыхъ говоритъ Сиропулъ, стр. 49—51, то на этихъ совѣщаніяхъ Виссаріонъ очевидно не присутствовалъ, вопреки мнѣнію Васта (стр. 50, прим. 1). Такъ какъ Виссаріонъ въ эту пору былъ вѣроятно игуменомъ (ср. *Vast*, .33—34), то Сиропулъ, при перечисленіи лицъ, участвовавшихъ въ вышеуказанномъ совѣщаніи, поставилъ бы его имя подлѣ имени Марка Евгеніа, чего однако не сдѣлалъ.

Кавасилы, каковой трудъ и взяли на себя главнымъ образомъ Маркъ Евгеникъ, тогда еще іеромонахъ, и дидаскаль Георгій Схоларій ¹⁾. Очень вѣроятно, что съ того же началъ свою подготовку или по крайней мѣрѣ тѣмъ же Ниломъ занимался и Виссаріонъ, готовясь къ собору. Читалъ онъ быть можетъ и сочиненія другихъ православныхъ полемистовъ. Съ цѣлю познакомиться съ состояніемъ вопроса вообще и съ оружіемъ своихъ противниковъ въ частности, могъ онъ читать и сочиненія латинумудрствующихъ греческихъ полемистовъ, а также нѣкоторыхъ латинскихъ схоластиковъ въ греческомъ переводѣ ²⁾. Можетъ быть читалъ онъ относящіяся къ вопросу о Троицѣ и отеческія писанія отцовъ восточной и отчасти западной церкви, послѣднія конечно въ греческихъ переводахъ ³⁾. Что было бы удивительнаго, если бы при такихъ обстоятельствахъ Виссаріонъ взглянулъ на отеческія свидѣтельства уже въ эту пору не совсѣмъ тѣми же глазами, какими смотрѣли на нихъ безусловные противники уніи, — если бы уже въ это время, при пересмотрѣ отеческихъ мѣстъ о Св. Духѣ и различныхъ объясненій къ нимъ, въ немъ зарождалось по временамъ нѣкоторое сомнѣніе въ вѣрности ученія своей церкви, — то сомнѣніе, которое привело цѣлый западный міръ къ ученію о *filioque*? Если Виссаріонъ дѣйствительно сколько нибудь знакомъ былъ съ литературой спорныхъ вопросовъ, то минуты такого колебанія у него были бы вполне естественны. Во всякомъ случаѣ однако такого рода состояніе, если только оно пережива-

¹⁾ *Συροπολος*, III, 7, 50. Это было повидимому осенью 1436 г. Ср. Goethe, 85.

²⁾ Кромѣ сдѣланныхъ Схоларіемъ переводовъ философскихъ схоластическихъ сочиненій (*Migne*, CLX, 310, 1211—1212), въ эту пору существовали сдѣланные Кидоніемъ переводы: сочиненія Ансельма «*De proc. Spir. Sancti*» и другаго сочиненія того же Ансельма о трехъ спорныхъ пунктахъ, въ особенности о квасномъ и прѣсномъ хлѣбѣ въ евхаристіи (*Migne*, CLX, 69 not.; 154, 833—834); *Сомы Аквината*—«*Summa Theologiae*» и др. (*Migne*, CLIV 333—834). Переводилъ и М. Планудисъ (*Gass, Gennadius und Pletho*, 1841, S. 88 и сл.).

³⁾ Ср. *Vast*, 50.

лось имъ ¹⁾, не могло продолжаться долго: подготовка Виссаріона въ собору была далеко не серьезна. Съ другой стороны, влѣдствіе именно своего малаго знакомства съ названной литературой ²⁾, Виссаріонъ не могъ придавать теперь особеннаго значенія своимъ сомнѣніямъ. Онъ, какъ извѣстно, „увѣрялъ патріарховъ, что посредствомъ разсужденій онъ можетъ привлечь латинянъ къ ученію“ восточной церкви ³⁾. Члены константинопольскаго собора 1450 года объясняли это коварствомъ Виссаріона ⁴⁾. Послѣдующія событія покажутъ, что предполагать въ немъ коварство, и притомъ въ эту пору, нельзя. Гораздо естественнѣе и сообразнѣе съ характеромъ Виссаріона и съ его доселѣшнимъ настроеніемъ объяснять это его заявленіе самообольщеніемъ. Силу своей рѣчи Виссаріонъ уже имѣлъ случай испробовать ⁵⁾; опыты доселѣ были весьма удачны, и Виссаріонъ, въ надеждѣ на свои молодыя силы, при незнаніи всѣхъ богословскихъ трудностей, съ которыми ему придется бороться, могъ серьезно думать о побѣдѣ надъ латинянами. Это тѣмъ возможнѣе, что и нѣкоторые другіе греки также мечтали о побѣдѣ надъ латинянами ⁶⁾, хотя—замѣтимъ къ слову—

¹⁾ Мы не рѣшаемся сказать это съ рѣшительностію; но съ другой стороны считаемъ возможнымъ, хотя лишь предположительно, думать, что Виссаріонъ могъ испытывать нѣкоторыя сомнѣнія. Основаніемъ для этого служить его предшествующая жизнь и послѣдующая дѣятельность на соборѣ. Нашему предположенію противорѣчить повидимому одно (и—сколько намъ извѣстно—единственное) свидѣтельство самого Виссаріона у Миня, CLXI, 360. В. Но этого свидѣтельства нельзя признать точнымъ и придавать ему полную вѣру. Виссаріонъ напр. говоритъ здѣсь: *ἄμα γὰρ ἰδὼν καὶ ἀκούσας αὐτὰ* (т. е. ῥητὰ), *εὐθὺς πάσης φιλονεκίας καὶ ἔριδος ἐπαυσάμην*. Но дѣйствительная исторія собора показываетъ, что Виссаріонъ велъ пренія съ латинянами даже и послѣ того, какъ узналъ отеческія изреченія.

²⁾ Ср. напр. Migne, CLXI, 360.

³⁾ Narduinі, acta conc. IX, 1358. С: *Ἐπεθε τοὺς πατριάρχας προσεφελούσαι τοὺς Ἰταλοὺς πρὸς τὸ ἡμέτερον δόγμα δύνασθαι διὰ τῶν διαλέξεων.

⁴⁾ Ibid: ὁ μὲν γὰρ προδότης Βησσαρίων, ἄλλα μὲν κεύθων ἐν φρεσίν, ἄλλα δ' ἐξαγγέλλων τῷ στόματι...

⁵⁾ Migne, CLXI, 105.

⁶⁾ Императоръ впоследствии по одному случаю замѣтилъ: *ἡμεῖς ἐθαρρόυμεν διορθῶσαι πολλὰ σφαλματα τῶν Λατίνων, νῦν δε...* (Συροπούλος, X, 11). Еще важ-

ихъ крайне недостаточная подготовка и не давала имъ права на это ¹⁾). Такимъ образомъ самая среда, въ которой вращался Виссаріонъ, до нѣкоторой степени могла развивать въ немъ надежды на побѣду. Эта же самая среда между тѣмъ едва ли была благоприятна для развитія или возникновенія иного рода надеждъ и стремленій, т. е. рѣшительной склонности къ латинству и соединенію съ латинянами во что бы то ни стало. Императоръ, главный виновникъ предполагавшагося собора и первый его устроитель, искалъ сближенія съ латинянами и усердно хлопоталъ объ уніи съ ними; но онъ едва ли искалъ этой уніи на какихъ бы то ни было условіяхъ и во что бы то ни стало. Очень возможно и даже вѣроятно, что онъ уже заранѣе рѣшилъ сдѣлать нѣкоторыя уступки латинянамъ; но эти уступки могли касаться какихъ либо менѣе важныхъ пунктовъ разностей или же состоять въ такомъ формулированіи акта соглашенія, чтобы этотъ актъ обѣими сторонами могъ быть объясняемъ въ своемъ смыслѣ и такимъ образомъ, не требуя отъ грековъ перемѣны своихъ взглядовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворялъ бы и латинянъ. Что императоръ дѣйствительно заранѣе рѣшилъ въ случаѣ нужды сдѣлать нѣкоторыя уступки латинянамъ, это между прочемъ видно изъ того, что онъ нашелъ нужнымъ на всякій случай испросить у патриарховъ полную свободу дѣйствій для ихъ представителей на соборѣ ²⁾); а что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ далекъ былъ отъ мысли купить унію какою-бы то ни было цѣною, это видно какъ изъ образа дѣйствій его на соборѣ, такъ и изъ того, что онъ взялъ въ Италію Марка Ефесскаго съ тою цѣлью очевидно, чтобы православная сторона вела съ латинскою серьезныя пренія ³⁾). Приближенные къ царю лица

нѣ свидѣтельство Схоларія (см. Garduin IX, 445, 448) и Марка Ефесскаго (Migne, CLIX, 1028).

¹⁾ Недостаточная подготовка грековъ сама собою выяснится при дальнѣйшемъ изложеніи. Теперь же уважемъ для примѣра на слѣдующія мѣста: Garduin, IX, 445; Migne, CLIX, 1088. D; CLXI, 357. A; Συροπ. V, 13, p. 131.

²⁾ Συροπουλος, III, 3, 4.

³⁾ См. также Сиропула, X, 11, стр. 299. Устраненіе же Нила Тарханіота

также повидимому не предполагали въ эту пору, что греки сдѣлаютъ латинянамъ тѣ уступки, какія впоследствии дѣйствительно были сдѣланы. Такъ братъ царя Дмитрій, отправившійся съ другими въ Италію, всегда былъ и остался безусловнымъ ортодоксаломъ. Патріархъ Іосифъ, по всему судя, былъ вполне искрененъ, когда говорилъ, что если латиняне не согласятся съ греками, что однако на его взглядъ было весьма вѣроятно, то греки во всякомъ случаѣ не уступятъ имъ ни йоты ¹⁾. Весьма близкій къ императору и пользовавшійся у него большимъ довѣріемъ Григорій духовникъ даже въ Италіи на первыхъ порахъ неоднократно выражалъ, иногда въ довольно угловатыхъ формахъ, свое отвращеніе къ латинству ²⁾. Возможно, что нѣкоторые другія изъ приближенныхъ къ царю лицъ, напримѣръ Исидоръ съ своими товарищами по посольствамъ на западъ, уже въ эту пору были нѣсколько иныхъ взглядовъ на это дѣло; но и объ ихъ безусловной склонности къ латинству мы ничего не знаемъ. Такимъ образомъ и оружавшіе Виссаріона люди не могли вліять на него въ смыслѣ благопріятномъ для безусловной уніи.

Мы не можемъ сказать даже и приблизительно, когда рѣшено было, что въ числѣ другихъ отправится въ Италію и Виссаріонъ. Нѣсколько, хотя и немвогимъ больше знаемъ мы относительно времени, когда онъ былъ назначенъ въ число главныхъ дѣятелей на соборѣ. Это назначеніе или — точнѣе — предызбраніе состоялось еще до отъѣзда изъ Греціи и повидимому сравнительно незадолго предъ тѣмъ. Основаніемъ для такого предположенія служить возведеніе Виссаріона изъ игуменовъ ³⁾ въ санъ никейскаго

(*ibid.* III, 7) можетъ быть объясняемо изъ опасенія царя, чтобы Ниль не сдѣлалъ какойнибудь выходки противъ латинянь.

¹⁾ *Συροποιος*, III, 16.

²⁾ *Ibid.* IV, 31; VI, 33.

³⁾ Однѣзъ изъ биографовъ Виссаріона, Капраника, говоритъ о немъ, что императоръ *•bysantinus Basilii monasterium famae celeberrimae gubernandum et quotidianis lectionibus erudiendum ei tradit* (V a s t. 33). Время этого назначенія нельзя опредѣлять съ точностію; можно лишь сказать, что оно произошло не раньше 1433 года. (См. *Vast*, 30 и 34).

архієпископа ¹⁾). Говоря о хирстоніи Виссаріона и вмѣстѣ съ нимъ Марка и Діонисія (перваго на ефесскую, втораго на сардійскую каедру), Сиропуль ставитъ это отличіе названныхъ лицъ въ прямую зависимость отъ предназначавшейся имъ выдающейся роли на соборѣ ²⁾). Со времени этого-то назначенія и началась по всей вѣроятности нѣсколько болѣе серьезная подготовка Виссаріона къ будущей дѣятельности на соборѣ.

II.

24-го ноября 1437 года избранные императоромъ и патриархомъ ³⁾ духовные и свѣтскіе сановники моремъ отправились въ Венецію, куда и прибыли 8-го февраля 1438 года. Встрѣча, которая здѣсь была имъ сдѣлана, по всей вѣроятности заставила ихъ на первыхъ порахъ забыть о тѣхъ опасеніяхъ, которыя тревожили нѣкоторыхъ изъ нихъ предъ отправленіемъ въ Италію. Эта встрѣча была такъ почетна, какъ только можно было желать ⁴⁾. Не менѣе почетны были проводы ихъ изъ Венеціи въ Феррару и приемъ здѣсь ⁵⁾. Все это, въ соединеніи съ непритворнымъ повидимому уваженіемъ къ нимъ со стороны даже вліятельнѣйшихъ ла-

¹⁾ Точно опредѣлить время возведенія Виссаріона въ этотъ санъ пока нельзя. Предположеніе Васта (стр. 50), что это событіе произошло осенью 1436 г., во первыхъ такъ же голословно, какъ и подобное же предположеніе Лекена (Op. Cit. I, 653), который, не приводя никакихъ основаній, говоритъ, что Виссаріонъ сдѣланъ никейскимъ митрополитомъ «anno circiter 1436»; во вторыхъ опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что осенью 1436 г. Маркъ былъ повидимому еще простымъ іеромонахомъ (Συροπ. III, 6. 49, ср. Goethe, 85—86); а Виссаріонъ былъ возведенъ въ епископскій санъ повидимому одновременно съ Маркомъ (Συροп. III, 15, 59). Замѣчательно, что Гете не обмолвился, кажется, ни однимъ словомъ на счетъ этого важнаго, но и труднаго вопроса.

²⁾ Συροπουλος, III, 15: ἵν' ὡς πρόκριτοι παρωζῶν ἐν τῇ συνόδῳ.

³⁾ Συροπουλος, III, 15; ср. III, 7 и ми. др., гдѣ говорится объ образѣ дѣйствій царя при обсужденіи разныхъ вопросовъ, отнѣсающихся къ собору.

⁴⁾ Har duin, IX, 1—5; 741—742. См. также писъма А. Траверсари у Cecconi, Studi storici sul conc. di Firenze, Parte Prima, 1869, p. DLI sequ.

⁵⁾ Ibid.

тинянъ ¹⁾, должно было бы настраивать грековъ и въ частности Виссаріона на пріятный ладъ ²⁾ и питать въ нихъ надежды если не на побѣду, то во всякомъ случаѣ на полную равноправность въ предстоявшихъ преніяхъ ³⁾. Эти надежды оказались однако преждевременными. Еще въ Венеціи греки могли нѣсколько разгадать тактику и дѣйствительныя цѣли латинянъ: отъ нихъ едвали могло укрыться неудовольствіе латинянъ на то, что ни императоръ, ни патріархъ не посѣщили на встрѣчу папскому легату, кардиналу Н. Албергати, на пути его въ Венецію, и что оба они бесѣдовали съ легатомъ съ покрытыми головами ⁴⁾. Преемное пріятное настроеніе грековъ еще болѣе было испорчено въ Феррарѣ во время переговоровъ о формѣ официальнаго приема грековъ папою ⁵⁾ и о мѣстѣ папы на соборѣ ⁶⁾. Требованіе о цѣлованіи

¹⁾ А. Траверсари въ письмѣ къ папѣ отъ 20-го февраля (Cecconi, р. DLI) въ чрезвычайно лестныхъ выраженіяхъ отзывается о патріархѣ, а въ одномъ изъ своихъ писемъ отъ 11 марта (*Veterum scriptorum et monumentorum amplissima collectio*, ed. Edmundus Martene, Parisiis, 1724, tom. III, Ambr. Camald. epist. lib. XII, ep. 11) гворитъ: *Sunt inter istos (Graecos) plerique eruditi viri*. За день передъ тѣмъ онъ писалъ (*ibid.*, Ep. lib. XIX, ep. 36): *habent secum* (т. е. императоръ и патріархъ) *plerosque graves et doctos viros, atque ad disputandum promptos, ut sine sanguine victoria futura non sit. Veniunt enim parati et instructi, multaque secum volumina convehunt in rem praesentem*.

²⁾ См. восторженное описаніе прибытія въ Италію и жизни тамъ на первыхъ порахъ у Mansi—*Sacr. concil. coll.*, XXXI, col. 467 и др.

³⁾ Такого повидимому взгляда на будущее положеніе грековъ на соборѣ держались и итальянцы, за исключеніемъ конечно духовенства. Въ этомъ отношеніи весьма характерно слѣдующее свидѣтельство «Феррарскаго дневника» (*Diario Ferrarese* въ *Muratorii*, *Scr. ver. ital.*, tom. XXIV, col. 188—189): «*et dicto Imperatore venne per vedere, se la sua fede era migliore de la nostra*». И нѣсколько дальше: «*et patriarcha di Constantinopoli si parti da Ferrara, e andò... a Fiorenza, per vedere quale fede era migliore, o la sua, o la nostra*».

⁴⁾ А. Траверсари, *Epist.* III, 65, ed. Flor., 1759, pag. 194, по цитатѣ у Пихлера (*Gesch. d. Trenn.*, I, 391). Письмо это перепечатано у Cecconi, pag. DLVIII.

⁵⁾ *Συροπουλος*, IV, 20 слѣд.

⁶⁾ *Ibid.* IV, 25 слѣд.

папской ноги всѣми греками, въ томъ числѣ и патріархомъ, и о мѣстѣ папы въ срединѣ и „во главѣ“ собора достаточно ясно показывало замыслы папы и латинянь. Хотя дѣло это, послѣ долгихъ споровъ, и уладилось, если не къ обоюдному удовольствію, то и безъ особеннаго ущерба для греческой стороны ¹⁾, тѣмъ не меньше впечатлѣніе ²⁾, произведенное на грековъ претензіями латинянь, не могло изгладиться. Греки должны были догадываться, что имъ едва-ли придется играть на соборѣ роль учителей, а латиняне едва-ли согласатся принять роль внимательныхъ и послушныхъ учениковъ ³⁾. Подтверженіемъ служить между прочимъ авторитетное свидѣтельство Марка Ефесскаго. Въ своемъ „Мнѣніи о флорентійскомъ соборѣ“ ⁴⁾, замѣтивъ, что онъ отправлялся въ Италію съ надеждой на побѣду ⁵⁾, Маркъ говоритъ: „но прибывъ туда, мы тотчасъ испытали, что латиняне обращаются съ нами иначе, чѣмъ какъ мы надѣялись, и сряду же явилось у насъ отчаяніе въ достиженіи цѣли. И иной изъ насъ, замѣтивъ это, не

¹⁾ Ср. Συροπουλος, IV, 21 въ концѣ. Замѣчательно, что свою уступку грекамъ относительно мѣста папы латиняне должны были подтвердить клятвою по требованію грековъ. Mansi, t. XXXI, col. 475, B.

²⁾ Всѣ греки были поражены требованіемъ относительно цѣлованія папской туфли, а патріархъ, разумѣется, больше всѣхъ. Онъ представлялъ свои будущія отношенія къ папѣ совершенно иначе, и даже мечталъ о возвышеніи своего авторитета, объ освобожденіи себя и церкви отъ «рабства» царю именно при помощи папы (Συροπουλος, IV, 19). Весьма понятно, что патріархъ могъ совершенно серьезно угрожать возвращеніемъ въ Грецію въ случаѣ упорства латинянь (ibid. IV, 21), до чего папа, разумѣется, не могъ допустить: онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы изъ-за этихъ мелочей рисковать существенно важнымъ.

³⁾ Въ то время, какъ между греками были люди, которые, какъ Виссаріонъ, повидимому не прочь были подвергнуть строгой оцѣнкѣ ученіе какъ западной, такъ и восточной церкви, между латинскими дѣятелями на соборѣ былъ едва ли хотя одинъ человекъ, который бы смотрѣлъ на соборъ, какъ на средство выяснить истину и узнать, на чьей сторонѣ правда. Подтверженіемъ этого, кромѣ многого другаго, служатъ письма А. Траверсари.

⁴⁾ Migne, CLIX, 1024. sqq.

⁵⁾ Ibid., col. 1028. Α... ἐλπίζας ἐπὶ Θεῷ, καὶ τοῖς κοινοῖς τοῦτοις προστάταις (i. e. τῷ πατριάρχῃ καὶ τῷ αὐτοκράτορι) πιστεύσας, ὡς ἅπαντα ἡμῖν ἔξει καλῶς καὶ τι κατορθώσομεν μέγα καὶ τῶν ἡμετέρων πόνων καὶ τῶν ἐλπίδων ἄξιον.

разъ говорилъ другому: эти люди, показывающіе таксе высокоуміе по отношенію къ намъ, едва-ли разстанутся съ чѣмъ либо изъ своихъ обычаевъ и догматовъ“ ¹⁾. Маркъ сдѣлалъ вѣрное наблюденіе: высокоуміе латинскихъ членовъ собора, за весьма немногими исключеніями ²⁾, было дѣйствительно непоумѣрно. Большиство ихъ въ глубинѣ души смотрѣло на грековъ какъ на еретиковъ ³⁾, не имѣющихъ права на равенство на соборѣ, притомъ какъ на людей, ниже ихъ стоявшихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Скрывать такой взглядъ на грековъ не всегда было можно: онъ долженъ былъ сказаться такъ или иначе, въ тѣхъ или другихъ мелочахъ ⁴⁾. Какое впечатлѣніе производило все это на Виссаріона, мы не знаемъ; но нѣтъ также никакихъ основаній думать, чтобы онъ, на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ, не раздѣлялъ съ земляками ихъ неудовольствія и разочарованія. Грекъ не умеръ въ немъ до самой смерти и чувство національнаго самолюбія не заглохло въ немъ окончательно даже и въ ту пору, когда онъ былъ почти на самой вершинѣ могущества въ западной церкви. Что можетъ быть естественнѣе того, что въ первое время своего пребыванія въ Италіи Виссаріонъ глядѣлъ на образъ дѣйствій и претензіи папы тѣми же глазами, какими смотрѣли на нихъ осталь-

¹⁾ Migne, CLIX, col. 1028. D: ἐπεὶ δὲ ἐνταῦθα γινόμενοι τῶν Λατίνων εὐθὺς ἐπειράθημεν ἄλλως ἡμῖν προσευχθέντων ἢ ὡς ἠλπίζομεν, εὐθὺς μὲν ἡμῖν ἀπογνώσαι τοῦ τέλους συνέπεσε καὶ τις ἡμῶν εἶπεσκεν ἰδὼν εἰς πλησίον ἄλλον σχολῆ γ' ἂν οἱ ἄνδρες οὗτοι τῶν οἰκείων ἔθῶν τι καὶ δογμάτων παρακινήσαιεν οἱ τοσαύτην ὑπεροχὴν ἡμῖν ἐνδεικνόμενοι.

²⁾ Къ числу этихъ исключеній принадлежалъ Амвросій Траверсари, всегда бывшій справедливымъ къ грекамъ и не мало способствовавшій установленію лучшаго взгляда на нихъ и въ другихъ латинякахъ. См. его письма у Сессони и разъясненія у Goethe на стр. 163 и сл.

³⁾ Ср. характерное мѣсто у Синопула VI, 4, 145.

⁴⁾ Весьма возможно, что нѣкоторые изъ латинякъ позволяли себѣ также нѣкоторые насильствія надъ наружностью грековъ, раздѣляя въ этомъ случаѣ взглядъ на нихъ одного папскаго секретаря, который не могъ безъ смѣха смотрѣть за фигуры грековъ. H o d i u s, De Graecis Illustribus, pag. 31.

ные его соотечественники и какими только и могъ смотрѣть грекъ? ¹⁾).

Торжественное открытіе собора состоялось 9 апрѣля 1438 г. ²⁾. Официальныя засѣданія собора были однако отсрочены, по требованію грековъ, до прибытія западныхъ государей или ихъ представителей и отцовъ базельскаго собора. Эти засѣданія, какъ увидимъ, начались уже 8-го октября. Полугодичный промежутокъ не былъ однако вполнѣ потерянъ. По требованію латинянъ назначены и начаты были частныя переговоры избранныхъ лицъ съ той и другой стороны относительно менѣ важныхъ разностей, съ цѣлію облегчить будущую работу собора. Въ число избранныхъ съ греческой стороны вошли Маркъ и Виссаріонъ. Согласно съ данной императоромъ инструкціей, пренія съ латинянами должны были вести только Маркъ и Виссаріонъ; впрочемъ въ случаяхъ затруднительныхъ они обязаны были совѣщаться съ другими сотоварищами; послѣ же каждаго засѣданія греческая комиссія должна была являться къ императору и сообщать ему отчетъ обо всемъ, что было говорено въ засѣданіи. Эта характерная инструкція, сохранныя Спроуломъ ³⁾, есть первый документальный памятникъ, свидѣтельствующій о начинающемся вліяніи Виссаріона на ходъ соборныхъ дѣлъ. Не смотря на то, что Виссаріонъ не былъ представителемъ ни одного изъ патріарховъ ⁴⁾, онъ наряду съ Мар-

¹⁾ Ср. *Хороподос*, IV, 20, pag. 94.

²⁾ Пренія, впрочемъ совершенно частныя, происходили и прежде, сряду же послѣ прибытія грековъ въ Феррару. 10-го марта Амвросій писалъ изъ Феррары: *iam levia praelia consecruimus invicemque lacessivimus*. *Secconi, DLXXXII*; ср. *Goethe*, 170. Контекстъ показываетъ, что авторъ имѣетъ здѣсь въ виду, какъ кажется, нечто иное, чѣмъ споры изъ-за мѣста пана на соборѣ.

³⁾ *Хороподос*, V, 3; V, 8. Характерность ея заключается въ томъ, что императоръ, какъ это впрочемъ было и прежде и какъ это будетъ и послѣ, стягиваетъ все къ себѣ,—обстоятельство, имѣвшее, какъ увидимъ, важное значеніе и по отношенію къ Виссаріону.

⁴⁾ Въ «Повѣсти Симеона Суздальскаго объ осмомъ соборѣ» (Павловъ, Критич. опыты по исторіи древн. греко-русской полемики противъ лат., Сиб., 1878, стр. 198 сл.) читаемъ: «Въ лѣто 6946-е наченшу сборовати царю греческому Калуюну и патріарху Іосеу, отъ себе избраша три святители: честна и свята

комъ былъ выдвинуть на передній планъ, на которомъ, какъ увидимъ, и остался въ продолженіи всего собора. Предпочтеніе, оказанное Виссаріону, объясняется безъ сомнѣнія его умомъ и краснорѣчіемъ, а также отчасти его уже испытанною дипломатическою ловкостію, которая вѣроятно представлялась императору далеко не излишнею въ переговорахъ съ такими нужными людьми, какъ латиняне. Первое засѣданіе этой греко-латинской комиссіи открыто было рѣчью кардинала Чезарини. Дошолъ до насъ слухъ, говорилъ между прочимъ кардиналъ, что вы еще до выѣзда изъ Константинополя нашли нѣкоторое средство, посредствомъ котораго думаете соединиться съ нами ¹⁾). Скажите же намъ это средство, просилъ Чезарини. Онъ, какъ и всѣ латиняне, имѣлъ повидимому не точныя свѣденія о томъ, что говорилось въ константинопольскомъ собраніи грековъ, предшествовавшемъ отъѣзду ихъ въ Италію ²⁾). Латинянамъ должно быть сообщено было, что греки, вынужденные крайностью, не только заранѣе рѣшились на унію, но и приготовили уже условія, на которыхъ она могла бы быть и была бы заключена. Изъ самой постановки Юліаномъ вопроса, въ связи съ обстоятельствами, при которыхъ этотъ же вопросъ повторялся потомъ, мы можемъ заключать, что латиняне придавали этому „средству“ рѣшительное значеніе и именно въ пользу уніи.

мужа Марка митрополита еоеесскаго въ мѣсто патріарха александрійскаго, а другаго митрополита Исидора русскаго въ мѣсто патріарха антиохійскаго, третіаго митрополита Висаріона никейскаго въ мѣсто патріарха іерусалимскаго, и тѣхъ посадиша въ патріарховъ мѣсто» (стр. 200). Ошибка Симеона (ср. напр. Сироп. IV, 29; V, 1)—довольно понятна: или по своей простотѣ онъ отождествлялъ мѣстоблюстителей съ лицами ведшими пренія, или же—зная, что Виссаріонъ, за смертію Діонисія сардійскаго въ апрѣлѣ 1438 г. (Сироп. V, 1, Mansi, col. 491), сдѣлался мѣстоблюстителемъ сардійской кафедрѣ (Mansi, 1036)—ошибочно заключилъ отсюда, что онъ съ тѣмъ вмѣстѣ принялъ на себя и обязанности мѣстоблюстителя іерусалимскаго патріарха, возложенныя на Діонисія. См. Сироп. V, 1; Mansi, 1033. Относительно названія императора Калуяномъ ср. Goethe, 45.

¹⁾ Εἴρετε μεσότητά τινά δι' ἧς νομίζετε συναφθῆναι μεθ' ἡμῶν—Συροποῦλος, V, 4.

²⁾ Ibid. III, 6.

Такъ повидимому понялъ это и Маркъ, который и счелъ поэтому своимъ долгомъ категорически опровергнуть предположенія Чезарини ¹⁾ и уничтожить иллюзіи, которымъ очевидно поддавались латиняне. — Отвѣтъ Марка не оправдалъ возлагавшихся на него греками надеждъ и во всякомъ случаѣ не оставилъ въ нихъ особенно благоприятнаго впечатлѣнія ²⁾. Нѣсколько позднѣе они сами высказали Марку свое недовольство его рѣчью и основанія этого недовольства. Они указывали именно на то, что онъ говорилъ не обдумавши и повидимому не приготовившись, а „какъ случится“ ³⁾. Изъ отвѣта Марка мы видимъ, что онъ намѣренно говорилъ „просто“ (ἀπλῶς), такъ какъ, на его взглядъ, лишь простая рѣчь прилична монаху. Греки однако находили, что говорить такъ, какъ говорилъ Маркъ, было теперь неумѣстно, что съ противникомъ нужно бороться тѣмъ же оружіемъ и тѣми же средствами, какими и тотъ пользовался. Отвѣчать кардиналу на его отвѣтную рѣчь Марку они поручили теперь Виссаріону, надѣясь очевидно, что послѣдній загладит не совсѣмъ благоприятное впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ рѣчью Марка. Это была первая официальная рѣчь Виссаріона; тѣмъ цѣннѣе она для насъ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ о ней лишь весьма краткія и неопредѣленные свѣденія у Сиропула ⁴⁾. Однако и изъ этихъ краткихъ замѣчаній можно сдѣлать нѣкоторые важные выводы. Изъ сопоставленія отчета Сиропула объ этой рѣчи Виссаріона съ тѣмъ, что говорилось предъ тѣмъ Маркомъ и кардиналомъ Чезарини и что высказано было потомъ императоромъ, когда ему было доложено о всемъ происходившемъ въ комиссіи ⁵⁾, можно заключать, что Виссаріонъ въ существен-

¹⁾ Συροπούλος, V, 4.

²⁾ Οὐκ ἔδοξεν ἡμῖν ἔχειν τινὰ γενναϊότητα, ἢ κατὰ τὴν φρασιν, ἢ κατὰ τὰ νοήματα ἢ πρώτη ἀπολογία τοῦ Ἐφέσου, οὐδὲ ἀναλογίαν ἀρμοδίαν πρὸς τοὺς λόγους τοῦ Ιουλιανοῦ (Συροπούλος, V, 5).

³⁾ Συροπούλος, V, 6: οὐκ ἔδει (т. е. Марку) πεφαισμένως καὶ ἰδιωτικῶς, ἢ καὶ ἀπερισκέπτως ὡς ἔτυχεν ἀπολογήσασθαι, ἀλλ' ἐπιστημονικῶς καὶ γενναίως.

⁴⁾ Συροπούλος, V, 6.

⁵⁾ Συροπούλος, V, 6, p. 120.

номъ не расходился съ Маркомъ; если же относительно нѣкоторыхъ частныхъ пунктовъ и высказался нѣсколько иначе, то только потому, что этого требовало самое существо дѣла ¹⁾). Относительно же какого-то особеннаго „средства соединенія“, будто бы измышленнаго греками, онъ высказался такъ, какъ высказался бы и всякій православный человѣкъ. „Другаго средства (для соединенія), кромѣ истины, у насъ нѣтъ. У насъ есть истина; она будетъ у насъ и средствомъ; въ другомъ средствѣ намъ и нужды не представится, да мы и не сможемъ найти лучшаго средства, чѣмъ истина“ ²⁾). Яснѣе этого едва ли можно было высказаться противъ всякихъ сдѣлокъ, на которыя потомъ пошли греки. Впечатлѣнiе Виссаріоновой рѣчи на грековъ было весьма благопріятное ³⁾.

Послѣ долгихъ споровъ съ латинянами, желавшими подвергнуть разсмотрѣнiю въ комиссiи главную разность между церквами—вопросъ объ исхожденiи Св. Духа ⁴⁾, предметомъ разсужденiй былъ избранъ, согласно рѣшительному требованiю императора ⁵⁾, вопросъ о состоянiи душъ за гробомъ ⁶⁾. Но Виссаріонъ заранѣе объявилъ

¹⁾ Καὶ ἐπηρόρθη τὰ δοξάντα ἀνίσχυρα ἐκ τῶν τοῦ Ἐφέσου, καὶ ἠσφαλίσατο, καὶ ἀπέκλεισεν, εἰ τί πόρισμα ἐπορίζετο ἐκ τούτων ὁ Ἰουλιανὸς ἢ πρὸς. (Συροποῦλ. V, 6, p. 119). Какъ видно, Сиронунъ, этотъ безусловно православный человекъ, вполнѣ одобряетъ то, что говорили Виссаріоны.

²⁾ Μεσότητα δὲ ἄλληλη ἡμεῖς οὐκ ἔχομεν εἰ μὴ τὴν ἀληθείαν. Ἐπεὶ γὰρ ἔχομεν τὴν ἀληθείαν μεθ' ἡμῶν, αὐτὴν ἔξομεν ἡμεῖς καὶ μεσότητα, καὶ ἑτέρας οὐ δεησόμεθα. Ἐπεὶ οὐδὲ δεησόμεθα ποτε εὐρεῖν χρεῖστον τῆς ἀληθείας μεσότητα — ibid.

³⁾ Сиронунъ на вызвѣтъ Виссаріонову ἀπολογίαὺν γενναίαν τε καὶ λογικὴν καὶ πεπλοασμένην.

⁴⁾ Συροποῦλος, V, 5 г 8.

⁵⁾ Συροποῦλος, V, 8, pag. 123.

⁶⁾ Императоръ запретилъ касаться въ комиссiи вопроса объ исхожденiи Св. Духа по той же причинѣ, по которой онъ не дозволилъ заниматься опрѣсненками: ἐπεὶ καὶ ἐν τούτῳ (т. е. въ вопросѣ объ опрѣсненкахъ) διαφορὰ μεγίστη δοκεῖ—Συροποῦλος, V, 8. Почему же однако императору не хотѣлось, чтобы въ комиссiи шли разсужденiя о болѣе важныхъ разностяхъ? Авторъ «Исторiи Флорентійскаго собора» (Москва, 1847) повидимому объясняетъ это тѣмъ, что императору не хотѣлось, чтобы непримиримость православiя съ латинскимъ ученiемъ обнаружилась прежде, нежели онъ достигнетъ своей цѣли» (стр. 51); а эта непримиримость скорѣе обнаружилась бы конечно при важнѣйшихъ пунк-

грекамъ. что въ этихъ спорахъ онъ не предполагаетъ принимать участія. „Я не имѣю ничего сказать о чистилищѣ, говоритъ онъ; относительно догмата (объ исхожденіи Св. Духа) я можетъ быть найду что сказать; относительно же этого (т. е. чистилища) не знаю, что скажу“ ¹⁾. И дѣйствительно пренія съ греческой стороны велъ почти исключительно Маркъ. Но Виссаріонъ былъ слишкомъ живая натура, чтобы онъ могъ оставаться безучастнымъ. И на самомъ дѣлѣ, онъ „отчасти помогалъ Марку въ преніяхъ, хотя и слабо“ ²⁾, что впрочемъ и естественно, послѣ вышеприведеннаго заявленія. Къ сожалѣнію, источники оставляютъ насъ въ невѣдѣніи относительно того, въ чемъ именно состояла помощь Виссаріона Марку и каковы были на первыхъ порахъ ³⁾ его заявленія по занимавшему комиссію вопросу. Во всякомъ случаѣ за это время Виссаріонъ еще ни въ чемъ не показалъ своего разлада съ соотечественниками ⁴⁾.

Къ несчастію, скоро произошли событія, повидимому не важныя, на самомъ же дѣлѣ оставшіяся не безъ значительнаго вліянія на будущій образъ дѣйствій Виссаріона. Эти событія относятся ко времени письменныхъ изложеній обѣими сторонами своихъ мнѣній

такъ различней. Такого же, въ общемъ, взгляда держится и Гереле (Concilien-geschichte VII, 376). Это объясненіе представляется нѣсколько неустойчивымъ и притомъ основаннымъ на нѣкоторыхъ предвзятыхъ мысляхъ (ср. выраженіе: «прежде нежели онъ (Маръ) достигнетъ своей цѣли»). Во всякомъ случаѣ на него едвали можно безусловно положиться. Нельзя ли объяснить дѣло иначе, именно такъ, что императоръ не хотѣлъ предпринять исхода общихъ соборныхъ совѣщаній по важнѣйшимъ пунктамъ разногласія престо потому, что это бытъ важнѣйшимъ разносію (ср. Сироп. V, 7, 121—122), тѣмъ болѣе, что это противорѣчило бы прежде состоявшемуся соглашенію съ латинянами (ib)?

¹⁾ Ἐγὼ οὐκ ἔχω τί λέγειν περὶ αὐτοῦ· εἰς μὲν γὰρ τὰ περὶ τῆς ὁδοῦς ἔχω λέγειν ἴσος, εἰς τοῦτο δ' οὐκ οἶδα τί λέξω. Συρο πολ., V, 13, p. 130.

²⁾ Συροποῦλος, V, 14.

³⁾ т. е. повидимому въ продолженіи около десяти дней (Mansi. XXXI, col. 486). Количество заседаній, могшихъ быть за это время, опредѣлить даже предположительно невозможно (ср. Mansi, 486. А в Συροποῦλος, V, 3, pag. 115).

⁴⁾ Συροποῦλος, V, 14, pag. 132: καὶ ἦν ἰδεῖν τὸ τῆς θείας γραφῆς, Ἀδελφός ἢ Ἀδελφοῦ βοηθούμενος ὡς πόλις ὀχυρά. А нѣсколько раньше Виссаріонъ даже вступался на Марка предъ императоремъ (Ibid. v. 114).

о чистилищѣ и вообще о состояніи душъ за гробомъ. Латиняне первые изложили ученіе своей церкви объ этомъ предметѣ. Это изложеніе, какъ и все вообще, что дѣлалось въ засѣданіяхъ комисіи, было передано императору, безъ воли и рѣшенія котораго не дѣлалось ничего ¹⁾. Императоръ нашолъ, что и грекамъ нужно также изложить ученіе своей церкви о состояніи умершихъ. „Сказалъ онъ это, обращаясь къ Ефесскому“, какъ передаетъ Сиропуль ²⁾. Это обращеніе къ Марку могло просто значить то, что императоръ хотѣлъ знать о своемъ предложеніи мнѣніе его, какъ наиболѣе компетентнаго въ этомъ вопросѣ человѣка; но въ этомъ обращеніи специально къ Ефесскому можно было видѣть и непрямое предложеніе послѣднему — принять на себя изложеніе ученія восточной церкви объ умершихъ. Маркъ понялъ вопросъ императора именно почти исключительно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и выразилъ готовность составить названное изложеніе, но съ условіемъ, чтобы только его изложеніе было пушено въ ходъ, хотя бы и еще кто либо изъ грековъ написалъ подобное изложеніе. Условіе было принято, хотя съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, именно: постановлено было и, разумѣется, не къ особенному удовольствію Ефесскаго, что при составленіи имъ этого изложенія будутъ присутствовать еще нѣкоторые, нарочито избранныя лица; они же будутъ и помогать ему въ случаѣ нужды ³⁾. Эти избранные были: Виссаріонъ, Григорій духовникъ и Сиропуль.

Уже тотъ одинъ фактъ, что Марку было поручено изложеніе греческаго ученія о состояніи душъ за гробомъ, могъ нѣсколько обидѣть и дѣйствительно обидѣлъ самолюбиваго Виссаріона, хотя послѣдній и заявилъ незадолго предъ тѣмъ о неимѣніи подготовки по вопросу о чистилищѣ. Это весьма естественное въ Виссаріонѣ

¹⁾ ἄνευ τοῦ ἑλληνιστοῦ καὶ τοῦ ὀρθοῦ τοῦ βασιλέως οὐδὲν τι τῶν ἐκκλησιαστικῶν ἐπράττετο—Συροποῦλος, V, 8, pag. 123.

²⁾ εἶπε δὲ ταῦτα πρὸς τὸν Ἐφέσον ἀποτεινόμενος—Συροποῦλος, V, 14, pag. 132.

³⁾ Συροποῦλος, V, 14, pag. 132.

неудовольствіе сразу же и сказалось тѣмъ, что когда состоялось собраніе этой маленькой комиссіи, Виссаріонъ, словно сговорившись съ Григоріемъ духовникомъ и усердно имъ поддерживаемый, повелъ чрезвычайно пространную бесѣду ¹⁾, не столько по предмету ихъ занятія, сколько по поводу его ²⁾. Виссаріонъ, очевидно, забывалъ, и намѣренно забывалъ, роль простаго совѣщательнаго члена въ комиссіи, для которой онъ былъ предназначенъ. Время между тѣмъ шло, а составленіе „изложенія“ подвигалось тихо. Все это не могло, разумѣется, нравиться Марку, и онъ въ концѣ концовъ попросилъ оставить его одного съ нотаріемъ, замѣтивъ, что составивши изложеніе онъ покажетъ его другимъ членамъ комиссіи для просмотра и поправокъ, если въ таковыхъ представится надобность. Нужно ли прибавлять, что для Виссаріона это было новымъ и весьма чувствительнымъ оскорбленіемъ? Подъ вліяніемъ послѣдняго, сверхъ того еще подстрекаемый Григоріемъ духовникомъ, который, какъ сейчасъ увидимъ, и самъ питалъ нерасположеніе къ Марку по поводу мѣста на соборѣ, ³⁾ Виссаріонъ рѣшился писать свое изложеніе спорнаго ученія, очевидно на зло Марку и въ надеждѣ на то, что его, а не Маркову изложенію будетъ отдано царемъ преимущество. Эту надежду поддерживалъ или даже быть можетъ возбудилъ въ Виссаріонѣ тотъ же Григорій духовникъ ⁴⁾. Онъ же позаботился потомъ настроить и царя въ пользу Виссаріонова изложенія и даже совѣтовалъ императору передать латинянамъ изложеніе не Марково, но Виссаріоново, какъ лучшее ⁵⁾. Къ счастью, императоръ не поступилъ такимъ образомъ

¹⁾ Συροπουλος, V, 14. τοῦ δὲ ἀρμόδιου μέρους τῆς ἡμέρας ἐπὶ τοῖς κεναῖς λόγοις παραδραμόντος...

²⁾ Συροπουλος (V, 14, p. 133), очевидно подъ вліяніемъ досады, утверждаетъ даже больше: ἀντεφιλοτιμοῦντο (т. е. Виссаріонъ и Григорій) χρονοτριβοῦντες εἰς λόγους κενούς μὴδ' ὄλως τῷ προκειμένῳ προσήκοντας.

³⁾ Συροπουλος, pag. 107, 134.

⁴⁾ Συροπουλος, V, 14; ср. V, 15. pag. 135.

⁵⁾ Συροπουλος, V, 14: παρακίνει τὸν βασιλέα, ἵνα ὀρίση, καὶ δοθῇ τοῖς Λατίνοις τὸ τοῦ Νικαίας (σύγγραμμα), ὡς φιλότιμώτερον κατὰ τὴν φράσιν, καὶ ρητορικώτερον.

и выбралъ средній путь. Чтобы не обидѣть ни Марка, ни Виссаріона, онъ велѣлъ составить изъ обихъ изложеній одно, такъ какъ-де ни то ни другое въ отдѣльности не удовлетворительно исполнѣ¹⁾). Эта мѣра была можетъ быть самую благоразумною при тогдашнихъ отношеніяхъ между Маркомъ и Виссаріономъ: благодаря ей эти отношенія не дѣлались по крайней мѣрѣ несносными; но сѣмени взаимнаго неудовольствія между Маркомъ и Виссаріономъ она разумѣется не уничтожила. Отселѣ, по Сиропулу, начались непріятности между Маркомъ и Виссаріономъ²⁾), имѣвшія весьма прискорбныя послѣдствія. Мы видѣли, что главною причиною этого перваго столкновенія былъ Виссаріонъ. Однако справедливость требуетъ замѣтить, что своей выходки Виссаріонъ можетъ быть и не сдѣлалъ бы, если бы Маркъ былъ нѣсколько мягче въ своихъ отношеніяхъ къ нему³⁾). Вообще говоря, въ характерѣ не только Виссаріона, но и Марка были черты, которыя дѣлали почти неизбѣжнымъ столкновеніе ихъ рано или поздно. Что касается Марка, то въ безыскусственныхъ и несомнѣнно исполнѣ правдивыхъ разсказахъ Сиропула выступаетъ весьма отчетливо одна весьма важная въ настоящемъ случаѣ особенность характера Марка. Когда послы отъ императора и патріарха заявили ему волю послѣднихъ, чтобы онъ былъ на соборѣ представителемъ антиохійскаго патріарха⁴⁾), Маркъ отвѣтилъ: „когда я былъ (простымъ) іеромонахомъ, меня сдѣлали мѣстоблюстителемъ александрійскаго патріарха; теперь же, когда я сталъ ефесскимъ архіепископомъ, меня низводятъ (ὀπορὶζάζουσι) въ мѣстоблюстители антиохійскаго патріарха. Поэтому не приму этого; буду же засѣдать на соборѣ просто какъ ефесскій архіепископъ“⁵⁾). Хотя Маркъ въ концѣ концовъ и подчинился рѣшенію царя и патріарха, но настроенія не измѣнилъ,

¹⁾ Συροποῦλος, V, 14.

²⁾ Ibid. 15.

³⁾ Ср. напримѣръ Συροποῦλος, V, 14, pag. 132.

⁴⁾ Ср. предположеніе Пихлера (I, 391).

⁵⁾ Συροπ. IV, 29.

какъ это видно изъ слѣдующаго разсказа того же Сиропула: „архіепископъ ефесскій былъ огорченъ (ἐλοπήθη), видя, что Григорію духовнику было дано мѣстоблюстительство александрійскаго патріарха, и тотъ (простой) іеромонахъ будетъ сидѣть выше его (архіепископа), и не могъ снести этого (οὐκ ἔνεχετο); поэтому опять отказался занимать мѣсто антиохійскаго патріарха, на что онъ согласился-было. Духовникъ же, замѣтивъ это, сѣлъ не на скамью, но ниже, и такимъ образомъ (т. е. тогда только) Ефесскій сѣлъ какъ мѣстоблюститель антиохійскаго патріарха“ ¹⁾. „И отъ этой причины“, заключаетъ авторъ, „какъ она ни пуста и ничтожна повидимому, произошло великое раздѣленіе нашихъ“ ²⁾. Или вотъ другой примѣръ, относящійся притомъ къ тому самому времени, когда отношенія между Маркомъ и Виссаріономъ сдѣлались натянутыми. Когда императоръ предложилъ грекамъ сдѣлать изложеніе восточнаго ученія о состояніи душъ за гробомъ, давши однако понять, что онъ ждетъ этого отъ Марка, то послѣдній отвѣчалъ: „такъ какъ ты повелѣваешь это, то я напишу; но я не хочу, чтобы—въ случаѣ если и еще ктонибудь напишетъ—было передано (латинянамъ) изложеніе того, а мое оставлено, и я оказался бы напрасно потратившимъ трудъ. Царь сказалъ на это: твое будетъ передано, а не другое“ ³⁾. Какъ видимъ, Маркъ былъ человѣкъ знавшій себѣ цѣну, не хотѣвшій и не умѣвшій поступаться тѣмъ, что онъ считалъ своимъ правомъ. Таковъ же былъ и Вис-

¹⁾ Συροπ. IV, 32; Ср. Migne, CLIX, col. 1029. Замѣтимъ при этомъ, что въ качествѣ втораго представителя александрійскаго патріарха Григорій имѣлъ право сидѣть выше всѣхъ епископовъ за исключеніемъ лишь патріарха константинопольскаго Іосифа и ираклійскаго митрополита Антонія, который назначенъ былъ первымъ представителемъ александрійской кафедры. Ср. W. v. Göthe, Studien, 57. 67. Въ подобное пререканіе изъ-за мѣста вступилъ такъ же митрополитъ кизикскій Митрофанъ съ мѣстоблюстителемъ іерусалимскаго патріарха, м. монемвасійскимъ Досифеемъ. Συροп. IV, 32, 110—111.

²⁾ ὅμως δὲ ἐκ τῆς τριαύτης φραυλῆς καὶ οὐδαμινῆς αἰτίας ἢ δεινῆ τῶν ἡμετέρων προέβη διαίρεσις.

³⁾ Συροπούλος, V, 14, pag. 132.

саріонъ ¹⁾). Эти двѣ натуры не могли внутренно ладить одна съ другой; достаточно было внѣшняго и пустаго повода, чтобы прямо опредѣлилось ихъ дѣйствительное отношеніе другъ къ другу. Этимъ поводомъ и былъ рассказанный выше случай по поводу изложенія ученія о состояніи умершихъ, какъ объ этомъ прямо свидѣтельствуеъ Сиропуль ²⁾). Столкновение это было до нѣкоторой степени роковымъ для Виссаріона. Не замедлили, какъ сейчасъ увидимъ, обнаружиться и результаты его, возбуждая тревогу въ грекахъ. Впрочемъ это случилось нѣсколько позднѣе, и мы теперь обратимся къ судьбѣ указаннаго изложенія греческаго ученія.

Это изложеніе было прочтено въ одномъ изъ засѣданій греко-латинской комиссіи и раскрыто въ своихъ подробностяхъ Виссаріономъ ³⁾). Послѣдній отвѣчалъ по пунктамъ на составленное латинянами изложеніе. Эти пункты, по словамъ автора греческихъ актовъ, онъ „разрѣшалъ и изъяснялъ (λύων καὶ ἐρμηνεύων), какъ изъясняютъ наши толкователи и учителя греческіе“ ⁴⁾). При этомъ Виссаріонъ доказывалъ между прочимъ, что подъ огнемъ въ различныхъ мѣстахъ Писанія, толкуемыхъ западными въ смыслѣ латинскаго ученія, нужно и можно разумѣть только вѣчный огонь ⁵⁾). Подводя итогъ разностямъ въ ученіи восточной и западной церкви по вопросу о состояніи умершихъ ⁶⁾, онъ категорически высказалъ, что греческая церковь отвергаетъ чистилищный огонь ⁷⁾; но ка-

¹⁾ Крайне самолюбивую и гордую натуру Виссаріона особенно ярко характеризуетъ его столкновение съ Сиропуломъ (Σιροπούλος, VI, 20).

²⁾ Σιροπούλος, V, 25.

³⁾ Σιροπούλος, V, 15, pag. 135; Mansi, XXXI, 483. D. 599 и слѣд.

⁴⁾ Mansi, XXXI, col. 486. E.

⁵⁾ Ibid., col. 486. D. E. и 487. A.

⁶⁾ Изложеніе въ акта граеса не отличается, къ сожалѣнію, полной отчетливостью и ясностью. Позволяемъ себѣ однако думать, что смыслъ рѣчи Виссаріона передавъ ниже правильно.

⁷⁾ Странно читать у Hefele (VII, S. 677 — 678): Bessarion... zeigte, das auch sie (Griechen) ein Purgatorium und Strafen des Purgatoriums anerkennen, von einem Feuer dagegen nichts wissen wollten, wohl aber von Schmerz und Strafe. Wenn dagegen vom Feuer die Rede ist, so sei das höllische, ewige

сясь вопроса о томъ, въ какомъ смыслѣ неполно блаженство однихъ и мученіе другихъ умершихъ до времени суда. Виссаріонъ не былъ такъ категориченъ. Онъ высказалъ сначала, повидимому какъ ученіе восточной церкви ¹⁾, что неполнота блаженства и мученій умершихъ до времени общаго суда зависитъ собственно отъ того, что эти блаженство и мученія они испытываютъ пока безъ тѣлъ, — взгляды, по мысли Виссаріона, тождественный съ ученіемъ и западной церкви; но затѣмъ Виссаріонъ замѣтилъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ грековъ, блаженство душъ святыхъ до всеобщаго суда не полно еще по другой причинѣ и что они, и какъ души ²⁾, не наслаждаются полнымъ блаженствомъ: „они находятся и наслаждаются радостію въ особомъ мѣстѣ, соображая (ἐνδομοόμενοι), что имъ предстоитъ получить неувядаемый вѣнецъ и что они всецѣло будутъ нѣбогда наслаждаться благами и царствомъ Божиимъ“ ³⁾. Впрочемъ уже изъ приведеннаго изложенія видно, что этому второму мнѣнію Виссаріонъ не придавалъ значенія и если привелъ его, то только ради соблюденія безпристрастія по отношенію къ грекамъ, не рѣшившимъ еще окончательно и единогласно этого вопроса ⁴⁾, самъ же Виссаріонъ уже рѣшилъ его и притомъ такъ, какъ рѣшаетъ и западная церковь. Составленіе Виссаріономъ такого взгляда на предметъ не можетъ быть конечно поставлено ему въ вину; но можно и должно поставить въ вину выраженіе этого взгляда публично. Высказывая его, и притомъ какъ ученіе церкви, Виссаріонъ забылъ, что онъ собственно уполномоченный грековъ; а послѣдніе по этому предмету еще не пришли къ окончательному

Feuer darunter zu verstehen. Bessarion protestirte demgemäss nur gegen die buchstäbliche (?) Auffassung des Wortes Feuer. Къ чему это стремленіе—приблизить Виссаріоново пониманіе къ западному?

¹⁾ Mansi, XXXI, col. 487. E: οὕτω (т. е. какъ латинская церковь) ψάλλει καὶ ἡ ἐκκλησία τῶν Γραικῶν. Изложеніе автора «Исторіи флорентійскаго собора» (стр. 57) здѣсь очевидно не точно.

²⁾ Слова: τινές δὲ... (Mansi, XXXI, col. 490. A.) противопоставляются словамъ: αἱ δὲ τῶν... (col. 487. E). Ср. взглядъ Марка у Гардуина (IX, 655. C.)

³⁾ Ibid., col. 490. A.

⁴⁾ Ср. Mansi, XXXI, col. 491.

заключенію ¹⁾, вслѣдствіе чего именно, какъ можно полагать, императоръ и запретилъ касаться разсматриваемаго вопроса ²⁾. Маркъ подчинился этому запрещенію ³⁾; Виссаріонъ же даже вторично выступилъ съ этимъ своимъ мнѣніемъ, хотя на этотъ разъ и выразилъ его какъ свое личное мнѣніе. Онъ высказалъ, что души святыхъ прямо послѣ смерти и прежде общаго суда получаютъ предназначенное имъ блаженство, а души грѣшниковъ—наказаніе; до полнаго же блаженства первыхъ и наказанія вторыхъ недостасть только одного, именно ихъ тѣлъ, и это недостающее восполнится при второмъ пришествіи Христовомъ, послѣ чего праведные и грѣшныя будутъ блаженствовать или мучиться уже съ своими тѣлами ⁴⁾.

Это заявленіе Виссаріона сопровождалось обстоятельствами, весьма характерными. Сдѣлавъ его, онъ оставилъ свое мѣсто подлѣ Марка ⁵⁾ и пересѣлъ на другое. Смыслъ этой выходки Виссаріона видѣнь изъ слѣдующихъ словъ Сиропула. Замѣтивъ, что поступокъ Виссаріона возбудилъ общее неудовольствіе, Сиропулъ продолжаетъ:

¹⁾ Mansi, XXXI, col. 491.

²⁾ Запрещеніе именно касалось этого вопроса, т. е. полноты блаженства и мученій, потому что о чистилищѣ и чистилищномъ огнѣ говорили и Виссаріонъ и Маркъ много и обстоятельно.

³⁾ Συροπουλος, V, 15, pag. 136.

⁴⁾ Συροπουλος, V, 16, p. 136: Λέγω... καὶ δοξάζω, ὅτι καὶ αἱ ψυχαὶ τῶν ἁγίων ἀπέλαβον ἃ ἀπέκριντο ἀπὸ τῆς ἀγαθῆς, καὶ αἱ τῶν ἁμαρτωλῶν τὰς κολάσεις. Τοῦτο δὲ λέγεται μόνον ἵνα προσλάβωμεν καὶ τὰ σώματα. μετ' ὧν ἐν τῷ δὲ τῷ βίῳ ἐπολιτεύσαντο, καὶ οἱ μὲν δίκαιοι ὄσιν ἐν τῇ ἀπολαύσει, καὶ τότε μετὰ τῶν σωμάτων, οἱ δὲ ἁμαρτωλοὶ ὑπάρχουσι σὺν τοῖς σώμασιν ἐν τῇ κολάσει. Καὶ τοῦτο γενήσεται ἐν τῇ δευτέρᾳ τοῦ Χριστοῦ παρουσίᾳ. Это мнѣніе Виссаріона было принято всѣми... Mansi, XXXI, col. 492.

⁵⁾ Для участвовавшихъ въ препіяхъ было особое мѣсто (Συροπουλος, V, 16; ср. Mansi, том. XXXI, col. 495). Съ перваго взгляда, при чтеніи разсказа Сиропула объ этомъ, можетъ казаться, что указанный поступокъ Виссаріона былъ не болѣе, какъ протестъ противъ того, что Маркъ, повинуясь приказанію императора, не хотѣлъ удовлетворить требованію латинянъ и подробно изложить ученіе восточной церкви о состояніи умершихъ. Но въ дѣйствительности это была лишь одна изъ второстепенныхъ причинъ; главнѣйшая же причина заключалась въ навивѣвшей у Виссаріона досадѣ на Марка, что можно видѣть и въ нижеприведимомъ разсказѣ Сиропула.

„я былъ болѣе (всѣхъ) другихъ недоволенъ, соображая, что гибельное зло выйдетъ изъ этой размолвки; поэтому счелъ за нужное для восстановления добрыхъ отношеній между ними и свои старанія употребить и другихъ привлечь къ этому дѣлу. Итакъ склонивши къ этому епископа лакедемонскаго, отправился съ нимъ къ патриарху; рассказали послѣднему, какъ Никейскій, еще за нѣсколько дней назадъ, казался не расположеннымъ къ Ефесскому, не поддерживая его и не оказывая никакой помощи; теперь же онъ обнаружилъ это еще явнѣе, сквозь зубы порицая то, что говорилъ Ефесскій; затѣмъ, не оставшись въ прежнемъ единомысліи съ нимъ и не удержанный императорскимъ повелѣніемъ ¹⁾. онъ, высказавши собственное мнѣніе, какъ хотѣлъ, оставилъ Ефесскаго одного противостоять противникамъ... Итакъ мы видимъ, что отъ Виссаріона происходитъ великое раздѣленіе. И мы боимся, какъ бы оно не возросло во что нибудь худшее, и какъ бы великое зло не произошло отсюда ²⁾. Ибо что можетъ быть хуже, недостойнѣе и печальнѣе раздѣленія нашихъ здѣсь! Какое несчастіе будетъ слѣдствіемъ этого? Поэтому мы заблагоразсудили—объявить о происшедшемъ твоему святѣйшеству, чтобы ты, повелѣвъ имъ явиться къ тебѣ, отеческими и вмѣстѣ внушительными совѣтами ³⁾ побудилъ ихъ оставить свое разъединеніе (*διχόνοιαν*), примирилъ и соединилъ ихъ. Итакъ просимъ твое святѣйшество послѣпить этимъ примиреніемъ ихъ, потому что, если пренебречь этимъ теперь, сдѣлать

¹⁾ Это повелѣніе вызвано повидимому двумя обстоятельствами. Прежде всего греки просто не имѣли положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ: ихъ мнѣнія были различны (Ср. Mansi, tom. XXXI, col. 491. В и С). Другое основаніе можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ автора акта *græca*: καὶ οὐκ ἤθελον φαερῶσαι τὴν δόξαν αὐτῶν (т. е. о загробной жизни) τελείως οἱ Γραικοί, ἀλλὰ μόνον ποιείσθαι τὰς ἐρωτοαποκρίσεις ἐκπλαγίως καὶ τὰ καθίσματα εἰς τὸ βαστάζεσθαι τὴν σύνοδον, ἕως ὅτου ἔλθωσιν οἱ πρέσβεις ἀπὸ τῶν ῥηγάδων. Ibid., col. 491. A.

²⁾ ὁρῶμεν οὖν μεγάλην διαίρεσιν προβαίνουσαν παρὰ τοῦ Νικαίας. Καὶ δεδιώμεν μὴ ἐπὶ τὸ χειρὸν ἀβήσῃ, καὶ μέγιστον ὄλεθρον προξενήσῃ.

³⁾ ὡς ἂν ὀρίσῃς, καὶ ἔλθωσιν ἐνταῦθα, τε λόγοις συμβουλευτικοῖς, πατρικοῖς τε ἅμα καὶ παραινητικοῖς ἀπελάσῃς αὐτῶν τὴν διχόνοιαν.

это потому будетъ труднѣе¹⁾. Причины смущенія грековъ яснѣе высказаны въ слѣдующихъ за вышеприведенными словами Сироцула патріарху, сказанныхъ въ отвѣтъ на весьма рѣзкій и весьма неосновательный упрекъ патріарха въ разглашеніи ими обстоятельствъ, о которыхъ, ради чести грековъ, слѣдовало бы молчать: „латиняне и по словамъ и по дѣламъ (Виссаріона) узнали объ этомъ (раздѣленіи): ибо Никейскій не только словами высказалъ въ слухъ собесѣдующихъ то, что хотѣлъ, но вставши съ своего мѣста сѣлъ съ архонтами севата, оставивши Ефесскаго одного среди борьбы. Такимъ образомъ онъ самъ далъ понять присутствующимъ свое несогласіе (съ Маркомъ). Что же ужаснаго сдѣлали мы, извѣстивъ твое святѣйшество о томъ, что многимъ извѣстно? И кого же другаго было всего естественнѣе извѣститъ объ этомъ (какъ не тебя)? Поэтому я и прежде докладывалъ и твоему святѣйшеству и царю, что не пойдутъ хорошо эти (предварительныя) изслѣдованія (соборныхъ) разсужденій (*διασκέψεις τῶν διαλέξεων*). Итакъ повелите, чтобы происходили собранія и изслѣдованія общія если не всѣхъ, то избранныхъ. Ибо раздѣленіе есть результатъ доселѣ практиковавшейся системы²⁾. Прежде же всего призываемъ васъ позаботиться объ ихъ (Марка и Виссаріона) мирѣ и единомысліи“³⁾ Сироцуль, какъ видимъ, нашолъ теперь своевременнымъ повторить прежній свой совѣтъ — распространить принадлежавшее только Марку и Виссаріону право вести пренія на большее число лицъ, полагая очевидно, что Виссаріонъ, по самой природѣ своей и характеру своихъ отношеній къ Марку, не можетъ ладить съ послѣднимъ, что онъ будетъ всегда по возможности противорѣчить Марку просто ради того, чтобы не согласиться съ нимъ, и что слѣдовательно необходимо устранить это благопріятное условіе для

¹⁾ Συροπ. V, 16.

²⁾ т. е. результатъ того, что только Марку и Виссаріону было предоставлено право вести пренія; Сироцуль требуетъ, чтобы всѣ избранные имѣли это право.

³⁾ πρὸ πάντων δὲ παρακαλοῦμεν ἵνα γένηται ἐπιμελεία πρὸς εἰρήνην καὶ ὁμόνοιαν αὐτῶν (Συροπούλος, V, 17).

возникновенія ссоръ между ними, заключавшееся въ правѣ только имъ однимъ вести пренія.

Патріархъ съ своей стороны обѣщаль пригласить Марка и Виссаріона къ себѣ и примирить ихъ. «Такъ сказалъ онъ намъ, продолжаетъ Сироцуль, а имъ ни слова не сказалъ, и никакой мѣры не принялъ для ихъ примиренія; они съ того перваго столкновенія оставались раздѣленными, и хоть и сходились принять относительно чего нибудь рѣшеніе, и бесѣдовали другъ съ другомъ, но на самомъ дѣлѣ были очень далеки одинъ отъ другаго“ ¹⁾, чему, по свидѣтельству того же Сироцула, не мало способствовалъ обиженный Маркомъ и враждебно къ нему настроенный Григорій духовникъ ²⁾.

Это свидѣтельство очевидца и притомъ весьма близко стоявшаго къ Марку и Виссаріону, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что разнь между ними уже въ эту пору была дѣйствительно глубока и серьезна. И если мы примемъ во вниманіе, какое громадное, нерѣдко рѣшающее значеніе имѣли человѣческія страсти всегда, а особенно въ то время и притомъ въ греческомъ мірѣ, то мы ни на минуту не задумаемся и въ данномъ случаѣ ожидать того, что разъ сильно оскорбленное и потомъ всегда почти болѣе или менѣе задѣваемое самолюбіе Виссаріона прорвется наконецъ наружу и притомъ безразлично, въ сферѣ ли только частныхъ, личныхъ дѣйствій и отношеній, или и въ области болѣе широкихъ интересовъ. Уже и теперь мы видимъ признаки того, что оскорбленное самолюбіе Виссаріона увлекаетъ его за границы исключительно личныхъ, частныхъ отношеній: онъ сквозь зубы порицаетъ то, что говоритъ Маркъ, и это — въ официальномъ засѣданіи, когда онъ, хотя бы ради приличія, долженъ былъ если не безусловно поддерживать своего товарища, то во всякомъ случаѣ не давать вида, что онъ съ нимъ не согласенъ. Для выраженной несогласія мѣсто было не здѣсь, а въ частномъ собраніи своихъ,

¹⁾ Συροπούλος, рад. 139.

²⁾ Сравн. напримѣръ Συροπούλος, V, 15.

т. е. однихъ грековъ. Здѣсь мы имѣемъ такимъ образомъ предъ собою безтактность, но безтактность весьма знаменательную, — и было бы только естественнымъ слѣдствіемъ развитія оскорбленнаго чувства гордости. если бы Виссаріонъ отъ такой манеры выражать свое несогласіе съ Маркомъ перешолъ къ болѣе рѣшительной, а затѣмъ—такъ какъ Маркъ былъ признаннымъ и неумолимымъ борцомъ за ученіе своей церкви—выступилъ бы защитникомъ противоположнаго ученія западной церкви ¹⁾). Все это могло быть слѣдствіемъ вліянія одной той страсти, которая овладѣла бурной натурой Виссаріона и которой Маркъ, ^{не} менѣе страстный человѣкъ, имѣлъ неблагоразуміе не щадить. Но мы частію уже видѣли, частію увидимъ, что это была лишь одна изъ причинъ въ ряду другихъ, ведшихъ въ тому же результату, т. е. переходу Виссаріона на сторону латинянъ. Этотъ результатъ былъ слѣдовательно тѣмъ необходимымъ, чѣмъ больше причинъ дѣйствовало за одно.

III.

Со времени прибытія грековъ въ Феррару прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ. Въ преніяхъ о состояніи душъ за гробомъ, которыми занимались въ эту пору греки и латиняне, Виссаріонъ не принималъ особенно дѣятельнаго участія. Такимъ образомъ у него было много свободнаго времени, которое онъ могъ употреблять, какъ ему заблагоразсудится. Чѣмъ же онъ занимался въ это время? Что онъ не проводилъ его въ бездѣйствіи, подобно нѣкоторымъ другимъ грекамъ ²⁾), это частію а ргіогі можно предполагать,

¹⁾ Двойникомъ Виссаріону въ этомъ случаѣ могъ бы служить Григорій духовникъ. Въ одинъ разъ онъ высказывалъ одно мнѣніе о значеніи разностей между церквами въ ученіи о чистилищѣ, именно въ духъ греческой церкви, — въ другой разъ—діаметрально противоположное, въ духъ латинскаго ученія, — и это повидимому затѣмъ только, чтобы не согласиться съ Маркомъ, нѣкогда жестоко обидѣвшимъ его (Σοροποῦλος, V, 15). Фроманъ (Krit. Beiträge, S. 213) также признаетъ, что это личное столкновение съ Маркомъ было одною изъ причинъ, почему Григорій, сваямъ ревностный приверженецъ православія (Σοροποῦλος, IV, 31), впоследствии примкнулъ къ латинянамъ (Ibid. IX, 9).

²⁾ Ср. Σοροπ. VI, 3—4.

просто въ виду его энергичной, молодой природы, частію можно заключать изъ приведеннаго уже выше заявленія самаго Виссаріона, сдѣланнаго въ ту пору, когда возникъ вопросъ о томъ, кому изъ грековъ вести пренія съ латинянами о чистилищѣ: „я не имѣю, что сказать относительно этого. Относительно догмата ¹⁾ у меня найдется можетъ быть что сказать; а объ этомъ (т. е. чистилищѣ) не знаю, что скажу“ ²⁾. Здѣсь, правда, не сказано прямо, что вопросомъ объ исхожденіи Св. Духа Виссаріонъ занимался и теперь, а не только въ Константинополѣ; но предполагать это мы имѣемъ полное право какъ въ виду того, что занятія въ Константинополѣ не могли быть продолжительны и слѣдовательно достаточно обширны и глубоки, чтобы выступить съ ними предъ соборомъ, такъ и потому, что это былъ единственный предметъ, который въ глазахъ Виссаріона имѣлъ особую важность и которому онъ всегда посвящалъ особенное вниманіе.

Какой же результатъ былъ этихъ изслѣдованій? Здѣсь мы опять лишены почти всякихъ документальныхъ данныхъ и вынуждены прибѣгнуть къ предположеніямъ. Прежде всего должны мы обратиться къ тому, съ кѣмъ за это время завязалъ и могъ завязать знакомство Виссаріонъ и каковы могли или должны были быть вліянія этихъ знакомствъ.

Едвали не первое лицо изъ латинянъ, съ которымъ болѣе или менѣе близко могъ Виссаріонъ познакомиться и дѣйствительно познакомиться, былъ знаменитый Амвросій Траверсари, посланный нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Венецію, предъ прибытіемъ грековъ туда, съ спеціальною цѣлію привѣтствовать ихъ рѣчью на ихъ родномъ языкѣ ³⁾. Хотя рѣчь эта и не была произнесена, но въ

¹⁾ У Сарокула просто употреблено названіе *δόξα* для обозначенія догмата объ исхожденіи Св. Духа.

²⁾ *Ἐγὼ οὐκ ἔχω τί λέγειν περὶ αὐτοῦ. Εἰς μὲν γὰρ τὰ περὶ δόξης ἔχω λέγειν ἴσως, εἰς τοῦτο δ' οὐκ οἶδα τί λέξω* (Σαροπούλος, pag. 130).

³⁾ Въ латинской формѣ эта рѣчь напечатана въ собраніи писемъ Траверсари, издаваемомъ Мерусомъ, а затѣмъ у Cecconi, *Studi storici sul concilio di Firenze, Parte Prima*, 1869, pag. DLIII—DLVII. По словамъ Гете (стр. 162)

сношенія съ греками Амвросій вступилъ и остался ими вполне доволенъ ¹⁾. Мы едва ли сдѣлаемъ особенно смѣлое и рискованное предположеніе, если скажемъ, что Амвросій вынесъ такое впечатлѣніе изъ встрѣчи съ греками благодаря въ весьма значительной степени именно Виссаріону. Въ сравненіи съ большинствомъ своихъ соотечественниковъ большой либераль въ душѣ, Виссаріонъ болѣе чѣмъ кто-либо изъ епископовъ, за исключеніемъ лишь императора и патріарха Іосифа, могъ сблизиться съ умнымъ, чрезвычайно широко образованнымъ и замѣчательно тактичнымъ ²⁾ Амвросіемъ, который притомъ въ совершенствѣ владѣлъ греческимъ языкомъ ³⁾. Это

греческая форма этой рѣчи доселѣ не найдена. Рѣчь эта повидимому написана была сначала на греческомъ языкѣ и уже потомъ переведена на латинскій. Ср. письма Амвросія у Cessoni, pag. DLXXXIV, DLI—DLII.

¹⁾ 20-го февраля Амвросій писалъ папѣ Евгенію: ...ubi ille (i. e. cardinalis Sanctae Crucis) adplicuit, liberius iam, ipso volente, in colloquium Patriarchae ipsius et Imperatoris, ac paucorum qui inter ceteros eminent, veni. Animadverti, pater beatissime, materiam ita dispositam ut vix melius optare possemus; idque potissimum ex prolixo et repetito cum Patriarcha sermone и проч. Cessoni, pag. DLI. 10-го марта онъ писалъ другому своему корреспонденту: «Graeci... advenerunt, honorificeque Venetiis accepti sunt. Et nos illis occurrimus, eosque inde cum honore deduximus. Imperatore et Patriarcha multum familiariter utimur. Habent secum plerosque graves et doctos viros, atque ad disputandum promptos, ut sine sanguine victoria, futura non sit. Veniunt parati atque instructi, multaque secum volumina convehunt in rem praesentem... Iam levia praelia conseruimus invicemque lacessivimus.» Ibid., p. DLXXXII. 11-го марта онъ писалъ изъ Феррары въ томъ же смыслѣ. Ibid., p. DLXXXIV. Не приводимъ другихъ выдержекъ, которыя можно найти отчасти въ указанномъ изданіи Cessoni, отчасти въ книгѣ W. von Göthe, S. 161 folg., главнымъ же образомъ въ изданіи Meuser, къ сожалѣнію въ высшей степени рѣдкомъ и для насъ оставшемся недоступнымъ, а также въ слѣд. изданіи: Veterum scriptorum et monumentorum amplissima collectio, tom. III, ed. Edmundus Martene, Parisiis, 1724. Къ сожалѣнію, помѣщенные здѣсь письма Амвросія по большей части не имѣютъ дѣла.

²⁾ Амвросій уважалъ грековъ и съ самыхъ первыхъ поръ съ замѣчательною смѣлостію выступалъ на защиту ихъ предъ папою и латинянами. Это не могло не привязывать къ нему грековъ. Ср. напр. его письма у Cessoni, DLI—DLII, DLVIII и др., также Goethe, 176.

³⁾ Ср. напр. Göthe, S. 162. Правда, въ своихъ первыхъ письмахъ Амвросій не упоминаетъ о Виссаріонѣ; но онъ не называетъ вообще никого изъ грековъ по имени, за исключеніемъ царя и патріарха, хотя еще раньше 20-го

сближеніе со временемъ должно было только укрѣпляться ¹⁾. Могъ Виссаріонъ познакомиться и съ Сагундиномъ, официальнымъ переводчикомъ на соборѣ послѣ 8-го октября, если только названное лицо въ разсматриваемое время находилось въ Феррарѣ ²⁾. Могъ онъ также завязать сношенія съ извѣстнымъ гуманистомъ и секре-

февраля, какъ мы видѣли, вступилъ въ сношенія не только съ ними, но и съ «немногими, qui inter ceteros eminent»; затѣмъ въ письмѣ отъ 11-го марта Амвросій говорить, что «sunt inter istos (Graecos) plerique eruditi viri multum que nobis affecti; sed imperator et patriarcha omnium in nos affectum superant (Martene, Ep. lib. XII, ep. 11). Въ виду положенія Виссаріона, а также послѣдовавшаго вскорѣ особеннаго сближенія его съ Амвросіемъ, мы вправе думать, что въ числѣ этихъ «pauci» и «plerique» былъ и Виссаріонъ. О сближеніи же этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо нѣкоего Леонарда Юстиніана въ Амвросію, изъ Венеціи отъ 26-го апрѣля 1438 года (т. е. спустя всего два мѣсяца). «Binis tuis litteris commendasti mihi, Antistitis Nicaeni gratia causam Calergiorum. Vide quot me res, ad id, quod cupis, vocent; primum voluntas tua..., deinde Nicaeni tui praestans integritas, et eruditio, quum omnis boni, ut sint de homine tanto bene meriti vehementer cupere debeant... Ego tamen quidquid praestare et tibi, et Nicaeno nostro, et huic tam iustae caussae potero, non minore, quam tu cupias studio, id praestabo. Goethe, у котораго мы беремъ это письмо (S. 171—172), цитуетъ изданіе Мерусова Амвросіевыхъ Epist. lib. XXIV, ep. 24.

¹⁾ 10-го іюля Амвросій писалъ изъ Феррары нѣкоему Христофору: «Negotia ista Graecorum omnia ferme ipsi conficimus vel ex Graeco in Latinum, vel ex Latino in Graecum convertendo, quae dicuntur ac scribuntur omnia. Adde quod tanta hi caritate nos complectuntur, ut si discedamus vel modice, mancos se ac destitutos arbitrentur... Fortasse nos Dominus in tempus istud reservavit ut per nostrum ministerium tanta negotia et tam digna conficiantur (Ep. lib. XII, ep. 41, по изданію Мартена; по изданію же Меруса Ep. lib. XIII, ep. 34. См. Goethe, 171). Если даже предположимъ, что Амвросій немножко преувеличилъ свою необходимость для грековъ и расположеніе послѣднихъ къ нему, то все же мы вправе предположить, что за это время Амвросій былъ близокъ къ грекамъ и былъ съ ними въ хорошихъ не только официальныхъ, но и личныхъ, частныхъ сношеніяхъ, а слѣдовательно былъ хорошъ прежде всего съ Виссаріономъ. Кстати замѣтимъ, что Амвросій исполнялъ обязанности переводчика лишь въ продолженіи вышеназванныхъ предварительныхъ переговоровъ между греками и латинянами. Впослѣдствіи, съ 8-го октября, обязанности официального переводчика во время преній всецѣло перешли на Сагундина (ср. напр. Nagdwin, IX, 740. 761. 843 и съ другой стороны 945. Д.

²⁾ Съ этимъ Сагундиномъ Виссаріонъ находился въ послѣдствіи въ весьма дружескихъ отношеніяхъ (Schiorra l'alba, In perantiquam Sacram tabu-
Христ. Чтен. № 1—2, 1882 г.

таремъ Евгенія IV Блондомъ ¹⁾. Весьма вѣроятно, что болѣе или менѣе близко познакомился онъ и съ нѣкоторыми другими латинянами изъ числа владѣвшихъ греческимъ языкомъ; а такихъ было не мало ²⁾. Изъ всѣхъ этихъ знакомствъ едвали не самымъ важнымъ было сближеніе съ кардиналомъ Юліаномъ Чезарини ³⁾. Болѣе или менѣе близко познакомился съ нимъ Виссаріонъ впервые на одномъ изъ обѣдовъ, рядъ которыхъ далъ Юліанъ нѣкоторымъ грекамъ на первыхъ порахъ пребыванія ихъ въ Италіи ⁴⁾. Въ числѣ первыхъ былъ приглашенъ и Виссаріонъ. Правда, въ тотъ разъ, о которомъ рассказывалъ Сиропуль, рѣчь шла исключительно о философскихъ предметахъ. Но это доказываетъ лишь тактъ кардинала, хотѣвшаго вообще сблизиться съ греками, въ томъ числѣ и Виссаріономъ. Началомъ сближенія могли быть именно эти философскія бесѣды. Философія и вообще древній міръ были весьма удобной почвой для сближенія такихъ почитателей античной жизни, какими были Юліанъ и Виссаріонъ. Помогалъ этому и характеръ Юліана. Талантливый, образованный, пріятный и ловкій въ обращеніи, умѣвшій быть скромнымъ ⁵⁾, этотъ итальянецъ — карди-

am graecam, insigni Sodalitio S. Mariae Caritatis Venetiarum a card. Bessarione dono datam, Venet. 1767, pag. 138). Начало этой пріязни относится вѣроятно еще ко времени собора.

¹⁾ Н а г д. IX, 714, стр. 989. Goethe (S. 166) цитуетъ слѣдующія важныя слова извѣстнаго Сабеллика изъ его *Enneades Rhapsodiae historicae, Secundus Tomus Operum*, Basileae, 1560, col. 910: «fuit ea tempestate Ugo Senensis, medicae artis longe princeps, sed maius omnino nomen adeptus, quod Graecos, qui cum Palaiologo venere omnium italorum fortissime sustinuit, saepe cum his Ferrariae etiam congressus».

²⁾ Н а г д. IX, 761. С.

³⁾ Юліанъ нѣсколько зналъ и по гречески (См. W. v. G ö t h e, 154). Впрочемъ и при неполномъ знаніи греческаго языка Юліанъ могъ обходиться при помощи переводчика. Ср. *Суроп.* V, 2, 113. Первая встрѣча Виссаріона съ Юліаномъ могла произойти еще въ Венеціи, куда кардиналь прибылъ 19-го февраля, за нѣсколько дней до отъѣзда грековъ въ Феррару.

⁴⁾ *Суропуλος*, V, 2, 113. Не забудемъ, что въ числѣ присутствовавшихъ на одномъ изъ такихъ обѣдовъ былъ и Маркъ.

⁵⁾ Сравн. напримѣръ *Суропуλος* pag. 131.

наль обладалъ всѣми качествами, которыя могли до извѣстной степени привязать или по меньшей мѣрѣ внушить уваженіе къ себѣ. Это уваженіе скоро же и выразилось въ весьма выпуклыхъ формахъ, какъ увидимъ ¹⁾).

Таковы были новые знакомые Виссаріона и тѣ отношенія, въ какія онъ вступилъ съ ними. Что можетъ быть естественнѣе предположенія, что Виссаріонъ въ бесѣдахъ съ ними могъ касаться главной и наиболѣе занимавшей его разности между церквями, именно вопроса объ исхожденіи Св. Духа, выслушивать основанія латинскаго ученія и возраженія противъ греческаго и съ своей стороны оцѣнивать вѣрность доказательствъ той и другой стороны? Едвали также будетъ особенно рискованнымъ предположеніе, что Амвросій и Юліанъ, вмѣстѣ съ другими знакомыми Виссаріона изъ латинянь, предлагали ему и различныя сочиненія въ защиту латинскаго ученія. Въ изученіи этихъ-то сочиненій, какъ греческихъ, такъ и латинскихъ (послѣднихъ, конечно, главнымъ образомъ, если не исключительно въ греческихъ переводахъ ²⁾), и вообще литературы вопроса и проводилъ вѣроятно Виссаріонъ большую часть свободнаго времени въ теченіи указанныхъ шести, а можетъ быть и всѣхъ восьми мѣсяцевъ, считая съ пріѣзда грековъ въ Италію. Непосредственный результатъ этого намъ неизвѣстенъ; но несомнѣнно, что въ фактъ перехода Виссаріона чрезъ нѣсколько времени въ ряды уніатовъ должны были сказаться между прочимъ и эти его занятія и эти знакомства ³⁾).

¹⁾ Migne, CLXI, col. 341. C. D.

²⁾ Впрочемъ едва ли можно безусловно отрицать возможность чтенія имъ чего нибудь и въ латинскомъ подлинникѣ, напримѣръ важнѣйшихъ мѣстъ. Для этого конечно необходимо было хотя нѣкоторое знакомство съ латинскимъ языкомъ. Но въ виду того, что Виссаріонъ еще въ Константинополѣ быть можетъ немножко ознакомился съ элементами латинскаго языка, а главное въ виду его близкихъ и частыхъ сношеній съ латинянами, сомнительно, чтобы онъ не пожелалъ хоть немножко овладѣть латинской рѣчью. Это повидимому необходимо предположить и въ виду «необыкновенныхъ» — какъ увидимъ успѣховъ Виссаріона, которые онъ оказалъ въ изученіи латинскаго языка по пріѣздѣ во второй разъ въ Италію.

³⁾ Очень возможно, что указанные знакомства не остались безъ нѣкотораго

Наступилъ октябрь мѣсяць 1438 года. Ни отцы Базельскаго собора, ни западные государи или ихъ уполномоченные, которыхъ ожидали, не являлись. Ждать долѣе было очевидно напрасно, и, хотя и послѣ долгихъ пререканій, рѣшено было наконецъ вести дѣло безъ нихъ и немедленно начать пренія по главному пункту разностей между церквами, именно по вопросу о Св. Духѣ ¹⁾. Теперь начинается періодъ въ исторіи собора, когда Виссаріонъ принималъ въ дѣлахъ гораздо болѣе дѣятельное участіе, — періодъ, изъ котораго сохранилось и больше данныхъ для выясненія Виссаріонова настроенія.

Предварительно въ частномъ собраніи избранныхъ грековъ ²⁾ былъ поставленъ вопросъ о томъ, съ чего начать пренія съ латинянами: съ вопроса ли о прибавкѣ, какъ такой, или съ вопроса объ истинности самага ученія, заключающагося въ этой прибавкѣ. Мнѣнія раздѣлились. Одни, какъ Маркъ Ефесскій и Гемистъ

влянія и на вышеприведенный взглядъ Виссаріона на состояніе умершихъ. Что касается вообще влянія этихъ знакомствъ на развитіе уніонистскихъ стремленій Виссаріона, то здѣсь мы особенно должны выдвинуть Амвросія. Этотъ замѣчательный и притомъ весьма симпатичный человѣкъ былъ въ сплахъ сдѣлать и сдѣлалъ чрезвычайно много для уніи. Необычайно даровитый по природѣ и прекрасно владѣвшій обоими древними языками, онъ обладалъ большими богословскими знаніями, былъ искренно и глубоко преданъ дѣлу уніи, о которой серьезно думалъ еще при Мартинѣ V (ср. G ö t h e, 143), былъ опытенъ въ сношеніяхъ съ греками, съ представителями которыхъ онъ встрѣчался еще на Базельскомъ соборѣ, и былъ всегда замѣчательно справедливъ къ нимъ. 20-го февраля онъ напримѣръ писалъ папѣ: «neque moveat Sanctitatem tuam quorundam commotio, indicio meo satis levis quod is Patriarcha te adpellet fratrem; quia et Ecclesia Constantinopolitana secunda est a Romana, et facile meretur veniam inveterata nec de novo praesumpta opinio... In honore omnino illi habendi sunt... quia et nos illis de Tua Sanctitate polliciti sumus omnia (Cecconi, ср. DLIX, DLII). Подобныхъ примѣровъ можно бы привести очень много. Ср. Cecconi, DLVIII и др.

¹⁾ Повидямому греки надѣялись соединиться съ латинянами на болѣе выгодныхъ для себя условіяхъ въ случаѣ присутствія на соборѣ оппозиціонной папѣ партіи, чѣмъ безъ нея, и именно поэтому, какъ кажется, и придевали такую важность присутствію на соборѣ отцовъ Базельскаго собора и уполномоченныхъ западныхъ государей. Ср. Migne, (LX), 397. А. и Mansi, XXXI, 13.

²⁾ Συροπυλοσ, VI. 12.

Плеонъ, стояли за то, чтобы начать пренія съ прибавки: вслѣдствіе ея, говорили они, раздѣлились мы съ латинянами; слѣдовательно и разбирать нужно сначала причину раздѣленія; а затѣмъ уже перейти къ догмату ¹⁾. Другіе, въ томъ числѣ и Виссаріонъ, считали необходимымъ начать пренія съ самаго ученія о *filioque*. Эту мысль Виссаріонъ отстаивалъ съ большой энергіей ²⁾. Не слѣдуетъ—говорилъ онъ—начинать пренія съ прибавки ни въ томъ случаѣ, если мы считаемъ себя въ этомъ пунктѣ болѣе сильными, чѣмъ въ вопросѣ объ истинности самаго ученія латинянъ о *filioque*, ни въ томъ случаѣ, если здѣсь мы чувствуемъ себя слабѣе. Съ слабѣйшаго, на чемъ можно потерпѣть неудачу, не нужно начинать потому, что гнетущее впечатлѣніе пораженія можетъ содѣйствовать нашему пораженію и въ другомъ, хотя бы и болѣе вѣрнѣ комъ пунктѣ; съ сильнѣйшаго также не нужно начинать, а слѣдуетъ приберегать его къ концу. Если мы начнемъ съ догмата и побѣдимъ здѣсь латинянъ, то перейдя къ болѣе сильному пункту—къ прибавкѣ—мы, подъ впечатлѣніемъ побѣды ³⁾, окончательно разобьемъ ихъ, и такимъ образомъ завершимъ побѣду блестяще; если же по вопросу о догматѣ мы будемъ побѣждены, то все же у насъ останется еще пунктъ, гдѣ мы можемъ навѣрное рассчитывать на побѣду и—слѣдовательно—оставить за собой поле сраженія ⁴⁾. Это—доказательства, такъ сказать, *ad hominem*; но вотъ доказательство по существу дѣла. Если бы—разсуждалъ Виссаріонъ—мы начали съ латинскаго догмата и при этомъ оказалось бы, что онъ ложенъ, тогда бы не было и нужды въ особомъ разсужденіи относительно незаконности прибавки, и мы заразъ покончили бы съ своими противниками; а если начать съ прибавки

¹⁾ Συροπουλος, VI, 12.

²⁾ Высказанныя имъ мысли онъ самъ изложилъ въ Ер. ad Phil. (Migne, CLXI, col. 337 и 414); ср. Συροπουλος, pag. 159. Здѣсь мы приводимъ лишь общее содержаніе заявленія Виссаріона.

³⁾ Migne, CLXI, col. 414. D.

⁴⁾ Migne, CLXI, col. 337. D.

и если будетъ доказано, что этой прибавки, какъ такой, латиняне были неправѣ дѣлать, то все же останется еще вопросъ объ истинности или ложности самаго догмата и этотъ вопросъ нужно еще будетъ подвергнуть спеціальному разсмотрѣнію ¹⁾. Это второе доказательство Виссаріона нельзя не признать весьма основательнымъ, чего нельзя сказать о первомъ: тамъ отдѣльныя части доказательства не находятся между собою въ строгомъ логическомъ соотвѣтствіи, и, приводя ихъ, Виссаріонъ очевидно считывалъ подѣйствовать на слушателей лишь массою соображеній; а при массѣ соображеній, которыя, въ отдѣльности взятыя, представляются основательными, уловить отсутствіе между ними логической связи трудно ²⁾. Какъ видно, Виссаріону хотѣлось во что бы то ни стало склонить грековъ къ разсужденіямъ объ истинности самаго догмата. Побужденія къ этому частію видны изъ вышесказаннаго, частію указаны въ дальнѣйшихъ словахъ Виссаріона: „а это говорилъ я—свидѣтель въ томъ Богъ и моя совѣсть—блудя всегда честь нашего народа и всячески заботясь объ его славѣ. Ибо я хотѣлъ, чтобы мы или со славою и съ видомъ побѣдителей отдѣлились отъ латинянъ, или съ честію соединились съ ними и притомъ не представляясь побѣжденными и оказавши-

¹⁾ Migne, CLXI, col. 337. C. D; 415. А. Если съ предубѣжденіемъ смотрѣть на Виссаріона, то и эту его настойчивость можно заподозрить, именно подумать, что онъ дѣйствовалъ такъ подъ вліяніемъ латинянъ и въ виду того, что къ преніямъ о прибавкѣ греки несомнѣнно были болѣе подготовлены. На это достаточно однако отвѣтить простой ссылкой, кромѣ Схолярія, на Сиропула (Συροπούλος, VI, 12, p. 160).

²⁾ Говоря это, разумѣемъ слѣдующее. Если въ вопросѣ о прибавкѣ—разсуждалъ Виссаріонъ—мы сильнѣе латинянъ, то все же не нужно начинать съ него, и указывать приведенныя выше соображенія. Между тѣмъ, принимая во вниманіе только что предъ тѣмъ высказанное имъ, естественно ожидать, что Виссаріонъ именно посоветуетъ начать съ прибавки: хорошее впечатлѣніе побѣды въ одномъ, сильнѣйшемъ пунктѣ, могло усилить ихъ энергію и такимъ образомъ помочь ихъ побѣдѣ и въ другомъ—допустимъ—слабѣйшемъ пунктѣ. Виссаріонъ взглянулъ на дѣло иначе и притомъ съ совершенно новой точки зрѣнія, и такимъ образомъ высказалъ соображенія, въ сущности исключаютія одно другое.

мися ослабѣвшими въ доказательствахъ. А то и другое слѣдовало изъ того (образа дѣйствій), о которомъ я говорилъ; изъ того же, что мы сдѣлали, вышло совершенно противное¹⁾. Уже въ этихъ и другихъ вышеприведенныхъ словахъ Виссаріона проглядываетъ какъ будто сомнѣніе его въ возможности доказать ложность латинскаго догмата. Онъ слишкомъ много говоритъ о той „побѣдѣ“ грековъ или—точнѣе—о томъ призракѣ или той тѣни побѣды, которая сохранилась бы у нихъ въ случаѣ принятія его предложенія. Изъ его словъ выходитъ въ сущности то, что въ случаѣ пораженія грековъ въ вопросѣ о догматѣ ихъ отступление было бы нѣсколько прикрито и поражение было бы такъ сказать нѣсколько прикрашено. Такъ могъ разсуждать грекъ, правда, дорожащій (хотя и своеобразно имъ понимаемою) „честью“ своей церкви²⁾, но во всякомъ случаѣ нѣсколько колеблющійся относительно безусловной и во всемъ правоты своей церкви. А что это колебаніе было дѣйствительно у Виссаріона, это еще яснѣе видно изъ дальнѣйшихъ словъ его. Мысль Виссаріона встрѣтила слабую поддержку. „Что же я?—продолжаетъ Виссаріонъ. Я не замолчалъ сразу; но видя, что они (греки) этого (т. е. разсужденій о прибавкѣ) хотятъ, а не другаго, и это потому, что они считали себя здѣсь болѣе сильными, чѣмъ въ (вопросѣ о) самомъ догматѣ, я, желая отвлечь ихъ отъ ихъ предположенія, въ присутствіи нашего мудраго императора, высказалъ противныя основанія“ (т. е. основанія въ пользу того, что греки совсѣмъ не сильны въ этомъ пунктѣ)³⁾ „показывая слабость этого предположенія“ (τὴν ἀσθενή-

¹⁾ Migne, CLXI, col. 337. D: ταῦτα δ' ἐγὼ ἔλεγον μαρτυροῦντός μοι τοῦ Θεοῦ καὶ τῆς συνειδήσεως, τῆς τοῦ γένους ἡμῶν ἀεὶ τιμῆς στοχαζόμενος, καὶ τὴν αὐτοῦ δόξαν ἐκ παντὸς τρόπου πραγματευόμενος. Ἡ γὰρ ἐνδόξως ἐβουλόμην ἡμᾶς Λατίνων διαψευσθῆναι καὶ μετὰ τοῦ δοκεῖν κερρατηχένοι αὐτῶν, ἢ ἐνδόξως αὐτοῖς ἐνωθῆναι, καὶ ἄνευ τοῦ δοξαίηται καὶ ἀσθενῆσαι πρὸς τὰς ἀποδείξεις. Τούτων δ' ἐκάτερον, ἐκ μὲν ὧν ἐγὼ ἔλεγον, ἠκολούθει· ἐκ δ' ὧν διεπραξάμεθα πᾶν τὸναντίον.

²⁾ Ср. Migne, CLXI, col. 340. B—D; 341. A. B.

³⁾ Migne, *ibid.* col. 340. A: εἶπον λόγους εἰς τὸναντίον (= латин. переводъ: dixi rationes in contrarium); col. 415. A: (въ собственномъ измѣненномъ переводѣ Виссаріона)—dixi in contrarium quatuor rationes.

weisav deivnòs toũ proβλήματος ¹⁾ „и то, что смѣшно полагать, будто не слѣдуетъ прибавлять къ символу истины. Эти основанія были такъ сильны, что никто изъ присутствующихъ не въ силахъ былъ ихъ устранить (λῦσαι)“ ²⁾. Правда, Виссаріонъ говорилъ эти неортодоксальныя вещи затѣмъ, чтобы какъ нибудь убѣдить въ справедливости своей вполне резонной мысли о необходимости начать пренія съ догмата и разсмотрѣть дѣло по существу; но все же чистый ортодоксалъ ничего такого навѣрное не сказалъ бы. Слѣдовательно, Виссаріонъ въ эту пору уже по меньшей мѣрѣ колебался даже въ справедливости обрацаемыхъ греческою церковью противъ латинской упрековъ въ противоканоническомъ присоединеніи къ символу *filioque*; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ по прежнему оставался рационалистомъ, весьма свободно мыслящимъ челоѣкомъ по вопросу о силѣ церковныхъ канонѡвъ ³⁾, что также не мало содѣйствовало этой его шаткости. Что же касается самаго догмата, то, судя по дальнѣйшему ходу дѣлъ ⁴⁾, Виссаріонъ долженъ былъ колебаться здѣсь еще больше. Кромѣ упомянутаго случая, это колебаніе въ ближайшее время не проявилось наружу ни разу болѣе, и Виссаріонъ официально продолжалъ быть единомышленнымъ съ греками. „Они постановили, что хотѣли“ (т. е. рѣшили пренія съ прибавки), „и я послѣдовалъ имъ, полагая, что предъ Богомъ и народомъ я имѣю долгъ сказать то, что, на мой взглядъ, принесло бы пользу, а затѣмъ послѣдовать за большин-

¹⁾ Migne, CLXI, col. 340. A., сравн. въ латинскомъ переводѣ Виссаріона: *probabam et hujus rei falsitatem*—col. 415. B.

²⁾ Migne, *ibid.* Въ собственномъ переводѣ письма къ Филантропину, изъ котораго мы беремъ эти слова, Виссаріонъ прибавилъ еще: *quas (rationes) Latini etiam postea adduxerunt quasque inter rationes per Latinos inductas audies*—col. 415. A. B.

³⁾ Сравн. *γελοῖόν ἐστιν εἰσεῖναι μὴ δεῖν τὴν ἀλήθειαν τῷ συμβόλῳ προσθεῖναι*:—Migne, col. 340.

⁴⁾ Весьма знаменательно, что Виссаріонъ, какъ увидимъ, по вопросу о прибавкѣ официально былъ единомысленъ съ греками и участвовалъ въ преніяхъ; при разсужденіяхъ же о догматѣ соблюдалъ почти полное молчаніе.

ствомъ и вмѣстѣ съ нимъ сражаться (съ латинянами)¹⁾. По-
давить своихъ сомнѣній Виссаріонъ разумѣется не могъ; но онъ
чувствовалъ себя грекомъ, самымъ своимъ положеніемъ обязаннымъ
защищать вѣрованія своей церкви и вмѣстѣ честь ея и свою соб-
ственную, и потому уступилъ большинству и—какъ увидимъ да-
лѣе—весьма энергично сталъ защищать ученіе своей церкви.

Рѣшеніе большинства—начать пренія съ вопроса о прибавкѣ
было утверждено императоромъ, который, хотя внутренно и не со-
чувствовалъ ему, но все же не рѣшился выступить противъ изъ
опасенія навлечь на себя упрекъ въ давленіи на соборъ²⁾. За-
тѣмъ въ особомъ засѣданіи выдающихся духовныхъ и свѣтскихъ
сановниковъ³⁾ выбраны были для преній съ латинянами слѣдую-
щія шесть лицъ: Маркъ ефесскій, Исидоръ русскій, Виссаріонъ
никейскій, великій хартофилаксъ Михаилъ Вальсамонъ, великій
скевофилаксъ Θεодоръ Ксанфопуль⁴⁾ и извѣстный философъ Ге-
мистъ Плеонъ⁵⁾. Спропуль замѣчаетъ при этомъ: царь опять⁶⁾
повторилъ, чтобы пренія вели только двое: Ефесскій и Никейскій⁷⁾.
И дѣйствительно въ преніяхъ принимали участіе только Маркъ и
Виссаріонъ; за исключеніемъ Исидора, изрѣдка высказывавшаго
нѣсколько замѣчаній, остальные представители грековъ молчали.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Migne, CLXI, 340. A.

²⁾ Ep. ad Phil., Migne, с. 415. В. Это опасеніе къ сожальнію очень
рѣдко являлось у императора. Ср. Συροπουλος, VI, 14, pag. 163.

³⁾ Συροπουλος, ibid., pag. 161.

⁴⁾ Ксанфопуль занялъ мѣсто Спропула, который, будучи избранъ въ
число делегатовъ, отказался отъ этой чести (Συροπουλος, VI, pag. 161).

⁵⁾ Συροπουλος, ibid, pag. 161; Mansi, XXXI, col. 495.

⁶⁾ Т. е. какъ было при разсужденіяхъ о чистилищѣ.

⁷⁾ ὁπότε ποσε πάλιν ὁ βασιλεὺς, ἵνα διαλέγωνται οἱ δύο μόνοι ὁ Ἐφέσου καὶ ὁ
Νικαίας.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Садов

Виссарион Никейский на
Ферраро-Флорентийском соборе

Опубликовано:
Христианское чтение. 1882. № 3-4. С. 309-337.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Виссаріонъ Никейскій на ферраро-флорентійскомъ соборѣ.

(Продолженіе¹⁾).

IV.

8-го октября²⁾ состоялось торжественное засѣданіе собора, второе по счету со времени его отертыя и первое послѣ его возобновленія. Оно было открыто замѣчательной во многихъ отношеніяхъ рѣчью Виссаріона.

Рѣчь эта въ общемъ оставляетъ въ читателѣ пріятное впечатлѣніе. Не смотря на оффиціальныи характеръ мѣста и времени, гдѣ и когда она была произнесена, личность Виссаріона выступила здѣсь довольно выпукло и притомъ въ симпатичныхъ чертахъ.

¹⁾ См. Христ. Чт. 1882 г. № 1—2, стр. 94—137.

²⁾ По Сиропулу (VI, 17), это засѣданіе состоялось 6-го октября, по автору Аста граеса (Mansi, XXXI, col. 494) 8 октября, и послѣднее указаніе представляется болѣе вѣроятнымъ по слѣдующимъ основаніямъ. Неточность указанной Сиропуломъ даты подтверждается 1) другой его неточностью, допущенной имъ въ самомъ началѣ той же 17-й главы, гдѣ содержится указанная дата, именно: по изложенію Сиропула выходитъ, что въ одно и тоже засѣданіе говорили не только Андрей Родосскій и Виссаріонъ, но и Маркъ (и даже пожалуй тотъ же Андрей—во второй разъ—Συροπολλος, 167), что однако физически невозможно (авторъ Аста граеса, Mansi, XXXI, 507, относитъ рѣчи названныхъ лицъ къ отдѣльнымъ засѣданіямъ); 2) слѣдующею неточностью: по Сиропулу (VI, 17 въ началѣ) Никейскій говорилъ послѣ Андрея, что однако мало вѣроятно и даже совсѣмъ невѣроятно послѣ только что заключеннаго сторонами условія о томъ, что первое слово будетъ принадлежать грекамъ (Συροπολλος, р. 161; ср. Mansi, XXXI, col. 495). Дата же у Сиропула въ VI, 17 могла ошибочно произойти изъ VI, 14, pag. 162: открыть соборъ предполагалось 6-го октября,—эту дату Сиропулу можетъ быть тогда же записалъ, а о дѣйствительномъ открытіи собора писалъ уже на память, а потому и здѣсь показалъ ту же дату.

Прежде всего, здѣсь почти въ каждой строчкѣ преглядываетъ искренняя радость о томъ, что представители разъединенныхъ церквей, дотолѣ съ неудовольствіемъ слышавшихъ самое слово „соединеніе“, теперь сошлись, чтобы обсудить средства и пути соединенія. Это—радость искренняя, безъ заднихъ мыслей. Столь же искренно и прямодушно и желаніе успѣха въ объединительныхъ начинаніяхъ собора ¹⁾. Другая черта, еще болѣе характерная и важная, состоитъ въ слѣдующемъ: Виссаріонъ считаетъ задачей собора совершенно безпристрастное изслѣдованіе спорнаго вопроса. Эту мысль онъ высказываетъ то прямо отъ себя, то въ формѣ указанія на какъ бы существующій уже фактъ, словно не желая знать, что на самомъ дѣлѣ обѣ стороны совершенно иначе представляли себѣ свои задачи. „Тѣ и другіе“ (т. е. греки и латиняне), говоритъ Виссаріонъ, „сошлись съ одинаковыми намѣреніями и съ одинаковыми стремленіями (*καὶ τῆς αὐτῆς προδορίας*), не оставляя совершенно никакого мѣста желанію побѣдить или быть побѣжденными. Ибо это (желаніе побѣдить) было бы свойственно не ученикамъ Христовымъ и мужамъ мудрымъ, но какимъ нибудь совопросникамъ и людямъ, все дозволяющимъ себѣ и своимъ страстямъ. Но (обѣ стороны сошлись) съ единственнымъ желаніемъ найти истину, съ которою и быть побѣжденными они хотятъ“ (т. е. ради полученія которой и быть побѣжденными они хотятъ), „безъ которой и побѣдить они не желаютъ“ ²⁾. „Остановимся тамъ, куда приведетъ насъ Слово Божіе, подавляя всякое гордое превозношеніе предъ славою Божіею, всякій надменный и тщеслав-

¹⁾ См. напримѣръ превосходное лирическое мѣсто—Migne, CLXI, col. 533. Не можемъ не отмѣтить при этомъ мнѣнія осторожнаго нѣмецкаго изслѣдователя Гете, который признаетъ, что Виссаріонъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими греками, желалъ уніи не только ради освобожденія своего отечества, но и ради ея самой (стр. 182). Къ сожалѣнію, въ вышедшей доселѣ части своего труда почтенный изслѣдователь не раскрылъ этого своего взгляда на Виссаріона, высказавъ его въ одномъ мѣстѣ въ какихъ нибудь трехъ строкахъ.

²⁾ Migne, CLXI, col. 533. А.

ный помысль....., предпочитая въ иномъ быть побѣжденными хорошо, чѣмъ во всемъ побѣдить худо. Ибо значеніе блага имѣть не только побѣда съ истиной, но такую же долю блага имѣть и доброе пораженіе, и это пораженіе считается наравнѣ съ побѣдой, хотя ¹⁾ быть можетъ кто нибудь скажегь, что это второе благо (т. е. пораженіе) выше перваго, потому что для всякаго полезнѣе самому получить благодѣяніе, чѣмъ оказать его другому, — и лучше выслушать, чѣмъ сказать другимъ, и лучше освободиться отъ заблужденія, чѣмъ освободить (другаго)²⁾.

Эти воззванія, безъ сомнѣнія, были назначены ораторомъ и относились одинаково какъ къ грекамъ, такъ и къ латинянамъ ³⁾. Болѣе къ грекамъ, чѣмъ къ латинянамъ ⁴⁾ относились воззванія въ родѣ того, что каждый долженъ по мѣрѣ силъ помогать при-

¹⁾ Καίτοι = «хотя» находится въ соотношеніи съ выше стоящимъ ἐν ἴσφ, и вводитъ мысль о превосходствѣ (при извѣстныхъ условіяхъ) пораженія предъ побѣдой, тогда какъ выше говорилось τοῦ ἡττᾶσθαι... ἐν ἴσφ τοῦ κρατεῖν κρινόμενου.

²⁾ Migne, CLXI, col. 540. В. С.: καταπαύσωμεν δὲ οἱ ἂν ἡμῖν αὐτὸ ὑφηγοῖτο, καθαιρούμεντες πᾶν ὕψωμα ἐπαίρομενον κατὰ τῆς τοῦ Θεοῦ δόξης, πάντα λογισμὸν ὑπερήφανον καὶ κενόδοξον... Ἔστιν οὖ καὶ νικᾶσθαι καλῶς μᾶλλον ἐθέλοντες, ἢ νικᾶν ἐν πᾶσι κακῶς· ἄτε δὴ μὴ τοῦ περιγίνεσθαι μόνον, ὅταν μεθ' ἑαυτοῦ τάλπηθές ἔχη, τὸν ἀγαθοῦ σώζοντος λόγον, ἀλλ' οὐδὲν ἦττον καὶ τοῦ ἡττᾶσθαι καλῶς ταυτὸ τοῦ καλοῦ σώζοντος μέτρον, καὶ ἐν ἴσφ τοῦ κρατεῖν κρινόμενου. Καίτοι φαίη τις ἂν ἴσως καὶ μείζον ἀγαθὸν εἶναι τοῦτο τοῦ πρότερον, εἰπερ λυσιτελέστερον τῷ παντὶ αὐτὸν ἀγαθὸν τι παθεῖν ἢ ἄλλον ποιῆσαι· καὶ μᾶλλον ἀκούσαι ἢ φάσαι· ἐτέροις καὶ πλάνης ἀπαλλαγῆναι ἢ ἀπαλλάξαι.

³⁾ Это видно изъ всего контекста, а также изъ такихъ выраженій, какъ: «πρὸς αὐτὸν ἐλκυσας ἡμᾶς ἀμφοτέρους — Migne, col. 533. А и т. п. Не забудемъ, что эта рѣчь Вассаріона, которую онъ «говорилъ», какъ выражается авторъ Acta graeca (Mansi, XXVI, 495. D.) или «читалъ» (ἀνέγνω), какъ выражается Спроуль (VI, 17), тутъ же переводилась Сагундиномъ и на латинскій языкъ (Sproppoulos, VI, 17, pag. 163). А мы имѣемъ ее именно въ томъ видѣ, въ какомъ она была произнесена (см. Acta graeca — Mansi, col. 493. D. сравн. Vast. pag. 66, not. 5).

⁴⁾ Что греки были дѣйствительно крайне вялы и что латиняне были въ значительной мѣрѣ правы, жалуются на это, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но и латиняне не всегда или не всѣ по крайней мѣрѣ показывали особенную энергію. См. напр. Ambrosii Traversarii Epist. lib. XII, ep. 15 по изд. Маргента.

веденію дѣла къ концу, именно „къ священному соединенію христіанъ, этому доброму и имѣющему пользу принести дѣлу“, и что „должно испробовать все, предпринять все, не щадя ни старанія, ни тщанія, ни трудовъ, ни напряженія“ ¹⁾. Но было бы ошибочно въ этихъ словахъ видѣть какую нибудь особенную тенденцію, именно желаніе унизить грековъ ²⁾. Доказательство — въ обращеніи Виссаріона къ царю съ предложеніемъ принять по отношенію къ папѣ до нѣкоторой степени руководственную роль и т. п. Это предложеніе сдѣлано было въ такихъ выраженіяхъ, которыя едва ли могли нравиться папѣ, какъ „намѣстнику Христову“ ³⁾.

Такимъ образомъ въ этой рѣчи Виссаріона нѣтъ ничего, что могло бы бросить тѣнь на его нравственный характеръ и что давало бы основаніе заподозрить чистоту его побужденій. Едва ли можетъ быть поставлено въ вину Виссаріону и то, что онъ повидимому черезчуръ свободно относится къ ученію своей церкви. Виссаріонъ всегда смотрѣлъ весьма серьезно на задачу собора, поставляя ее въ разъясненіи спорнаго вопроса (на основаніи св. Писанія и преданія). На его взглядъ, соборъ терялъ всякое значеніе, коль скоро члены его не станутъ выше конфессіональныхъ и всякихъ другихъ, отдѣльной жизнью церковей воспитанныхъ возрѣвнѣй. Ближайшее знакомство съ литературой спорныхъ вопросовъ, подъ вліяніемъ котораго — какъ мы предположили выше — онъ долженъ былъ внутренне нѣсколько поколебаться въ безусловной истинѣ возрѣвнѣй греческой церкви, побудило его еще тверже держаться той мысли, что на составившемся соборѣ обѣ стороны должны

¹⁾ Migne, CLXI, col. 533. С.

²⁾ Виссаріонъ всегда, особенно же на первыхъ порахъ, крайне заботился о сохраненіи чести грековъ. Ср. Migne, CLXI, 341. В.

³⁾ Migne, col. 541. В: καὶ τὸν μαχαριώτατον δὲ πατέρα, εἴ τι τῷ γήρῳ χάρις ἐνδοθεὸς καὶ τῷ χρόνῳ καὶ τοῖς νοσήμασιν, ὑπομνήσασκε καὶ διανίστα τὸ μὲν γόοις προτρέπτηριοις, τὸ δ' ἔργοις αὐτοῖς αὐτὸν ἐνεργῶν παρεχόμενος. Πάντως αἰδέομαι βασιλέα προτρέποντα, τῶν πραγμάτων ἐπιμελέστερον ἀνθαφάμενος σὺν τε τῷ θειοτάτῳ ἡμῶν καὶ ἱερῷ πατριάρχῃ, τοῖς τ' αἰδεσιμωτάτοις τῆς ἁγίας Ῥωμαίων ἐκκλησίας λογάσι, καὶ πᾶσι τοῖς ἄλλοις, τέλος ἀγαθὸν ἐπιθήσουσιν ὑφ' ἡγεμονίᾳ Θεῶν.

проникнуться единственнымъ желаніемъ—провѣрить тѣ основанія, опираясь на которыя обѣ церкви въ теченіи времени пришли къ столь различнымъ ученіямъ,—выяснить, почему въ самомъ дѣлѣ въ ученіи напримѣръ объ исхожденіи Св. Духа восточная и западная церковь, основываясь на однихъ и тѣхъ же отцахъ церкви, въ концѣ концовъ формулировали это ученіе такъ различно? И это кажущееся различіе въ ученіи самихъ отцовъ не требуетъ ли основательнаго, глубокаго изслѣдованія и выясненія? Таковъ долженъ былъ быть процессъ мышленія Виссаріона, и мы были бы несправедливы въ нему, если бы оставили въ сторонѣ эту сторону дѣла. Той настойчивости, съ которой держались латиняне своихъ воззрѣній, Виссаріонъ не могъ объяснять лишь желаніемъ ихъ отстоять свое, съ чѣмъ они свыклись, какъ не можемъ и мы объяснять только этимъ защиту *filioque* новѣйшими старокатоликами, — людьми, чуждыми предубѣжденій Рима, оторвавшимися отъ Рима, проникнутыми искреннимъ желаніемъ найти истину.

Не можемъ не отмѣтить еще одной черты изъ той же рѣчи Виссаріона. Онъ говорилъ какъ человѣкъ, чувствующій въ себѣ силу, говорилъ—выражаясь образно—какъ человѣкъ „власть имѣющій“ или по меньшей мѣрѣ какъ равный съ равными. Таковъ общій тонъ рѣчи ¹⁾.

Рѣчь Виссаріона была вступительной или привѣтственной рѣчью. Подобную же рѣчь со стороны латинянъ произнесъ Андрей, еп. родосскій ²⁾. По словамъ автора *Acta graeca* ³⁾, Андрей, „во

¹⁾ Есть впрочемъ и отдѣльныя мѣста, подтверждающія эту мысль (см. напримѣръ *Migne*, col. 541). Сказанному не противорѣчитъ маленькая лесть, по мѣстамъ расточаемая Виссаріономъ: рѣчь XV-го вѣка безъ лести и подобныхъ «украшеній» была не мыслима. Отъ этого упрека не вполнѣ свободенъ даже и прямодушный Маркъ. См. *Συροπολλος*, V, 2; *Har d.*, IX, 615. С.

²⁾ Трудно рѣшить, произносилъ ли онъ свою рѣчь въ одно съ Виссаріономъ засѣданіе или въ послѣдующее. Вѣроятнѣе впрочемъ второе предположеніе; если онъ съ одной стороны подражалъ Виссаріону (*Mansi*, 507. С.), съ другой—«читалъ» (*ἀνέγνω*) свою рѣчь (*Συροπολλος*, VI, 17), то очевидно ему нужно было время для подготовки.

³⁾ *Mansi*, col. 507. С.

всемъ подражая Никейскому, превознесъ похвалами и папу и царя, и патриарха.—почтилъ, какъ слѣдуетъ, и соборъ похвалами, и соревнуя“ (Виссаріону, который—по акта—тоже говорилъ до вечера) „говорилъ въ этомъ родѣ (ὄβτως) дотолѣ, пока не настала вечеръ“ ¹⁾). Значить рѣчь Виссаріона обратила на себя большое вниманіе.

Пренія открылъ Маркъ ²⁾. Но эти пренія не вдругъ вошли въ надлежащую колею: въ самомъ же началѣ между Маркомъ ефесскимъ и Андреемъ родосскимъ, выступившими на защиту ученія своихъ церквей, произошли пререканія изъ-за права слова ³⁾. Этотъ споръ, весьма характерный, а потому и самъ по себѣ интересный, представляетъ для насъ особенный интересъ по участию въ немъ Виссаріона. Дѣло—въ слѣдующемъ. Послѣ предварительныхъ замѣчаній о необходимости для обѣихъ сторонъ всячески соблюдать во время преній взаимную любовь, а возможные при этомъ рѣзкости въ выраженіяхъ объяснять лишь разностью воззрѣній, а не желаніемъ нанести оскорбленіе противнику, Маркъ заявилъ о своемъ намѣреніи говорить о томъ, что латиняне не имѣли права дѣлать къ символу прибавку. Андрей, прервавъ позидимому рѣчь Марка ⁴⁾, высказалъ желаніе немедленно же оправдать эту прибавку. Маркъ возразилъ, что эта защита преждевременна, такъ какъ онъ, Маркъ, не развилъ еще и не подтвердилъ своей мысли. Послѣ обмѣна нѣсколькими фразами въ томъ же родѣ, Маркъ наконецъ добился согласія высказать то, что онъ хотѣлъ сказать. Указавши на первую причину раздѣленія церквей, состоявшую въ прибавкѣ къ западному символу *filioque*, и на первое условіе воз-

¹⁾ Mansi, XXXI, col. 507, C.

²⁾ Mansi, col. 507. D. E.

³⁾ Споръ этотъ возникъ повидимому вслѣдствіе между прочимъ въ некоторой неопредѣленности соглашенія между сторонами относительно порядка преній (Mansi, XXXI, col. 507. C. D.). Но были и другія причины, которыя выяснятся изъ слѣдующаго изложенія.

⁴⁾ Это видно, кажется, изъ отвѣта Марка—Mansi, col. 510. C.

соединенія—уничтоженіе этой прибавки, Маркъ потребовалъ прочтенія соборныхъ вѣроопредѣленій, изъ которыхъ — говорилъ онъ — откроется полное единомысліе нынѣшней греческой церкви съ тѣми св. соборами ¹⁾ и неправда церкви западной. Стороны обмѣнялись еще нѣкоторыми общими ²⁾ замѣчаніями и затѣмъ засѣданіе было закрыто. Греки вышли изъ засѣданія съ увѣренностью ³⁾, что въ слѣдующее собраніе будутъ читаться указанные ими соборныя вѣроопредѣленія. Такъ и быть должно было повидимому. Однако латиняне, какъ это впрочемъ было довольно естественно съ ихъ точки зрѣнія ⁴⁾, полагали иначе, и въ слѣдующее засѣданіе надѣялись слушать защиту *filioque* изъ устъ Андрея ⁵⁾. Въ слѣдующее засѣданіе Андрей дѣйствительно и заявилъ свое намѣреніе защищать латинскую прибавку, притомъ по весьма подробной программѣ ⁶⁾ и повидимому специально. Если примемъ при этомъ въ соображеніе, что на тѣ общіе вопросы, которые были предложены Маркомъ въ предыдущее засѣданіе, Андрей далъ вполне достаточные, хотя и такіе же общіе отвѣты, такъ что въ настоящемъ засѣданіи специальное разсмотрѣніе спорнаго вопроса долженъ былъ начать Маркъ, согласно состоявшемуся предварительному соглашенію между сторонами ⁷⁾. то мы поймемъ недоумѣніе, а затѣмъ раздраженіе противъ латинянъ, овладѣвшее греками ⁸⁾. Не могъ сдержатъ этого раздраженія и Виссаріонъ. На слова Андрея, утверждавшаго, что

¹⁾ Mansi, XXXI, col. 511—513. A.

²⁾ Ср. Mansi, col. 517—520. A; Συροποιουλος, pag. 167.

³⁾ Это можно заключать на основаніи того, что ова говорили потомъ.

⁴⁾ Они и формально могли считать себя по своему правыми (см. Mansi, 520 sqq.). Затѣмъ: имъ очевидно не хотѣлось допускать эти чтенія (ср. Горскій, 76, 77; Mansi, 525 предъ Е и мн. друг.), въ виду повидимому стороннихъ слушателей, могшихъ соблазниться по «невѣжеству» соборными запрещеніями прибавокъ.

⁵⁾ Mansi, col. 525. C. D.

⁶⁾ Ср. Mansi, col. 520. A. B.

⁷⁾ См. выше; ср. Migne, CXLI, 355. B. C.

⁸⁾ Замечательно, что Псидоръ русскій также не составлялъ исключенія при этомъ. Mansi, col. 521. E.

въ прошлое засѣданіе онъ не успѣлъ исполнѣть отвѣтить Марку и потому долженъ сдѣлать это въ настоящій разъ, что поэтому теперь совѣмъ не слѣдуетъ (οὐ πρέπει) читать соборныхъ опредѣленій, какъ того требовалъ Маркъ, и что онъ, Андрей, и вообще западные дивятся этому требованію, — Виссаріонъ возразилъ: „о томъ, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ говорить, судить не слушающій, но говорящій ¹⁾... Не знаю, почему вы не соглашаетесь выслушать насъ. Сами вы вели такія длинныя рѣчи, а теперь удивляетесь — по вашимъ словамъ — тому, что мы говоримъ. А мы, слава Богу, не дали вамъ, кажется, никакого повода для этого „удивленія“, какъ вы выражаетесь. И мы думаемъ поэтому, что въ душѣ вы совѣмъ не дивитесь, хотя и выражаете это (удивленіе) на словахъ... Когда мы ставимъ положеніе, необходимо, чтобы вы выслушали и его доказательства, и уже послѣ того отвѣчали. А (пока), вопреки вашимъ словамъ, мы не требовали отъ васъ защиты: ибо какъ могли бы мы сдѣлать это, не выставивъ предварительно нашихъ доказательствъ?“ ²⁾.

Эта маленькая рѣчь Виссаріона, какъ видимъ, носятъ отпечатокъ не только весьма сильнаго раздраженія противъ притязаній латинянъ, но и довольно ѣдкой ироніи, — фактъ характерный. Мы видимъ затѣмъ отсюда, что Виссаріонъ безусловно стоялъ на сторонѣ Марка въ его спорѣ съ Андреемъ. Тоже самое видно и изъ дальнѣйшихъ словъ Виссаріона, сказанныхъ почти вслѣдъ за вышеприведенными и обращенныхъ на этотъ разъ къ кардиналу Юліану. И предъ этимъ „княземъ римской церкви“, Виссаріонъ, не смотря на все свое уваженіе къ нему, не затруднился съ прежней рѣшительностью, хотя и безъ колкостей, настаивать на своей мысли ³⁾. Упорство Андрея опять вывело Виссаріона изъ терпѣнія. Между

¹⁾ Mansi, XXXI, col. 520. D: τὸ πρέπον ἢ μὴ πρέπον ἕσσον ἐνεκά γε τοῦ λέγειν, οὐκ ἀπὸ τοῦ ἀκούοντος, ἀλλ' ἀπὸ τοῦ λέγοντος κρίνεται. Ср. такъ наз. acta latina, Nagd., IX, 764—765.

²⁾ Mansi, col. 520. D. E.—521. A. B.

³⁾ Mansi, col. 521. D.; ср. 520. A.

ними завязался разговоръ, въ которомъ весьма ярко выразилась досада Виссаріона на непониманіе или нежеланіе Андрея понять дѣло. Онъ явно иронизировалъ надъ Андреемъ, хотѣлъ показать забвеніе имъ элементарныхъ вещей, когда обратился къ нему съ слѣдующими словами: „можно приводить доказательства высказаннаго положенія?“ „Можно“, отвѣтилъ Андрей. „А мы“, продолжалъ Виссаріонъ, „еще не входили въ (ближайшее) разсмотрѣніе ни одного пункта (ἤμεῖς οὐδενῶς οὐτῶ αἰτίας ἠψάμεθα). Скажите же намъ, можемъ ли мы высказывать и доказательства наши и подтверждать нашу мысль, или желаете вы, чтобы мы оставили предметъ неподтвержденнымъ, хотя впрочемъ ты самъ допустилъ, чтобы мы высказали свои доказательства?“ „Я говорю“, замѣтилъ на это Андрей, „что святой отецъ (папа) и всѣ (латиняне) согласились на то, чтобы вы высказали (эти доказательства), если хотите,—подъ тѣмъ однако условіемъ, чтобы мы сначала дали отвѣтъ (на сказанное уже вами), какъ сами вы требовали“. „Мы требовали этого“ — возразилъ Виссаріонъ — „съ оговоркой, именно (мы хотѣли слышать вашъ отвѣтъ) послѣ того, какъ сами представили бы то, что кажется намъ идущимъ къ подтвержденію выставленнаго нами положенія“ ¹⁾.

Мы довольно подробно рассказали этотъ самъ по себѣ не особенно важный, но для выясненія настроенія Виссаріона имѣющій существенное значеніе эпизодъ. Изъ него видимъ мы съ достаточною ясностію, что Виссаріонъ въ эту пору твердо поддерживалъ интересы грековъ ²⁾. Что касается вопроса о прибавкѣ, то Висса-

¹⁾ Что Виссаріонъ съ Андреемъ говорили при этомъ запальчиво, это видно изъ послѣдовавшаго затѣмъ обращенія къ нимъ «магистра Іоанна» (Mansi, XXXI, col. 524. E), а также и изъ самыхъ рѣчей противниковъ. Рѣчи же эти повидному записаны точно. Что они могли быть записаны точно, видно изъ того, что на соборѣ было нѣсколько писцовъ. Авторъ же Аста ггаеса очевидно пользовался этими записями.

²⁾ Едва ли это была только наружная, формальная поддержка. Виссаріонъ вѣроятно и злился на латинячъ, какъ грекъ, и досадовалъ на грековъ за ихъ отказъ разсмотрѣть вопросъ по существу,—старался убѣдить себя въ вѣрности

ріонъ со всей рѣшительностью призпалъ ее незаконною: „мы говоримъ, что не должно прибавлять, и писаніями святыхъ докажемъ, что отцы запрещаютъ прибавлять не только мысли, но даже слова“ (λέξεων) ¹⁾. Такимъ образомъ, не смотря на свои внутреннія колебанія, Виссаріонъ не рѣшался поддаваться имъ и со всей рѣшительностью стоялъ противъ латинянъ. Табъ теперь, такъ и нѣсколько позднѣе.—Доселѣ Виссаріонъ ограничивался лишь общими, хотя по смыслу своему весьма опредѣленными заявленіями, и пренія съ латинянами велъ почти исключительно Маркъ. Скоро однако онъ выступилъ съ обширной рѣчью, продолжавшеюся цѣлыхъ полтора засѣданія. Эта рѣчь не только прекрасно характеризуетъ его тогдашнее настроеніе и взглядъ на спорный вопросъ, но и составляетъ одинъ изъ немногихъ литературныхъ памятниковъ изъ той поры, когда онъ былъ еще православнымъ. Поэтому остановимся на ней подольше ²⁾.

Прежде всего здѣсь обращаетъ на себя наше вниманіе слѣдующій весьма знаменательный фактъ. Впослѣдствіи, когда начались пренія о самомъ догматѣ, Виссаріонъ, какъ увидимъ, сначала не принималъ въ нихъ почти никакого участія, а затѣмъ высказался въ

ученія своей церкви, и не могъ отдѣлаться отъ своихъ сомнѣній. Словомъ, въ немъ были смѣшанныя чувства.

¹⁾ Mansi, XXXI, col. 524. D.

²⁾ У Сирнула (VI, 21, p. 174) читаемъ: τῇ δὲ πρώτῃ τοῦ Νοεμβρίου ἡμέρα σαββάτου γέγονε συνέλευσις ζ' καὶ διεξήλθε τὴν διαλέξιν ὁ Νικαίας, ἀνασκευάσας τὰ εἰρημένα παρὰ τοῦ Ἀνδρέου γενναίως καὶ λογικῶς. ταῦτα δὲ πάντα ἦσαν μεμελητημένα καὶ ἐσχεδιασμένα παρὰ τοῦ διδασκάλου τοῦ Σχολαρίου, δόντος αὐτοῦ ταῦτα τῷ βασιλεῖ καὶ αὐτοῦ τῷ Νικαίας. ὅς καὶ ἀπεστομάτισεν αὐτά. Этому свидѣтельству нужно противопоставить слѣдующія слова самаго Виссаріона: ὅτε καὶ θαρρῶν, τοῦς ἰσχυροτέρους τῶν παρὰ Γραικῶν εἰρημένων λόγων αὐτος ἦν ὁ καὶ ἑβρών καὶ εἰπόν (Migne, CLXI, 341. C.). Упомянутые «λόγους» Виссаріонъ могъ высказать только въ разсматриваемое время (ср. непосредственно слѣдующія въ процитованномъ мѣстѣ слова Виссаріона о Юліанѣ съ Mansi: XXXI, col. 645). Въ виду этого, а также характера субъективности, который носить рѣчь Виссаріона, можно думать, что онъ получилъ отъ Схоларія лишь матеріалъ для рѣчи, которымъ и воспользовался, но воспользовался самостоятельно и съ весьма существенными собственными дополненіями (Ср. «Ист. фл. соб.», 89).

пользу латинскаго ученія, — фактъ, свидѣтельствующій — какъ можно полагать — о томъ, что его доселѣшнія колебанія разрѣшились наконецъ полнымъ разрывомъ съ его матерью — церковію. Но въ разсматриваемое время Виссаріонъ даже и по вопросу о догматѣ на мѣревался оставаться повидимому на чисто греческой почвѣ ¹⁾. Объясняя причину, почему онъ пока не хочетъ говорить о догматѣ по существу, что затронулъ отчасти Родосскій, Виссаріонъ замѣтилъ, что теперь не время говорить объ этомъ (потому что по условію вопросъ долженъ идти собственно о прибавкѣ, какъ такой): „это мы раземотримъ, дастъ Богъ, въ слѣдующихъ засѣданіяхъ, когда будемъ изслѣдовать догматъ самъ въ себѣ; мы имѣемъ много и другаго сказать объ этомъ, но этимъ займемся въ свое время“ ²⁾. Какъ видимъ, Виссаріонъ надѣялся не только вообще говорить, но и говорить много, — фактъ знаменательный, свидѣтельствующій о томъ, что Виссаріонъ въ эту пору советамъ еще не думалъ занять положеніе, которое онъ занялъ въ *oratio dogmatica*. Затѣмъ нѣсколько ниже ³⁾, при доказательствѣ непопозволительности прибавокъ къ символу, касаясь словъ Григорія Божьслова о томъ, что онъ, Григорій, не заботится о слогахъ и словахъ, и доказывая, что это не опровергаетъ общаго положенія о недозволенности измѣненія въ символѣ, Виссаріонъ между прочимъ замѣтилъ: Григорій говоритъ о словахъ тождественныхъ; здѣсь же,

¹⁾ Hefele, VII, S. 690, говорить о Виссаріонѣ: *er ziemlich unverhohlen die dogmatische Richtigkeit des filioque, also die Lehre, dass der heilige Geist auch vom Sohne ausgehe, zugab*. Ту же въ сущности мысль, хотя и не столь ясно, высказываетъ и Васъ, положившійся здѣсь очевидно на выводъ нѣмецкаго ученаго (pag. 71: *sependant il n' avait pas contesté l'exactitude dogmatique du Filioque*). Гефеле однако ни одной цитатой не подтверждаетъ своей мысли. Если онъ имѣеть въ виду Mansi, 604. C. D., то это мѣсто ровно ничего не доказываетъ.

²⁾ τούτο γάρ ἐν τοῖς ἐξῆς ταμιευόμεθα Θεοῦ διδόντος, ὅταν κατ' αὐτὴν τὴν δόξαν αὐτὴν ἐξετάσομεν, ἔχοντες μὲν πολλὰ καὶ ἄλλα περὶ τούτου εἰπεῖν, ἐν δὲ τῷ οἰκείῳ καιρῷ ταῦτα ταμιευόμενοι — Harduin, IX, col. 105. C.; Mansi, XXXI, 604. B.

³⁾ Harduin, col. 113 B.; Mansi, 613.

въ вопросѣ о *filioque*, и слова и предметы различны. „Ибо одно Лицо есть Отецъ, другое—Сынъ, таеъ что выраженіе „изъ Отца“ даетъ иную мысль, чѣмъ „изъ Отца и Сына“ (*ὅστε καὶ πρὸς ἄλλην ἔννοιαν φέρει, τὸ ἐκ τοῦ Πατρὸς λέγεσθαι, ἢ τὸ ἐκ τοῦ Πατρὸς καὶ Υἱοῦ*). Чрезъ нѣсколько строкъ затѣмъ читаемъ слѣдующее продолженіе этихъ же мыслей: „мы говоримъ, что въ томъ, что вы говорите (т. е. въ формулѣ „отъ Отца и Сына“), различны не только слова, но и предметы, (слѣдовательно) необходимо различны и мысли“¹⁾.

Но Виссаріонъ касается въ этихъ рѣчахъ вопроса о догматѣ лишь мимоходомъ. Какъ уже замѣчено, онъ занимается здѣсь главнымъ образомъ прибавкой, какъ такой. При этомъ онъ разбираетъ документальныя (историческія), рациональныя и даже формально-силлогистическія доказательства²⁾, представленныя латинянами, съ своей стороны противопоставляя имъ иного рода истори-

¹⁾ *ἡμεῖς γὰρ λέγομεν, οὐ μόνον εἶναι λέξεις διαφόρους τὸ λεγόμενον παρ' ὁμῶν, ἀλλὰ καὶ πράγματα, ἐξ ἀνάγκης δὲ καὶ νοήματα—Hard., col. 113. С. Ср. передачу рѣчи Виссаріона въ *acta latina*—*ibid.* col. 771.*

²⁾ Къ послѣдняго рода доказательствамъ относится напримѣръ слѣдующее. Андрей Родосскій, въ подтвержденіе мысли, что прибавка есть собственно объясненіе и—какъ такое—дозвоительна, привелъ такой силлогизмъ: всякая прибавка есть (=идеть) отвѣтъ; но объясненіе не есть отвѣтъ; слѣдовательно, объясненіе не есть прибавка (*Man si, XXXI, col. 605. A.*). Свое возраженіе Виссаріонъ направляетъ главнымъ образомъ противъ второй посылки. Ею аргументація блещетъ остроуміемъ. Объясненіе (*Harduin, IX, col. 108. В* и далѣе, ср. передачу въ *acta latina, ibid., col. 770; Man si, XXXI, 605. B. sqq.*), говоритъ оцъ, совсѣмъ не бываетъ изъ того, что въ текстѣ. «Всякое объясненіе и особенно то, которымъ мы теперь занимаемся и о которомъ говоримъ, т. е. богословское, сводится (*ἀναφέρεται*) къ какому нибудь выраженію, взятому отвѣтъ... Напримѣръ, мы всѣ говоримъ: Духъ Святой исходитъ отъ Отца,—это текстъ (положеніе, *ἐκφραζόμενον, textus*). Вы, желая показать, что Духъ исходитъ и отъ Сына, берете отвѣтъ нѣкоторое общее положеніе, именно: все, что имѣетъ Отецъ, имѣетъ и Сынъ,... и такимъ образомъ заключаете, что и отъ Сына исходитъ Духъ Святой». И сила доказательства здѣсь въ томъ, что взято именно отвѣтъ. Такимъ образомъ хотя бы выраженіе «и отъ Сына» было объясненіемъ, но это не мѣшаетъ ему въ то же время быть и прибавкой. А такъ какъ прибавки запрещены, то слѣдовательно и эта прибавка недозвоительна (*Man si, col. 607. A.*).

ческія данныя и соображенія. По поводу главнѣйшаго доказатель-
ства латинянъ, состоявшаго въ ссылкѣ на древнюю церковную
практику, Виссаріонъ высказалъ слѣдующее. Прежде было позво-
лительно пояснять то, что *implicite* содержалось въ основаніяхъ
вѣры. и вносить эти поясненія, куда угодно, за исключеніемъ лишь
Св. Писанія,—въ томъ числѣ и въ символъ. Позднѣ эта свобода
была ограничена: объяснять вѣру не было запрещено и никогда
не будетъ запрещено, но прибавлять къ символу поясненія было
воспрещено. „И это сдѣлано по необходимости. Ибо до втораго
вселенскаго собора (включительно) отцы были свободны пользо-
ваться поясненіями, какъ имъ было угодно; послѣ же названнаго
собора, такъ какъ нѣкоторые пользовались этимъ правомъ (*ἐξουσία*)
во вредъ себѣ и, составляя символы, вносили въ нихъ ложныя и
извращенныя ученія и (такимъ образомъ) причиняли вредъ людямъ,
то собравшіеся на третьемъ соборѣ отцы, увидѣвъ (*συνιδόντες*), что
это право (*ἐξουσία*) не приноситъ вѣрующимъ никакой пользы, вредъ
же причиняетъ большой, ненарушимо постановили, чтобы ничего
такого впредь не было. Ибо очевидно, что для вѣрныхъ не по-
слѣдуетъ никакого вреда изъ того, что нельзя дѣлать прибавокъ.
Они исповѣдуютъ тоже (ученіе), какъ и святые отцы. А кто здра-
вомыслящій осмѣлится обвинить послѣднихъ въ несовершенствѣ?
Изъ позволительности же дѣлать переменны послѣдуетъ великій
вредъ, потому что переменна словъ можетъ послужить когда ни-
будь причиною и переменны мыслей ¹⁾. А что они (т. е. отцы
третьяго собора) первые сдѣлали указанное воспрещеніе, это видно
какъ изъ многаго другаго, такъ и болѣе всего изъ посланія бла-
женнаго Кирилла къ Акакію, еп. мелитинскому. Тамъ говоритъ
онъ: святой и вселенскій соборъ, собравшійся въ городѣ Ефесѣ,
по нуждѣ предусмотрительно постановилъ (*προβούλησεν ἀναρχαίως*),
что не должно вводить въ церкви Божіи другаго изложенія вѣры,
кромѣ существующаго, которое блаженнѣйшіе отцы наши опредѣ-

¹⁾ М а н з і, 609. А.

лили Духомъ Святѣмъ (ἐν ἀγίῳ πνεύματι λαλοῦντες) ¹⁾. Анализируя это мѣсто, Виссаріонъ, на основаніи его, между прочимъ полагалъ, что ефесскій соборъ запретилъ другое изложеніе вѣры, а не изложеніе другой вѣры (какъ полагали латиняне), и что это запрещеніе распространяется на все тѣло церкви ²⁾. Впервые запретивъ это, отцы ефесскаго собора и себѣ не дозволили такихъ перемѣнъ: „слово «Богородица», которое по обстоятельствамъ того времени было нужно прибавить въ символъ и которое (по мысли) вполне ясно содержится въ немъ, они не прибавили, ставя себя образцомъ для послѣдующихъ и самымъ дѣломъ подтверждая то, что они постановили какъ законъ. А нужда (во внесеніи въ символъ слова „Богородица“) была большая: возмутительныя (μωσαρα) ученія Несторія приводили тогда все въ смятеніе. И слово это совершенно ясно содержалось въ божественномъ символѣ; ибо говорить, что единосущный Отцу Сынъ, „спешши съ небесъ, воплотился отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы“—не иное что значить, какъ то, что святая Дѣва родила Бога. Слово «Богородица» такимъ образомъ есть объясненіе, и однако оно не было прибавлено. Вы скажете: потому и не прибавлено, что слишкомъ ясно содержится въ символѣ. Но было и другое нѣчто, что также содержалось въ символѣ, и не ясно содержалось, и однако не было прибавлено. Ипостасное единеніе Сына Божія съ принятою отъ насъ природою, о чемъ разсуждали тѣже самые отцы третьяго собора,—или еще то, что обѣ природы пребывали въ Иисусѣ Христѣ, послѣ соединенія, неслитно ³⁾, о чемъ предстояло разсуждать четвертому собору,—также, что Онъ сохраняетъ двѣ воли и два дѣйствія, о чемъ только и разсуждали блаженнѣйшіе отцы на шестомъ соборѣ, — все это повидимому не вполне ясно содержится въ сим-

¹⁾ Mansi, XXXI, col. 609. A.

²⁾ Mansi, 609. C. sqq.

³⁾ Виссаріонъ выражаетъ эту мысль нѣсколько своеобразно: καὶ τὸ δύο φύσεις τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν ἀσυγχύτους τετηρημένα μετὰ τὴν ἕνωσιν, Mansi, 612. A.

воль, и однако, хотя и было объяснено и раскрыто, но не было внесено въ это правило вѣры... Такимъ образомъ, какъ ни поставить вопросъ, оказывается, что не должно прибавлять ни то, что совершенно ясно содержится въ символѣ, ни то, что менѣе ясно и болѣе *implicite*. Это (правило) наблюдали все послѣдовавшіе за третьимъ святыя соборы: четвертый, пятый, шестой и седьмой¹⁾.

„Если послѣ третьяго собора иначе читался символъ какимъ либо изъ святыхъ соборовъ, если вообще къ нему прибавлено было слово, или слогъ, или что бы то ни было (*τὸ τοῦόν*),—если это докажете, то и мы послѣдуемъ за вами. Но вы не можете доказать этого... Ибо хотя часто представлялась необходимость (въ прибавкахъ) и хотя многія поясненія существовали, но ни одна изъ нихъ не была внесена въ божественный символъ: ибо отцы нашли средство, при помощи котораго они удовлетворяютъ предстоящей нуждѣ и вмѣстѣ соблюдаютъ почтеніе къ (запретившимъ прибавки) отцамъ: они въ собственномъ опредѣленіи излагаютъ собственныя мысли, священный же символъ блюдутъ неизмѣннымъ и неприкосновеннымъ. Благодаря этому—говорилъ Виссаріонъ, обращаясь повидимому къ Андрею — отсюда (т. е. изъ запрещенія прибавокъ) не слѣдуетъ никакого вреда для вѣрныхъ, какъ говорилъ ты²⁾: ибо и вѣру они раскрыли и принесли вѣрующимъ протекающую отсюда пользу, и символъ сохранили неизмѣненнымъ, такъ что и мы получили пользу изъ ихъ ученія, и они сами не подпадутъ подъ наказаніе, положенное отцами“³⁾.

Переходя къ рациональнымъ основаніямъ прибавки, выставленнымъ латинянами, Виссаріонъ говорилъ⁴⁾: „Вы сказали, что начала и основанія каждой науки (*ἐπιστήμης*) содержатъ въ возможности и то, что за ними (*μετ' αὐτά*),—и что, выходя изъ на-

¹⁾ Mansi, XXXI, col. 609—612.

²⁾ Mansi, col. 613. A.

³⁾ Mansi, 613. B: ὡς καρδάναι ἡμᾶς καὶ τὴν ἐκ τῆς διδασκαλίας ὠφέλειαν, καὶ μηδ' ἐκείνους ὑποπεσεῖν τοῖς τῶν πατέρων ἔροις.

⁴⁾ Mansi, col. 616.

чаль и основаній вѣры, вы покажете намъ, что это учение („и отъ Сына“ ¹⁾) истинно.... Этого и мы хотимъ отъ васъ). Если вы это намъ покажете (δείξετε), мы поблагодаримъ васъ; но къ основаніямъ вѣры, разумѣется, не прибавимъ (οὐ μὲν τοίγε ἰσως καὶ προσθήσομεν τοῦτο ταῖς ἀρχαῖς). Ибо по отношенію къ большей части основаній это невозможно, и всего больше въ частности (ἰδικῶς) по отношенію къ этому (т. е. нашему), вслѣдствіе запрещенія. Ибо въ большей части, а можетъ быть (τάχα, forsan) и во всемъ различаются начало и то, что послѣ начала (ἀρχὴ καὶ τὰ μετὰ τὴν ἀρχήν): ибо то есть общее, а это частное...., то посылка, это заключеніе. Какъ же можетъ сдѣлаться частное общимъ? Поэтому необходимо (допустить), что то, что послѣ началъ, содержится въ нихъ; но прибавлять это къ основаніямъ нѣтъ никакой необходимости. А если еще есть специальное запрещеніе, какъ въ настоящемъ случаѣ, то это и совсѣмъ невозможно; притомъ вѣдь и иное (также) истинное, не прибавлено къ основаніямъ. Всѣ божественные догматы мы почерпаемъ изъ источника божественныхъ Писаній, которыя суть начала и фундаментъ нашей вѣры; однако же къ нимъ ничего не прибавлено и не будетъ прибавлено ни нами, пока мы находимся въ здоровомъ умѣ (ἕως ἄν ᾧμεν ἡμῶν αὐτῶν), ни другими христіанами. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что такъ какъ божественный символъ имѣеть въ церкви значеніе основанія ²⁾—(и) къ нему ничего не слѣдуетъ прибавлять ³⁾.

¹⁾ M a n s i, XXXi, 616. В: οὐτω καὶ ἡμεῖς λέγομεν, т. е. говоримъ, что вамъ надлежитъ постараться доказать это.

²⁾ Ту же мысль Виссаріонъ развиваетъ и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ Harduin, IX, col. 117. D. По Виссаріону, всѣ такія выраженія, какъ «Единосущный», «Духа Святаго», «Господа животворящаго» — нужно прибавить къ основаніямъ нашей вѣры—св. Писанію, если стать на точку зрѣнія латинявъ, или ничего не нужно прибавлять и къ символу: «ибо онъ получилъ достоинство равное съ св. Писаніемъ, по рѣшенію самихъ отцовъ» (τὴν αὐτὴν γὰρ καὶ τοῦτο τιμὴν εἶληχε τῇ θεῖᾳ γραφῇ, οὕτω τῶν πατέρων αὐτῶν ἀξιωματῶν αὐτῶν).

³⁾ Къ этой темѣ Виссаріонъ нѣсколько спустя опять возвратился.

„Сказано вами“, продолжалъ Виссаріонъ ¹⁾, переходя къ слѣдующему доказательству латинянь, „что святая Божія церковь, пребывая одною и тою же, должна имѣть и одну и ту же власть и авторитетъ (ἀρχήν). На это отвѣтимъ, что ей необходимо имѣть ту же власть; тѣмъ не меньше однако надлежитъ блюсти и рѣшенія отцовъ и какъ бы божественнымъ почитать то, что ими опредѣлено... Ибо ²⁾ при такомъ образѣ дѣйствованія церковь вѣрнѣе сохранить и свой всегда равный авторитетъ и себя саму. Въ противномъ случаѣ она себя саму ниспровергнетъ, и отъ себя самой разрушится“.

„Вы ³⁾ сказали, что изреченія святыхъ побудили римскую церковь сдѣлать эту прибавку. Но разсудить, изреченія ли святыхъ побудили ее къ этому, или нѣтъ, умѣстно будетъ въ послѣдующихъ засѣданіяхъ,—объ этомъ будетъ рѣчь потомъ, если Богъ дастъ. Если же побудили ее къ этому нужда или сознаніе права дѣлать это, то—хоть бы это и такъ было—все таки не слѣдовало дѣлать прибавки. Ссылка на нужду вамъ нисколько не помогаетъ, если въ (соборныхъ) опредѣленіяхъ прямо не выражено, что въ случаѣ нужды должно это дѣлать (т. е. прибавлять). При удобномъ случаѣ мы можемъ быть (ἵσως) спросимъ васъ съ любовью относительно этой нужды, какъ и когда это было ⁴⁾. Относительно же власти западной церкви мы много могли бы сказать ⁵⁾, если бы у насъ не было другой ближайшей задачи. Мы знаемъ права и преимущества римской церкви; но не менѣе того знаемъ мы, до какихъ предѣловъ простираются эти преимущества. Мы желаемъ обратить ваше вниманіе на то, что мы не признаемъ этого

¹⁾ Mansi, col. 616.

²⁾ Ibid., col. 617. A.

³⁾ Harduin, IX, col. 121. В и слѣд.; Mansi, XXXI, 624. D. sqq.

⁴⁾ Виссаріонъ повидимому сказалъ это не безъ легкой ироніи. Ср. еще Hard. IX, 794 (въ acta latina).

⁵⁾ Послѣдующія слова ясно показываютъ, въ какомъ смыслѣ могъ бы говорить Виссаріонъ по этому предмету.

права (т. е. дѣлать прибавку) у всей церкви и собора, даже вселенскаго, не только что у одной римской церкви. И такъ какъ римская церковь, какими бы прерогативами она ни пользовалась (χάν ὅποσα ἰσχύη), все же меньше (ἤττον ὁμως ἰσχύει) вселенскаго собора и всей церкви, то—если мы отрицаемъ это право у вселенской церкви—тѣмъ больше не признаемъ его за римскою церковію. Не признаемъ же этого не сами отъ себя, но потому, что по нашему мнѣнію, это запрещено опредѣленіями отцовъ“.

Впечатлѣніе, произведенное на грековъ рѣчью Виссаріона, было весьма благопріятное ¹⁾. По всей вѣроятности и на латинянъ она произвела нѣкоторое дѣйствіе. Они должны были понять, что съ этимъ противникомъ, умно и энергично защищавшимъ ученіе и права своей церкви имъ придется серьезно считаться. Еще важнѣе то, что самъ Виссаріонъ долженъ былъ быть доволенъ впечатлѣніемъ своихъ рѣчей и въ ту по крайней мѣрѣ пору имѣлъ нѣкоторое, хотя и кажущееся, основаніе думать, что онъ подавилъ латинянъ силою своихъ доказательствъ. Оканчивая свою рѣчь, Виссаріонъ высказалъ слѣдующее: „мы утверждаемъ, что постановленія отцовъ воспрещаютъ прибавки вообще, и когда они говорятъ, что не должно ни прибавлять, ни отнимать, ни иного чего дѣлать (съ символомъ), то говорятъ о слогѣ и реченіи. Важнымъ подтвержденіемъ этого служатъ для насъ ихъ дѣйствія“ ²⁾. Сказавъ это, Виссаріонъ, согласно своему еще прежде официально сдѣланному заявленію ³⁾, обратился къ латинянамъ съ слѣдующимъ вопросомъ: „спрашиваемъ васъ, къ символу ли вѣры относятся эти опредѣленія и запрещенія, или къ чему либо иному“ ⁴⁾? На этотъ прямо

¹⁾ Συροποῦλος, VI, pag. 174; Migne, CLIX, col. 1037—слова униата—Мелитенскаго.

²⁾ Hard., IX, col. 121. D: ἡμεῖς λέγομεν, ὅτι οἱ ὄροι τῶν ἀγίων πατέρων πρὸς πᾶσαν καὶ ὅποιον κώλουσιν φέρουσιν καὶ ὅτε ἐκεῖνοι λέγουσιν ὅτι οὔτε θεῖ προσιθέναι οὔτε ἀφαιρεῖν, οὔτ' ἄλλο τι ποιεῖν, καὶ περὶ σωλαβῆς τὸν λόγον ἐκεῖνοι ποιοῦνται καὶ λέξωσιν. Ср. acta lat., ibid., col. 774.

³⁾ Mansi, XXXI, col. 621; ср. выше.

⁴⁾ Hard., IX, 121; Συροп., VI, 21, p. 174.

и категорически поставленный вопрос латиняне отвѣчали не вдругъ: они стали совѣщаться съ папою и между собою. Но и послѣ того не дали они яснаго и рѣшительнаго отвѣта на вопросъ Виссаріона ¹⁾. Говорившій первымъ старшій изъ кардиналовъ отвѣтилъ, по словамъ автора такъ наз. „*acta latina*“, слѣдующее: „мы говоримъ, что запрещеніе (прибавокъ) относится ко всему, что было изложено въ Никей и касается не болѣе символа, чѣмъ другихъ опредѣленій“ ²⁾. Еще болѣе уклончиво отвѣчалъ говорившій послѣ кардинала еп. родосскій Андрей: подъ видомъ отвѣта онъ держалъ рѣчь о догматической вѣрности *filioque*, о чемъ его никто не просилъ ³⁾. Виссаріонъ могъ объяснять и вѣроятно объяснял именно силою своихъ рѣчей и первоначальное молчаніе латинянъ и затѣмъ неудачный отвѣтъ Андрея. А если такъ, то этотъ фактъ способенъ былъ сдѣлать его еще болѣе высокоумѣреннымъ в по отношенію къ Марку ⁴⁾ и по отношенію къ другимъ грекамъ ⁵⁾, и дать ему поводъ думать, что онъ одинъ значитъ чуть-ли не столько, сколько всѣ остальные,—самообольщеніе, бывшее для него весьма опаснымъ.

Тѣмъ не меньше нѣкоторое время, официально по крайней мѣрѣ, Виссаріонъ былъ вполне единомысленъ съ Маркомъ и это

¹⁾ Сиропуль и авторъ *acta gr.* утверждаютъ даже, что и послѣ своего совѣщанія латиняне отвѣчали не вдругъ. Отчего бы ни произошло это, греки, и прежде всего разумѣется Виссаріонъ, объясняли это по своему. Замѣтимъ впрочемъ, что свидѣтельства Сиропула и автора *acta graeca* должны быть въ данномъ случаѣ признаны за одно свидѣтельство: близость ихъ текстовъ показываетъ повидимому, что или оба эти автора пользовались однимъ источникомъ, или одинъ изъ нихъ пользовался другимъ.

²⁾ *Наг d.* IX, 775. А. Очевидно, кардиналъ хотѣлъ сказать, что запрещаются вообще противныя христіанству ученія.

³⁾ *Сироп.*, р. 174; *Наг d.* col. 121 въ *acta gr.* и 775 sqq. въ *acta latina*. Авторъ послѣднихъ (*Andreas de Sancta Cruce*) сообщаетъ важныя подробности, которыхъ не находимъ ни у кого больше.

⁴⁾ Ср. характерный разговоръ Виссаріона у Мины (*Migne*, CLXI, 340—341) и случай, рассказанный Сиропуломъ (*VII*, 14, pag. 210).

⁵⁾ Ср. подобный примѣръ у Сиропула, VI, 20, pag. 173.

свое единомысліе выражалъ весьма рѣшительно и довольно часто ¹⁾.
Лишь къ концу феррарскихъ преній, если судить по acta latina, онъ повидимому пересталъ принимать участіе въ разсужденіяхъ съ латинянами ²⁾.

Пренія продолжались между тѣмъ, но понятно безъ всякаго результата. „Мы греки, пишетъ авторъ acta graeca ³⁾, начали досадовать (ἀγανακτήειν, скучать?), не только архіереи, но и всѣ клирики, и члены сиелита (οἱ συκλητικοί)..., говоря: чтѣ (путнаго) мы дѣлаемъ, говоря и слушая безплодныя рѣчи? Ни они не убѣдятъ насъ, ни мы ихъ. Надлежитъ намъ поэтому возвратиться въ нашъ городъ“ ⁴⁾. Но императоръ разумѣется не хотѣлъ и слышать этого. Приходилось такимъ образомъ продолжать дѣло съ латинянами; но о чемъ? Латиняне уже не одинъ разъ высказывали настойчивое требованіе—оставить пренія о прибавкѣ и заняться самимъ догматомъ. Мы—говорили они ⁵⁾— не хотимъ толковать о томъ, какъ прибавлено къ символу выраженіе „и отъ Сына“. Разъ оно прибавлено, его уже нельзя удалить, если не будетъ доказано вами, что оно содержитъ богохульство. Итакъ пусть оно подвергнется изслѣдованію, и если окажется богохульнымъ, пусть будетъ отвергнуто.

Въ своей рѣчи къ грекамъ по поводу предложенія латинянь перейти къ самому догмату императоръ вполне ясно высказался за то, чтобы удовлетворить желанію латинянь. Въ Исидорѣ и особенно Виссаріонѣ императоръ нашолъ энергическую поддержку: въ

¹⁾ Кромѣ указанныхъ уже выше мѣстъ изъ acta lat. (Hard. col. 775—778) см. Андреемъ de S. Cruce, и только имъ однимъ сообщенныя заявленія Виссаріона у Гардуина, col. 787, 790, 796, 799 (ср. въ acta gr., ibid. col. 144), 804, 838. Нѣкоторыя изъ этихъ заявленій чрезвычайно характерны (напр. на col. 787 и 799).

²⁾ Ср. любопытное свидѣтельство Виссаріона въ Ep. ad. Phil. (Migne, CLXI, 341).

³⁾ Mansi, XXXI, col. 692. B.C.; Hard. IX, 169. D.

⁴⁾ Harduin, IX, col. 169. D.

⁵⁾ Ibid. E.

большихъ повидимому рѣчахъ ¹⁾ они усердно поддерживали императора. Чѣмъ вызвана была эта ревность Виссаріона, скажемъ нѣсколько ниже; теперь же замѣтимъ только, что онъ долженъ былъ поддерживать царя совершенно искренно, по убѣжденію. Онъ всегда высказывался за разсмотрѣніе вопроса о Св. Духѣ по существу. Теперь обстоятельства опять выдвинули этотъ вопросъ, и Виссаріонъ радъ былъ случаю вторично вотировать въ пользу разсмотрѣнія самаго догмата. Поэтому фактъ поддержки, оказанной Виссаріономъ императору, не набрасываетъ на него темной тѣни ²⁾, хотя бы мы и признали, что большинство грековъ было безусловно право, требуя отмѣны прибавленія къ символу и только подъ этимъ условіемъ соглашаясь на разсужденія о самомъ догматѣ ³⁾.

Мнѣніе царя было принято. Выигравши одно, царь приступилъ къ улаженію другаго дѣла, именно относительно перенесенія собора во Флоренцію. До тѣхъ поръ, пока онъ не заручился согласіемъ грековъ на обсужденіе самаго догмата, царь изъ осторожности не настаивалъ сразу на другомъ своемъ, также уже принятомъ имъ, рѣшеніи—перенести соборъ во Флоренцію; онъ даже отри-

¹⁾ Συροπουλος, VII, 10, pag. 201: εἶτα διεδέξαντο τὸν λόγον ὁ Ῥωσίας καὶ ὁ Νικαίας, καὶ ἐπλάτυνοντο ἐπὶ τούτου καὶ μάλιστα ὁ Νικαίας συνηγοροῦντες τῷ βασιλεῖ.

²⁾ Нельзя, къ сожалѣнію, того же сказать о другихъ членахъ собора. До того времени греки высказывались вообще противъ перехода къ догмату; устраивались даже соглашенія—официально выступить съ этимъ рѣшеніемъ (Συροπουλος, pag. 188 — 196 и др.). Что же видимъ теперь? Когда императоръ, предварительно высказавши свой взглядъ на вопросъ, подвергнувъ его голосованію, лишь у очень немногихъ нашлось достаточно смѣлости, чтобы выступить противъ воли императора, и—что особенно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ—между прочимъ у того лица, отъ котораго можно было всего меньше ожидать этого,—у слабохарактернаго, подавленнаго болѣзнію патріарха (Συροπουλος, VI, 10, pag. 202). Въ этомъ же смыслѣ высказались еще только трое: Сиропуль, протекдикъ Георгій и хартофилаксъ Михайль Вальсамовъ (Συροπουλος, VII, 10). Справедливость впрочемъ требуетъ сказать, что и между уступившими императору многие были внутренне недовольны (Συροπουλος, VII, 10, pag. 204).

³⁾ Συροπουλος, VII, 3. 6; VII, 8, pag. 204; ср. Harduin, IX, col. 169.

цаль, что онъ что нибудь когда либо слышалъ объ этомъ ¹⁾. Чтобы не возбуждать въ грекахъ чрезвычайныхъ опасеній, если онъ потребуетъ отъ нихъ согласія на эту мѣру, еще не проведши другаго своего, притомъ болѣе важнаго и столь же непріятнаго для нихъ рѣшенія (касательно разсужденій о самомъ догматѣ), — а можетъ быть также и затѣмъ, чтобы — вполне устроивши дѣло перенесенія собора безъ вѣдома или по крайней мѣрѣ безъ участія грековъ — просто познакомить ихъ потомъ съ совершившимся фактомъ и потребовать ихъ согласія, — по тѣмъ или другимъ причинамъ царь до времени скрывалъ состоявшееся соглашеніе съ папой. Слухи о замыслахъ царя и латинянъ тѣмъ не меньше продолжали ходить, возбуждая тревогу въ грекахъ. Послѣдніе инстинктивно догадывались, что задумавъ перенести соборъ во Флоренцію латиняне преслѣдуютъ какія-то темныя, не общающія добра для грековъ цѣли. Протестуя противъ перенесенія, Григорій духовникъ говорилъ ²⁾: „если папа перейдетъ (во Флоренцію) и повлечетъ и насъ за собою дальше отсюда, не будетъ добра для нашей церкви; а латиняне добьются всего, къ чему стремятся“. И очень вѣроятно, что надежда — вынудить у грековъ побольше уступокъ, завлекши ихъ подальше въ Италію — дѣйствительно руководила латинянами. Уже въ Феррарѣ папа видѣлъ, что греки, не имѣя собственныхъ средствъ для жизни, находятся почти въ его рукахъ. Но изъ Феррары несочувствующіе уніи греки могли все же сравнительно легче (черезъ знакомую и дружественную имъ Венецію) отправиться во свояси; во Флоренціи этотъ путь былъ бы для нихъ затрудненъ ³⁾. Съ самаго начала собора черезъ всю его исторію мы можемъ слѣдить то просьбы грековъ объ отпускѣ домой, то прямыя попытки къ бѣгству и даже случаи бѣгства ⁴⁾. Что же могло быть есте-

¹⁾ Συροποῦλος, VII, 10, pag. 202—203; conf. VII, 3, pag. 188; VII, 11, pag. 205. Mansi, 693—696. A.

²⁾ Συροποῦλος, VI, 23, pag. 180.

³⁾ Ср. Συροποῦλος, VII, 1, pag. 184.

⁴⁾ Συροποῦλος, VI, 1, pag. 141—142, особ. 151—153 и мн. др. Императоръ былъ вынужденъ принимать даже весьма обидныя въ сущности для гре-

ственнѣ со стороны латинянъ, какъ не то, чтобы положить рѣшительный конецъ всѣмъ такимъ попыткамъ ¹⁾? Но самое сильное безъ сомнѣнія побужденіе для папы перенести соборъ заключалось въ недостаткѣ денегъ въ Феррарѣ ²⁾ и въ возможности получить ихъ въ избыткѣ отъ флорентинцевъ, въ случаѣ перенесенія собора въ ихъ городъ ³⁾. Это же послѣднее соображеніе безъ сомнѣнія попреимуществу руководило и императоромъ въ его хлопотахъ объ устройствѣ этого дѣла. Принималъ ли онъ въ расчетъ другія указанныя выше соображенія въ пользу перенесенія собора, мы не знаемъ, да это и не представляетъ для насъ, при нашей задачѣ, особенной важности. Для насъ важно напротивъ и интересно было бы узнать, былъ ли посвященъ Виссаріонъ въ эти планы и помогалъ ли онъ въ этомъ отношеніи латинянамъ своимъ совѣтомъ или прямымъ содѣйствіемъ? Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ, какъ и многіе другіе, приходится—за недостаткомъ положительныхъ историческихъ свидѣтельствъ — оставить почти открытымъ. Въ виду

ковъ мѣры противъ попытокъ къ бѣгству въ Феррарѣ (*ibid.*, p. 141), также какъ потомъ во Флоренціи (p. 212 и 221), гдѣ имъ не позволялось даже выѣзжать за городъ на конѣ, хотя бы для простой прогулки.

¹⁾ Фроманъ (*Krit. Beiträge*, S. 25) отрицаетъ, что случаи бѣгства грековъ были однимъ изъ побужденій къ перенесенію собора, но отрицаетъ голословно, ничѣмъ не подтвердивъ своей мысли. Могутъ сказать: развѣ не могли греки убѣгать и изъ Флоренціи? Безъ сомнѣнія могли, но далеко не съ такой легкостью и удобствомъ, какъ это возможно было въ Феррарѣ и близкой къ ней Венеціи. Флоренція была для грековъ совершенно незнакомымъ городомъ, гдѣ они не имѣли никакихъ связей; съ Венеціей напротивъ они имѣли достаточно времени хорошо познакомиться; есть основанія думать, что они завязали тамъ нѣкоторыя болѣе или менѣе дружественныя связи; притомъ Венеція находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ востокомъ, чего нельзя сказать о Флоренціи. Не забудемъ и того, что по окончаніи собора греки направились изъ Флоренціи домой не прямо моремъ, а опять чрезъ Венецію, и даже, отправляясь изъ Феррары во Флоренцію, думали возвращаться на родину именно чрезъ Венецію (*Hard. IX*, 176. A.). Замѣчательно, что и католическій писатель Hefele (*VII*, 695) признаетъ вышеуказанный мотивъ для перенесенія собора.

²⁾ *Harduin*, col. 174; *Σοροπολλος*, VII, 12 p. 207; *Frothmann*, 13 и 25.

³⁾ Ср. *Hefele*, VII, 694.

однако доселѣшняго его поведенія нельзя не предположить, что онъ могъ согласиться на перенесеніе собора въ виду финансовыхъ затрудненій папы и по этой причинѣ съ своей стороны помогать улаженію этого дѣла: онъ искренно служилъ идеѣ соединенія и долженъ былъ способствовать устраненію всего, что мѣшало ея осуществленію. Нельзя отрицать и того, что онъ могъ желать этого перенесенія собора также и ради преобразенія попытокъ грековъ къ бѣгству: вѣдь принималъ же онъ прежде довольно энергическія мѣры противъ подобныхъ попытокъ ¹⁾). Разница между нимъ и латинянами въ этомъ случаѣ заключалась лишь въ томъ, что онъ желалъ удержать грековъ въ Италіи, вѣруя въ возможность соединенія съ ними на честныхъ условіяхъ, тогда какъ латиняне уже заранѣе опредѣлили эти условія, хотя и скрывали ихъ ²⁾).

Протестовавшіе противъ перенесенія собора греки въ концѣ концовъ должны были уступить уже вслѣдствіе одного того, что имъ нечѣмъ было жить, такъ какъ имъ не платили выговореннаго содержанія цѣлые пять мѣсяцевъ ³⁾),—не на что было возвратиться и на родину, если бы даже они и рѣшились на это вопреки волѣ императора. Между тѣмъ стояло имъ согласиться на перенесеніе собора, и всѣ ихъ денежныя затрудненія, настоящія и будущія, должны были прекратиться: такъ по крайней мѣрѣ увѣрялъ императоръ съ латинянами. Послѣдніе не поскупились и на другія обѣщанія ⁴⁾). И греки согласились. 10-го января 1439 года въ послѣднемъ засѣданіи собора было официально объявлено о перенесеніи собора во Флоренцію „вслѣдствіе язвы“ ⁵⁾).

¹⁾ Συροπουλος, VI, 7, pag. 151.

²⁾ Mansi, XXXI, col. 696. В: ἔλθετε σὺν Φλωρεντίαν, καὶ εἰς διορίαν τριῶν μηνῶν ἢ τεσσάρων, ἵνα ἔχητε ἐξουσίαν ἐπιστροφῆς, καὶν τε ἐνωθώμεν, καὶν τε μὴ.

³⁾ Συροπουλος, pag. 205. 207.

⁴⁾ Mansi, col. 696.

⁵⁾ Это было лишь официальною причиною. Mansi, XXXI, 700; Συροπουλος, VII, 14 pag. 211. Замѣчательно, что такъ повидимому смотрѣли на дѣло и ближайшіе къ этому времени греки-унионисты. Иосифъ Меонскій на примѣръ указываетъ только на безденежье папы какъ на причину перенесенія

Во Флоренціи, какъ ниже увидимъ, начался новый періодъ въ исторіи собора и новый періодъ въ жизни самаго Виссаріона. Поэтому, прежде чѣмъ послѣдовать за нимъ во Флоренцію, нелишне сдѣлать общій выводъ изъ сказаннаго о доселѣ подмѣченномъ нами настроеніи и образѣ мыслей Виссаріона, чтобы знать отчетливо, съ чѣмъ, съ какими намѣреніями и цѣлями покинулъ онъ Феррару, насколько по крайней мѣрѣ мы можемъ судить объ этомъ по сохранившимся источникамъ.

По вопросу о *filioque*, какъ прибавкѣ. Виссаріонъ во время пребыванія въ Феррарѣ официально оставался вѣренъ греческому взгляду, хотя внутренно и не былъ свободенъ отъ нѣкоторыхъ колебаній. Эти колебанія условливались какъ собственными изслѣдованіями дѣла и разъясненіями латинянь ¹⁾, такъ и тѣмъ, болѣе чѣмъ второстепеннымъ, значеніемъ, которое онъ давалъ вопросу о *filioque*, какъ прибавкѣ. Такъ какъ Виссаріонъ никогда не придавалъ особенной важности этому вопросу и всегда ставилъ его значеніе въ зависимость отъ такого или иного рѣшенія вопроса о самомъ догматѣ, то, понятно, съ измѣненіемъ взгляда на этотъ послѣдній вопросъ долженъ былъ до извѣстной степени измѣняться и его взглядъ на первый вопросъ. Къ вопросу же о догматѣ Виссаріонъ также повидимому относился теперь нѣсколько иначе, чѣмъ прежде; онъ во всякомъ случаѣ внутренно колебался ²⁾, и можетъ

собора. *Migne*, CLIX, col. 1045. С.; ср. *Hefele*, VII, 695. Но осенью 1438 года чума дѣйствительно повидимому свирѣпствовала, такъ что, по словамъ Сиропула (VI, 3, 145), навела лантескій страхъ на латинянь и заставила бѣжать изъ Феррары большинство ихъ кардиналовъ и епископовъ. Сиропулъ утверждаетъ, что изъ 11 кардиналовъ и 150 епископовъ, присутствовавшихъ при открытіи собора, остались только 5 кардиналовъ и 50 епископовъ. Началась она еще въ іюль мѣсяцѣ. См. Мегусово изданіе *A. Traversari. Epist. lib. VII*, ep. 11, по цитатѣ Гете (стр. 192).

¹⁾ *Migne*, CLXI, col. 341. С. D. Не забудемъ при этомъ, что латиняне предполагали цѣлой массой рукописей въ сравненіи съ тѣми сравнительно немногими кодексами, которые привезли съ собою греки. *Europ.* IX, 2, 252; ср. *Göthe*, 190.

²⁾ Такое колебаніе, вызывавшееся самымъ существомъ дѣла, а ничуть не

быть даже нѣсколько склонялся на сторону латинянь, а съ тѣмъ вмѣстѣ склонялся и въ уни на условіяхъ нѣсколько иныхъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ мечталъ прежде. При этомъ дѣйствовали не только такія внутреннія причины, какъ изученіе святоотеческой и тогдашней ученой литературы по этому вопросу ¹⁾, но и причины и побужденія внѣшнія, именно: стѣсненное положеніе отечества вообще ²⁾ и новые опасные для него замыслы турокъ ³⁾, съ другой— больше и больше выступавшее наружу охлажденіе грековъ къ уни. Очень естественно, что чѣмъ холоднѣе становились другіе, тѣмъ

сторонними какими нибудь соображеніями, наблюдаемъ и въ патріархѣ Іосифѣ. (Συροπουλος, VII, 8, pag. 197—198).

¹⁾ Συροπουλος, VII, 8, pag. 197: δεῖ συνελθεῖν, говорилъ Плеонъ, τοὺς ἡμετέρους ἰδίως, καὶ σκέψασθαι καὶ γυμνάσαι τὰ παρὰ τῶν Λατίνων λεχθησόμενα. Οἴδασι γὰρ τινὲς τῶν ἡμετέρων, ὅσα ἔχουσιν εἰπεῖν ἑκεῖνοι, καὶ δύνανται εἰπεῖν καὶ δεφευθεῖν ταῦτα, καὶ κρεῖττον ἑκείνων. Подъ τινὲς здѣсь или исключительно или прежде и болѣе всего разумѣются Виссаріонъ съ Маркомъ. Не забудемъ при этомъ и вліянія на Виссаріона сношеній съ такими людьми, какъ Амвросій и Юлианъ. Эти сношенія могли дѣйствовать на Виссаріона незамѣтно для него самого, но тѣмъ не меньше весьма сильно. Притомъ, съ Амвросіемъ былъ по видимому въ хорошихъ личныхъ отношеніяхъ и другой близкій къ Виссаріону грекъ—Исидоръ. См. Мегусово изд: Ambr. Samald. Epist. lib. VII, ep. 13 по цитатѣ у Goethe, 172. Припомнимъ и то, что Исидоръ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ провелъ цѣлый годъ въ Базелѣ въ качествѣ одного изъ пословъ греческаго императора. См. Goethe, 73.

²⁾ Не можемъ не привести здѣсь слѣдующаго характернаго свидѣтельства Плеона (Migne, CLX, col. 979. В. С.): ἐγὼ οὐ τοῦτο δέδια μήποτε κρείττους τῶν ἡμετέρων ἐν τοῖς περὶ τοῦ ἀμφισβητουμένου τούτου λόγους Λατίνοι φανῶσιν οὐ γὰρ οὐδὲ μέχρι νῦν ἐφάνησαν, καίπερ πολλὰ κάμνοντες ἐν τοῖς ὑπὲρ τούτου σοφισμασιν. Ἐπεὶ καὶ ἐν Ἰταλίᾳ, ὅτε οἱ ἡμέτεροι ἐκεῖνοις συνέθεντο οὐ τῷ λόγους ἡττησθαι καὶ συνέθεντο, ἀλλ' ἴσμεν ὅν τρόπον συνέθεντο· διὰ τοῦτο οὐδ' ἀλόγως οἱ πολλοὶ τῶν τότε συνθεμένων οὐδ' οἷς συνέθεντο ἐνέμειναν. Ἀλλ' ἐκεῖνους δέδια τῶν ἡμετέρων, οἷς δοκεῖ, κἄν εἰ εὐσεβέστερά ἐστί· τὰ γε πάτρια ἡμῶν, ἀλλ' ὅμως τὰ Λατίνων πρὸ αὐτῶν αἰρετέα, διὰ τὸ ταῦτα καὶ τοῖς πράγμασι λυσιτελήσειν τι δοκεῖν. Ἴσως δ' ἄν τις καὶ οὕτως ἔχοι, ὥστε καὶ ἀμφοτέρων μὲν ὁμοίως καταφρονεῖν ὁ δ' ἀμελήσας τοῦ τί τὸ κράτιστον ἐν τοῖς τοιοῦτοις ζητεῖν πρὸς τὸ τοῖς πράγμασι μόνον συνοῖσειν τι δοκοῦν οἶεται δεῖν τὴν αἴρεσιν ποιεῖσθαι. Молчаніе Плеона о томъ, что иной изъ грековъ могъ при этомъ руководиться убѣжденіемъ въ правильности латинскаго ученія, достаточно объясняется тѣмъ, что Плеонъ писалъ для грековъ.

³⁾ Συροπουλος, V, 10, pag. 125; ср. VIII, 3, 219.

ревностнѣе взялся за это дѣло Виссаріонъ: самое охлажденіе грековъ должно было служить для него побужденіемъ—своей личной энергіей поправить дѣло. Очень естественно, что при этомъ увлеченіи онъ могъ забыть даже ту сдержанность и осторожность, къ какой самъ въ другую пору былъ способенъ, и еще рѣшительнѣе отдаться тѣмъ чисто политическимъ планамъ и надеждамъ, которыми занятъ былъ императоръ и въ которыя онъ по всей вѣроятности посвятилъ и Виссаріона. А императоръ, какъ есть основаніе думать, уѣхалъ изъ Феррары съ положительными надеждами на соединеніе ¹⁾), хотя—какъ увидимъ—и предполагалъ достигнуть его инымъ способомъ, чѣмъ какъ это случилось потомъ на самомъ дѣлѣ. Передъ отъѣздомъ во Флоренцію, приглашая греческихъ епископовъ собираться въ путь, патріархъ посовѣтовалъ имъ „взять съ собой въ дорогу немногія, (лишь) необходимыя вещи, потому что тамъ—сказалъ онъ—произойдетъ соединеніе“ ²⁾), разумѣя подъ этими необходимыми вещами, какъ и самъ онъ сказалъ, епископскія облаченія ³⁾). Если мы сравнимъ поведеніе патріарха до этого времени, какъ оно выяснено у Сиропула, съ теперешнимъ его образомъ дѣйствій, то убѣдимся, что эта мысль объ уніи во Флоренціи была мыслию собственно императора, но никакъ не самого патріарха. На какихъ же основаніяхъ предполагалъ царь или его совѣтники заключить унію во Флоренціи?

Мы не имѣемъ никакого основанія полагать, что императоръ думалъ въ эту пору объ уніи на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ она дѣйствительно состоялась потомъ; даже позднѣе, уже въ самой Флоренціи, онъ не хотѣлъ ничего знать о такой уніи и рѣшительно думалъ объ отъѣздѣ изъ Италіи ⁴⁾). Можно думать, что

¹⁾ Это предугадывали всѣ греки, въ томъ числѣ и Маркъ, потому что только допустивъ это можно объяснить себѣ слова Марка предъ отъѣздомъ во Флоренцію (Συροπουλος, VII, 14, p. 210).

²⁾ «φέρειν δ' ἐν τῇ ὁδῷ ὀλίγα τινὰ ἀναγκαῖα. Ἐπεὶ ἔφη γενήσεται καὶ ἡ ἐνωσις ἐκεῖσε—Συροπουλος, VII, 13, pag. 208.

³⁾ Συροπουλος, VII, 14, pag. 209.

⁴⁾ Συροπουλος, VIII, 8, pag. 229.

это предполагаемое теперь царемъ основаніе для уніи было именно то, которое онъ впоследствии съ такой настойчивостью рекомендовалъ, именно неопредѣленные, допускающія толкованіе какъ въ православномъ, такъ и въ латинскомъ смыслѣ формулы. Правда, официально и ясно онъ пока еще не высказывалъ, что именно на такого рода соглашеніе рассчитываетъ; но онъ давалъ это понятъ ¹⁾. Въ свои планы посвятилъ онъ вѣроятно и патріарха, и такого рода соединеніе вѣроятно разумѣлъ патріархъ, проговорившись предъ отъѣздомъ изъ Феррары объ уніи во Флоренціи. По всей вѣроятности съ этими предположеніями царя былъ знакомъ и Виссаріонъ. Какъ ни мало соответствовали эти предположенія его собственнымъ доселѣшнимъ надеждамъ и стремленіямъ, тѣмъ не меньше, въ виду критическаго состоянія греческой имперіи, онъ могъ и самъ применить къ нимъ. Впрочемъ онъ повидимому еще не отказался совершенно отъ мысли достигнуть цѣли, поставленной греками, и путемъ преній съ латинянами. Не задолго до отъѣзда изъ Феррары, когда греки въ одномъ изъ предварительныхъ собраній порѣшили не оставлять вопроса о прибавкѣ и не начинать преній о самомъ догматѣ, Виссаріонъ, по словамъ Сиропула, одинъ не согласился съ этимъ рѣшеніемъ, но сказалъ, что нужно начать пренія о догматѣ. Мы имѣемъ—замѣтилъ онъ—сказать много важнаго (*καλὰ*) относительно догмата, и намъ не должно бояться латинянь ²⁾: если по поводу прибавки Кавасила написалъ (только)

¹⁾ Кроме другихъ случаевъ, достаточно указать на важнѣйшій у Συροπούλου, VIII, 1 pag. 216: ἐπεὶ οὖν πρῶτος ὁ βασιλεὺς τοῦτο προέτεινε, δῆλον ὅτι εἶρε καὶ τὸν τρέπον τὸν ἐνωτικόν—и вслѣдъ затѣмъ: καὶ ἀξιοὶ ὁ πάπας, ἵνα ἐμφανίσῃ τοῦτο ἡμῖν. Правда, императоръ на это желаніе папы отвѣтилъ, что никакого (особаго) способа соглашенія греки не нашли. Но это можетъ значить только то, что официально царь не хотѣлъ пока говорить о своихъ предположеніяхъ, не переговоривши объ этомъ со всѣми греками, чего доселѣ онъ не сдѣлалъ. Но что онъ дѣйствительно имѣлъ и не разъ высказывалъ частнымъ образомъ свое предположеніе, это слѣдуетъ уже изъ той настойчивости, съ которой латиняне—и притомъ нѣсколько разъ—возвращались къ этому вопросу (Ср. acta graeca—Narduin, IX, 181. С; Συροπούλου, VIII, 1, р. 216).

²⁾ Последнія слова довольно характерны. Ср. Συροπούλου, 195.

четыре листа, а то, что мы говорили объ этомъ предметѣ, составило цѣлую книгу, то—если Кавасила о догматѣ пишетъ цѣлую книгу—развѣ не сможемъ и мы сказать объ этомъ много дѣльнаго ¹⁾. Думать, что Виссаріонъ говорилъ такъ только затѣмъ, чтобы сильнѣе побудить грековъ рѣшиться на переходъ къ преніямъ о самомъ догматѣ, мы не имѣемъ основаній. На основаніи по крайней мѣрѣ доселѣ извѣстныхъ источниковъ мы можемъ допустить только то, что Виссаріонъ колебался относительно исключительной вѣрности греческаго ученія объ исхожденіи; но само собою понятно, что это колебаніе не мѣшало ему рѣшиться вновь открыто выступить на защиту ученія своей церкви, хотя бы ради того, чтобы лучше выяснить дѣло и вмѣстѣ поддержать честь своей церкви, которой онъ по крайней мѣрѣ недавно еще очень дорожилъ ²⁾. Кромѣ того и съ психологической точки зрѣнія представляется нисколько не удивительнымъ, если Виссаріонъ въ Феррарѣ не былъ еще открытымъ и рѣшительнымъ защитникомъ латинскаго ученія, а во Флоренціи сдѣлался такимъ: тотъ небольшой повидимому промежутокъ времени между приготовленіями къ отъѣзду изъ Феррары, когда Виссаріонъ высказалъ вышеприведенныя слова, и открытымъ выступленіемъ его на защиту латинскаго ученія во Флоренціи, на самомъ дѣлѣ не такъ малъ, чтобы въ это время не могъ произойти рѣшительный переломъ въ его взглядахъ и образѣ дѣйствій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Συροπουλος, VII, 6, pag. 193.

²⁾ Migne, CLXI, 340—341, гдѣ разсказывается споръ Виссаріона съ Маркомъ о значеніи одного апостольскаго изреченія (Галат.; I, 9) и одного изреченія св. Діонисія.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Садов

Виссарион Никейский на
Ферраро-Флорентийском соборе

Опубликовано:
Христианское чтение. 1882. № 5-6. С. 625-666.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Виссаріонъ Никейскій на фerrarо-Флорентійскомъ соборѣ ¹⁾).

(Окончаніе).

V.

Дѣятельность Виссаріона на соборѣ во Флоренціи на первыхъ порахъ была незначительна. Пренія съ латинянами велъ исключительно Маркъ; Виссаріонъ ограничивался повидимому крайне рѣдкими и весьма краткими замѣчаніями ²⁾, насколько объ этомъ

¹⁾ См. Христ. Чтен. № 3—4, стр. 309—337.

²⁾ Эти замѣчанія можно читать въ изданіи Гардуина, IX, col. 201, 224 (здѣсь два замѣчанія), 225 и 268. Они приписываются Виссаріону и въ новѣйшемъ изданіи актовъ флор. собора, сдѣланномъ, какъ утверждаетъ извѣстный Димитракопулъ (W. von Göthe Studien, S. 3, vgl. 5), кардиналомъ Питрою и вышедшемъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Ἡ ἀγία καὶ ὁμοῦμενική ἐν Φλωρεντίας σύνοδος. Διὰ μισαχού Βενεδίκτινου. Ἐν Ρωμῇ. 1864.* Ср. въ этомъ изданіи стр. 175. 195 (съ вариантомъ или вѣрвѣе опечаткой о *οφίσταται*), 196 и 233. Къ сожалѣнію, и этотъ издатель не говоритъ, какими рукописями онъ пользовался. Въ изданіи Манси имена лицъ, участвовавшихъ въ преніяхъ на фerrarо-флорентійскомъ соборѣ, по меньшей мѣрѣ въ половинѣ случаевъ не отмѣчаются, и это повидимому вслѣдствіе простой небрежности издателя. Такимъ образомъ его свидѣтельство не имѣетъ важности. (Разсматриваемыя мѣста находятся въ XXXI томѣ его изданія, на col. 733, 766, 768 и 824). Въ виду сказаннаго принадлежность Виссаріону этихъ замѣчаній представляется вѣроятною; но въ виду почти полного отсутствія критическаго аппарата въ названныхъ изданіяхъ все же нельзя съ полной увѣренностью сказать, что только эти замѣчанія и были сдѣланы Виссаріономъ и что онъ такимъ образомъ крайне слабо участвовалъ въ преніяхъ. Что же касается точности передачи указанныхъ замѣчаній, то въ этой точности нѣтъ особенныхъ основаній сомнѣваться: записывавшіе рѣчи грековъ нотаріи могли записать ихъ хорошо, пока переводчикъ переводилъ ихъ на латинскій языкъ для западныхъ членовъ собора; къ тому же писцы сѣбрали свои записи. А авторъ *Acta graeca* несомнѣнно пользовался этими записями.

можно судить по существующимъ изданіямъ такъ называемыхъ *Acta graeca* ¹⁾). Вслѣдствіе этого мы поставлены въ совершенную почти невозможность сказать что либо вполне опредѣленное относительно настроенія Виссаріона въ теченіе марта мѣсяца 1439 года ²⁾; а въ исторіи внутренней жизни Виссаріона этотъ небольшой промежутокъ времени долженъ былъ имѣть, судя по обстоятельствамъ, довольно важное значеніе. Указанныя замѣчанія его такъ кратки и по большей части такъ мало содержательны, что по нимъ рѣшительно нельзя догадаться, переживалъ ли Виссаріонъ за это время какую нибудь внутреннюю борьбу, или нѣтъ. Не имѣя положительныхъ и вполне рѣшительныхъ данныхъ въ пользу предположенія, что Виссаріонъ въ эту пору былъ уже въ душѣ почти совершеннымъ латиняниномъ, мы должны однако признать это предположеніе весьма правдоподобнымъ. Упомянутыя краткія замѣчанія, которыя съ своей стороны вставлялъ изрѣдка Виссаріонъ во время преній Марка съ латинянами, именно своею краткостью и малочисленностью свидѣтельствуютъ о томъ, что Виссаріонъ, дѣлая ихъ, соблюдалъ лишь формальность; внутренно же былъ на сторонѣ латинянъ съ самаго начала или почти съ начала пребыванія во Флоренціи. Виссаріонъ былъ во Флоренціи уже не тотъ, какимъ онъ еще не задолго хотѣлъ быть здѣсь ³⁾. Но свой дѣйствительный образъ мыслей онъ обнаружилъ не сразу. Это обнаруженіе произошло впрочемъ довольно скоро.

По истеченіи одного мѣсяца, проведеннаго греками въ преніяхъ съ латинянами объ исхожденіи Св. Духа, стало уже для всѣхъ

¹⁾ Авторъ такъ называемыхъ *Acta latina* совсѣмъ не упоминаетъ объ этихъ замѣчаніяхъ Виссаріона, такъ же какъ и Сиропулъ.

²⁾ Первое засѣданіе во Флоренціи было 26-го февраля 1439 года (*Harduin*, IX, col. 180); послѣднее, посвященное преніямъ, общее засѣданіе здѣсь было 24-го марта (*ibid.*, col. 309), послѣ чего Виссаріонъ сталъ высказываться болѣе опредѣленно (*ibid.*, col. 312. D. и слѣд.).

³⁾ Сравни *Σοροπούλος*, V, 13, p. 130, VII, 6, 193. Припомнимъ, что къ прежнимъ знакомымъ Виссаріона присоединились здѣсь, вѣроятно, такія лица, какъ знаменитый гуманистъ Леовардо Аретино. Ср. *Harduin*, IX, 253. A.

яснымъ, что эти, какъ и доселѣшнія пренія по разнымъ другимъ вопросамъ, не ведутъ ни къ чему. Ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить, и каждая изъ нихъ ясно видѣла невозможность убѣдить другую въ правильности своего ученія. Словесную борьбу приходилось оставить ¹⁾ и обратиться къ другимъ способамъ со-

¹⁾ Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы отмѣтить одну изъ довольно многихъ неточностей, встрѣчающихся въ существующихъ изслѣдованіяхъ по исторіи флорентійскаго собора. Авторъ русской «Исторіи флорентійскаго собора» (стр. 132), Гефеле (VII, 703) и Вастъ (р. 85 — 86), основываясь на свидѣтельствѣ автора *Acta graeca* (H a r d u i n, IX, col. 308, M a n s i, XXXI, 877), говорятъ, что императоръ воспретилъ Марку, такъ же и Антонію ираклійскому, являться на тѣ торжественныя засѣданія собора, которыя, какъ показало время, были послѣдними въ ряду засѣданій, посвященныхъ преніямъ, — запретилъ потому-де, что онъ не хотѣлъ преній. Но названные изслѣдователи, за исключеніемъ отчасти Васта (pag. 85 not.), не справились съ другими свидѣтельствами, изъ которыхъ слѣдуетъ нѣчто совсѣмъ иное. Самъ Маркъ, говоря о своемъ отсутствіи на указанныхъ засѣданіяхъ, совсѣмъ не говоритъ объ императорскомъ запрещеніи (M i g n e, Patr. gr., tom. CLIX, col. 1061. C.); а скрывать его онъ не имѣлъ никакого побужденія. Причиной своего отсутствія онъ выставляетъ болѣзнь (τὴν ἀσθένειαν; ср. и предыдущія слова: ἐπὶ τοῦτοις κατέλυσα τὰς πρὸς αὐτοὺς ὁμιλίας, ἢ μᾶλλον συνέλευσεσθαι μετ' αὐτῶν, ἢ γοῦν αὐτὸς σιωπήσειν βεβαίως ὀφείμηνος, а также col. 1069. A). О воспрещеніи царя не говоритъ и Іосифъ меонскій (ibid., col. 1061. D. 1064. A, 1068. B. C, 1069. C, 1125); а свидѣтельство послѣдняго, не смотря на прикрасы въ частностяхъ (ср. напр. col. 1068), въ общемъ можетъ быть признано заслуживающимъ нѣкотораго довѣрія, потому что меонскій, какъ это разъяснено нами въ другомъ мѣстѣ, пользовался источниками довольно хорошими, которые притомъ до насъ не дошли. Затѣмъ и изъ изложенія Сиропула (VIII, 2, pag. 218) повидимому слѣдуетъ, что Маркъ не явился въ указанныя засѣданія исключительно по собственной волѣ и по своимъ соображеніямъ и что императоръ даже и послѣ указанныхъ засѣданій побуждалъ Марка къ отвѣту латинянамъ (ibid., cf. pag. 217 et H a r d u i n, IX, col. 312. B; впрочемъ сравн. *Sorok.* VIII, 4, pag. 220). Наконецъ Андрей, авторъ *Acta latina*, самыя слова императора, послужившія основаніемъ для вышеприведенныхъ мнѣній ученыхъ, передаетъ совсѣмъ иначе, и именно слѣдующимъ образомъ: nos et nostri non sumus parati (т. е. для отвѣтовъ латинянамъ), et dominus Ephesinus ex suo casu non potuit venire, nec potui loco illius deputare (т. е. когонибудь другаго), quia non dictum fuit mihi и проч.) H a r d u i n, IX, col. 927. D; ср. вышеуказанныя цитаты изъ меонскаго, гдѣ онъ говоритъ о послыавшихся къ Марку приглашеніяхъ явиться въ засѣданіе собора). Въ виду всего сказаннаго можно, кажется, признать несомнѣннымъ, что Маркъ не явился на разсматриваемыя засѣданія по собствен-

глашения, если не хотѣли отказаться отъ самой мысли объ униі, хотя бы и фиеивной. Виссаріонъ впрочемъ съ нѣкоторыми изъ своихъ единомышленниковъ взглянулъ на дѣло нѣсколько иначе, и вотъ при этомъ-то и обнаружилась впервые съ полной ясностью происшедшая въ немъ перемена. Послѣ прекращенія публичныхъ преній съ латинянами, патриархъ Іосифъ въ частномъ собраніи грековъ ¹⁾ сообщилъ послѣднимъ слѣдующій ультиматумъ папы ²⁾: или найти до пасхи способъ соединенія, или прискаты средства для возвращенія въ свое отечество ³⁾. Въ завязавшихся по этому случаю разсужденіяхъ или вѣрнѣе преніяхъ между представителями ортодоксальной и латинумудрствующей партіи принялъ участіе и Виссаріонъ. Онъ прямо высказалъ, что греки должны принять латинское ученіе, и это какъ по причинѣ своихъ стѣсненныхъ обстоятельствъ ⁴⁾, такъ и въ виду истинности самаго этого ученія. При этомъ между Маркомъ и Виссаріономъ произошелъ слѣдующій характерный діалогъ. Маркъ утверждалъ, что латиняне суть не только раскольники, но и еретики, что церковь греческая поэтому именно и прекратила общеніе съ ними; умолчала же о такомъ своемъ взглядѣ на нихъ только по причинѣ ихъ численности ⁵⁾. „Итакъ“, спросилъ Виссаріонъ, „говорящіе, что Духъ Св. исходитъ и отъ Сына, суть еретики?“ — „Именно“ (*ναί*), отръзалъ Маркъ. „Госпо-

ному почину, хотя—допустимъ это—и согласно съ внутреннимъ желаніемъ царя.

¹⁾ По словамъ автора *Acta graeca*, это было 30-го марта. *Har duin*, IX, 312. D.

²⁾ Весьма характерно, что къ подобнымъ ультиматумамъ и латиняне и греки прибгали весьма нерѣдко, причемъ совсѣмъ не разсчитывали приводить свои угрозы въ исполненіе—по очень простой причинѣ: обѣ стороны нуждались одна съ другой.

³⁾ *Har duin* IX, col. 312. D: ἢ εὐρεῖν τρόπων ἐνώσεως, ἕως τοῦ πάσχα, ἢ εὐρεῖν μέθοδον ὅπως ἐπιστρέψωμεν εἰς τὴν πατρίδα ἡμῶν. Изъ этихъ и слѣдующихъ (col. 312. E) словъ видно, что папа грозилъ грекамъ отказомъ въ средствахъ для возвращенія на родину, не желая помнить о своихъ прежнихъ, почти влывенныхъ обѣщаніяхъ (въ Константинополѣ и Феррарѣ).

⁴⁾ *Har duin*, IX, col. 322. E.

⁵⁾ *Ibid.*, IX, 313. A. B.

ди помилуй!“ воскликнулъ Виссаріонъ. „Значить и святые, говорящіе это, еретики? Нѣмы да будутъ коварныя (δόλια) уста, говорящія противъ святыхъ! А вы“, сказалъ онъ, обращаясь повидимому къ грекамъ, „благоразумно выслушайте слѣдующее. Западные и восточные святые не разногласятъ, но одинъ и тотъ же Духъ говорилъ во всѣхъ святыхъ. И если угодно, пусть будутъ сравнены писанія ихъ однѣ съ другими,—тогда обнаружится ихъ единогласіе“.—„А кто знаетъ, не искажены ли латинянами книги отцовъ?“ возразилъ Маркъ, и получилъ на это слѣдующій энергическій, но конечно черезчуръ смѣлый отвѣтъ: „Кто же осмѣлится сказать это?! Искажены цѣлыя бесѣды, толкованія на Евангеліе, цѣлыя богословскіе трактаты по ихъ поводу! Да вѣдь если мы выкинемъ (ἀπαλείψομεν) изъ книгъ (всѣ) эти (заподозриваемыя) мѣста, то въ книгахъ не останется ничего, кромѣ бѣлыхъ листовъ“¹⁾.

Нѣсколько времени спустя²⁾, Виссаріонъ высказался еще яснѣе и рѣшительнѣе. Онъ сдѣлалъ это въ своей извѣстной „Oratio dogmatica“. Задумавъ эту рѣчь, онъ впрочемъ повидимому совсѣмъ не хотѣлъ разрывать съ своею т. е. греческою церковію. Онъ хотѣлъ лишь представить на воззрѣніе греческаго собора свои мысли, оговорившись при этомъ, что подчинится рѣшенію собора, каково бы оно ни было. Послѣ одного изъ собраній грековъ, на которомъ Маркъ высказалъ, что ученіе латинской церкви о Св. Духѣ не есть ученіе нераздѣленной церкви, Виссаріонъ, очевидно несогласный съ Маркомъ по этому предмету, выходя, сказалъ въ слухъ царя, патріарха и всѣхъ: „я открыто выскажу (отличное отъ этого) мнѣніе и взглядъ, которыхъ я держусь относительно этого предмета.“

¹⁾ H a r d u i n, IX, col. 313 В. С.

²⁾ По расчету на основаніи Акта граеа (H a r d. col. 320. В., ср. предых.) выходитъ, что рѣчь Виссаріона, которая имѣется здѣсь въ виду, была произнесена имъ 13 и 14 апрѣля. Между тѣмъ Амвросій Траверсари въ одномъ изъ писемъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже, говоритъ, что эта рѣчь была сказана 21 апрѣля. Въ виду этого можно кажется утверждать только то, что Виссаріонъ рѣшительно высказался въ пользу латинянъ около половины апрѣля.

И если это мнѣніе встрѣтитъ сочувствіе и у другихъ, то хорошо; если же нѣтъ, то я подчинюсь моей церкви ¹⁾).

Переходимъ къ самой этой рѣчи. Мы изложимъ ее возможно кратко и внимательнѣе рассмотримъ лишь тѣ мѣста, которыя особенно рельефно представляютъ или точку зрѣнія Виссаріона, или его тогдашнее настроеніе.

Было нѣкогда время,—такъ почти началъ Виссаріонъ свою рѣчь, — когда церковь Божія была едина и нераздѣльна, единодушно вѣруя въ то, что предано, или что, по требованію нужды, постановлялось ею же самою на общихъ соборахъ. Но съ того времени, когда на западѣ была сдѣлана прибавка къ символу безъ вѣдома и согласія на то востока, тѣло церкви распалось, — восточная церковь прервала общеніе съ западною. И она была права, въ виду древней обще-церковной практики—важныя догматическія опредѣленія принимать не иначе, какъ на вселенскихъ соборахъ. Но вотъ теперь латиняне явились на общій соборъ всѣхъ церквей, выразили готовность подчиниться рѣшенію собора послѣ того, какъ дѣло выяснится на совѣщаніяхъ, и показали основанія своего вѣрованія. Такимъ образомъ упреки, умѣстныя прежде, теперь потеряли значеніе,—нужно изслѣдовать по существу самый спорный вопросъ. Мы это и дѣлали, но какъ, съ какимъ результатомъ? Есть опасность и можно сомнѣваться, выйдемъ ли мы, греки, изъ этого „великаго сраженія“ (μέγαν ἀγώνα) безупречно сдѣлавшими свое дѣло. „Вотъ они дали отчетъ относительно того, что они говорятъ и чему учатъ; на то, что они говорили, мы по мѣрѣ возможности возражали, на иное отвѣчали молчаніемъ или давали отвѣты, не стоющіе вниманія“ ²⁾. Намъ нужно вдуматься въ наше

¹⁾ Συροποῦλος, VIII, 2 pag.219; ...ἐγὼ ἐρῶ ἀναφανδὸν τὴν γνώμην μου καὶ τὴν δόξαν ἣν ἔχω περὶ τῶν τοιοῦτων. Καὶ εἰ μὲν ἀρέσκει καὶ τοῖς ἄλλοις, καλὸν, εἰ δ' οὐ ἐγὼ πάλιν ἀκολουθήσω τῇ ἐκκλησίᾳ μου. Подъ «ἐκκλησία μου», какъ кажется, нужно на основаніи контекста разумѣть именно современную Виссаріону греческую церковь.

²⁾ Ἦδη γὰρ αὐτοὶ τε λόγον ὑπέσχον ὧν λέγουσι τε καὶ δογματίζουσι, καὶ ἡμεῖς πρὸς τὰ παρ' αὐτῶν εἰρημένα διὰ τῶν δυνατῶν ἀπητηγάμεν, πρὸς ἃ μὲν καὶ παν-

положеніе. „Ибо теперь недостаточно будетъ просто сказать: „не хотимъ соединенія“, но нужно тщательно разсмотрѣть, что сказали латиняне и что представили мы; нужно старательно изслѣдовать, въ чемъ они согласны съ нами и съ истиной, и гдѣ уклоняются отъ прямого пути и удаляются отъ истины,—и чему нужно научить ихъ, и что послушать у нихъ, — и чѣмъ нужно попользоваться отъ нихъ и чѣмъ слѣдуетъ быть полезными имъ, и какъ намъ сблизиться съ таковыми и столь многочисленными (τοσοῦτος τε καὶ τοσοῦτος) братьями, разъединеніе съ которыми по справедливости возбуждаетъ сожалѣніе и въ нихъ и въ насъ ¹⁾). Рѣшая дѣло о томъ, соединиться или не соединяться съ латинянами, со всѣмъ, разумѣется, не слѣдуетъ идти въ ту или другую сторону очертя голову,—не слѣдуетъ заранѣе соглашаться ни съ тѣми, которые, не приводя никакихъ доказательствъ, говорятъ, что нужно остаться въ разъединеніи съ латинянами, которые-де не мыслятъ, не говорятъ ничего здраваго,—ни съ тѣми, кто хлопочутъ о соединеніи съ латинянами, но не указываютъ оснований для этого. Нужно идти къ цѣли путемъ изслѣдованія истины, подъ руководствомъ отцовъ и учителей церкви. Виссаріонъ и намѣревается показать, какъ это сдѣлать, хотя хорошо сознаетъ неприятели, которыя навлечетъ на него его смѣлый шагъ ²⁾).

Здѣсь пока нѣтъ ничего такого, чего бы не могъ сказать всякій православный, но только не узко ортодоксальный грекъ. Здѣсь вполнѣ вѣрно, разумѣется, указывается грекамъ точка зрѣнія, которую—на взглядъ Виссаріона—они должны имѣть въ виду, если хотятъ безпристрастно оцѣнить сравнительную силу оснований *за* и *противъ* Filioque. Иное уже впечатлѣніе, какъ сейчасъ уви-

ταῦτος βασιλικότες, πρὸς ἃ δὲ ὀδὲν ὅτι καὶ ἄξιον λόγου ἀποκριθῆμενοι (Migne, t. CLXI, col. 549. A) Два послѣдніа предложенія съ причастіями не суть разъясненіе предложенія съ ἀπρὸς τῆς φωνῆς, но самостоятельныя предложенія. Это подтверждается собственнымъ переводомъ Виссаріона (Ibid. col. 549. C).

¹⁾ Migne, t. CLXI, col. 549. A. B.

²⁾ Ibid. с. 550. B.

димъ, оставляетъ чтеніе слѣдующихъ отдѣловъ *oratio dogmatica*. Въ слѣдующей (второй) главѣ Виссаріонъ, опровергая повидимому противоположное мнѣніе нѣкоторыхъ ¹⁾, доказываетъ, что учителя восточные и западные не могутъ другъ другу противорѣчить, такъ какъ въ нихъ и чрезъ нихъ говорилъ самъ Спаситель и Духъ Святой ²⁾. При изложеніи богословской системы Виссаріона мы будемъ имѣть случай болѣе подробно развить мысли Виссаріона по этому предмету; теперь же достаточно замѣтить, что установить этотъ пунктъ было весьма важно для Виссаріона не только потому, что чрезъ то устранялись всякія колебанія по этому вопросу, но и потому, что отсюда необходимо слѣдовалъ другой выводъ, который Виссаріонъ и сдѣлалъ въ слѣдующей (третьей) главѣ, именно: если восточные отцы говорятъ объ исхожденіи Духа отъ Отца и отъ Отца чрезъ Сына, а западные — отъ Отца и Сына, то въ этомъ нѣтъ и не можетъ быть дѣйствительнаго противорѣчія, а только противорѣчіе кажущееся, на подобіе тѣхъ, которыя въ большомъ числѣ встрѣчаются въ священномъ Писаніи ³⁾. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ нашъ долгъ признать не противорѣчіе, но слабость собственнаго ума, который не въ силахъ сразу уловить мысль св. отца, и постараться объ этомъ пониманіи. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ названнымъ различнымъ выраженіямъ объ исхожденіи Св. Духа, намъ помогаютъ сами св. отцы, поясняя другъ друга (глава 4-я). Мы всегда идемъ отъ простаго къ темному и послѣднее поясняемъ первымъ. Такъ же должны мы поступать,

¹⁾ Нижеслѣдующее разъясненіе направлено, какъ вѣдется, противъ мнѣнія грековъ въ родѣ тѣхъ, о которыхъ читаемъ въ *Epist. ad Philantr.* (*Migne*, t. CLXI, col. 360. A): ἦσαν δ' οἱ καὶ ἑτέρας ὑπόφρασιν ἀπολογίας, δηλονότι: πλανηθῆναι τοὺς δυτικοὺς ἀγίους καὶ ψεύσασθαι ἐν τοῖσι. Повидимому это мнѣніе о несогласіи восточныхъ и западныхъ отцовъ было довольно распространено, потому что Виссаріонъ опять возвращается къ нему на col. 603 и 607. О томъ же самомъ считалъ нужнымъ говорить и Схолярій. *Migne*, CLX, 392 и др. Замѣчательно, что и самъ Маркъ повидимому не выяснилъ себѣ вполне отчетливо, какъ смотрѣть на западныхъ отцовъ.

²⁾ *Migne*, t. CLXI, col. 551. B.

³⁾ См. примѣры на col. 556—557.

встрѣчаясь съ неодинаковыми по своей ясности выраженіями западныхъ и восточныхъ отцовъ. Западные—допустимъ — яснѣ учили о *Filioque*, чѣмъ восточные; слѣдовательно ихъ ученіемъ нужно изъяснять менѣ отчетливое ученіе восточныхъ о томъ же предметѣ, ибо въ сущности ученіе тѣхъ и другихъ суть глаголы одного и того же Духа Святаго.—Но если мы ближе всмотримся въ ученіе греческихъ отцовъ объ исхожденіи, то найдемъ, что они и сами достаточно ясно говорятъ объ исхожденіи Духа и отъ Сына, такъ что здѣсь, строго говоря, мы можемъ обойтись совсѣмъ безъ руководства западныхъ отцовъ. Различіе предлоговъ (глава 5-я), употребляемыхъ восточными отцами при обозначеніи исхожденія Св. Духа, совсѣмъ не означаетъ и различія самыхъ исхожденій Духа отъ Отца и Сына по существу. Исхожденіе Духа отъ Отца и исхожденіе Его отъ Сына тождественны; а если отцы восточные, говоря объ исхожденіи Духа отъ Сына, употребляютъ предлогъ *διὰ*, по употребленію не тождественный съ предлогомъ *ἐκ*, то этимъ они показываютъ, что Сынъ по отношенію къ акту извожденія Духа находится въ извѣстномъ отношеніи къ Отцу и что Онъ не есть первая причина Духа, но силу извожденія имѣетъ отъ Отца. А что Онъ изводитъ Духа такъ же существенно какъ и Отецъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ анализъ тѣхъ мѣстъ у восточныхъ отцовъ, въ которыхъ говорится объ исхожденіи Духа чрезъ Сына (глава 6-я). Тоже самое видно изъ разсмотрѣнія изреченій восточныхъ отцовъ, гдѣ говорится объ исхожденіи Духа даже отъ Сына (глава 7-я). Къ тому же приводитъ разсмотрѣніе мѣстъ изъ тѣхъ же отцовъ, обыкновенно относимыхъ греками къ изліянію даровъ Духа (глава 8-я). Притомъ (глава 9-я) ¹⁾, по ученію западныхъ

¹⁾ Девятою по счету показана эта глава въ римскомъ изданіи *Acta graeca* 1861 года (стр. 453) и Гардуина (col. 365), равно и слѣдовавшаго за послѣднимъ съ прибавленіемъ лишь собственныхъ ошибокъ—Манси (col. 956). Мишъ (t. CLXI, col. 603—604), перепечатавшій эту рѣчь изъ собранія Лаббе, поставилъ надъ ней заголовокъ «*εξ αὐτοῦ*. И', такъ же какъ и надъ предыдущей главой, но значенія такого страннаго раздѣленія не объяснилъ. Въ латинскомъ Виссаріоновомъ переводѣ «*oratio dogmatica*» разсматриваемая глава также во всѣхъ

учителей, Отецъ и Сынъ вмѣстѣ суть единое и тоже самое начало и вина Духа, а не два начала и не двѣ вины. Съ этимъ падаетъ обвиненіе противъ латинянъ, будто они признаютъ двѣ вины Духа. Такъ же несостоятельно и другое обвиненіе ихъ, будто они исказили первоначальный текстъ латинскихъ отцовъ, внесши туда ученіе о Filioque. Мысли въ писаніяхъ западныхъ отцовъ объ исхожденіи Духа отъ Сына находятся въ такой тѣсной связи съ предшествующими и послѣдующими мыслями, что указанное подозрѣніе рѣшительно не имѣетъ мѣста.

„Прошу и молю васъ“, говорилъ Виссаріонъ послѣ этихъ разъясненій предъ греческимъ соборомъ ¹⁾, „разсмотрѣвши это и тщательно сообразивши все, постановить соответствующее тому рѣшеніе... Примите при этомъ въ расчетъ прежде всего то, что потомъ у насъ уже не будетъ, какъ прежде, извиненія въ раздѣленіи съ братьями и во враждѣ противъ латинянъ, столь многочисленныхъ, такъ украшенныхъ мудростію и знаніемъ, и всѣмъ хорошимъ (καὶ ἀρετῶν ἰδέα παντοία) не только въ томъ, что касается души, ея состоянія и облагороженія (βελτίωσιν), но и въ томъ, что касается тѣла и временныхъ благъ (τὰ σωματικά). Прежде вселенскаго собора бремя защиты лежало на латинянахъ; теперь, когда состоялся всеобщій соборъ, обвиненія, лежавшія на нихъ, перейдутъ на насъ, если мы не сможемъ смѣло показать основаніе, почему отдѣлились отъ нихъ“ ²⁾: Такого основанія не существуетъ, ибо всѣ отцы оди-

изданіяхъ считается 8-ю, и такъ образомъ оказывается двѣ осмыхъ главы. Думается, что здѣсь мы имѣемъ простую ошибку въ счетѣ главъ и что рассматриваемая глава есть отдѣльная глава, а не продолженіе 8-й главы, такъ какъ это довольно ясно видно изъ сличенія ихъ. Впрочемъ рѣшить этотъ вопросъ навѣрное пока едва-ли возможно, такъ какъ о рукописяхъ oratio dogmatica, объ ихъ происхожденіи и взаимномъ отношеніи ни одинъ издатель, къ удивленію, не проронилъ ни одного слова.

¹⁾ Migne, t. CLXI, col. 605. В. sqq. κεφάλαιον δέκατον (ср. предшеств. примѣч.).

²⁾ οὐκ δὲ—καθ' ἡμῶν τὰ ἐκείνων ἐκκλησίαια μεταστράφη, ἀν μὴ εὐπρόσωπον ἔχωμεν αἰτίαν δεῖκνύουα, δι' ἣν αὐτῶν διηρέθημεν—col. 606. В., — въ латинскомъ

наково признають Сына причиною Духа, съ той лишь разницей, что западные несравненно отчетливѣе восточныхъ учать объ этомъ,— и это ученіе есть несомнѣнно ихъ подлинное ученіе. Это доказывается, кромѣ сказаннаго выше о контекстѣ, и невозможностью порчи такой массы древнихъ книгъ, разсѣянныхъ по всей землѣ. Доказывается это и тѣмъ также, что, въ самомъ началѣ раздѣленія, мѣста изъ латинскихъ отцовъ объ исхожденіи Св. Духа читались такъ же, какъ читаются теперь,—и наконецъ тѣмъ, что у грековъ нѣтъ такихъ кодексовъ, въ которыхъ бы ученіе латинскихъ отцовъ объ исхожденіи Духа было изложено иначе, чѣмъ какъ оно читается въ кодексахъ латинянъ, и изъ сравненія съ которыми можно было бы доказать неподлинность спорныхъ мѣстъ. Не видѣть всего этого, а съ тѣмъ вмѣстѣ и истинности латинскаго ученія значить намѣренно закрывать глаза противъ свѣта ¹⁾ и въ концѣ концовъ губить себя и народъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать полному искорененію христіанства на востоцѣ и его ослабленію въ другихъ странахъ... ²⁾ „Кто не знаетъ, что намъ въ нашихъ опасностяхъ осталось единственное прибѣжище—латиняне и соединеніе съ ними; только здѣсь у насъ надежда подняться на ноги (*σφᾶς αὐτοὺς ἀναστήσειναι*) и поразить враговъ; этого только и боялся нашъ недругъ, одно это сдерживало его ярость противъ насъ, и заставляло его противъ воли оставаться спокойнымъ. Лишенные этого, куда пойдѣмъ? Какой будетъ конецъ бѣдствій? Гдѣ спасеніе отъ этихъ ужасовъ?—Если бы мы еще узнали, что латиняне заблуждаются въ догматахъ и вѣрѣ, я и самъ не посоветовалъ бы вамъ съ любовью соединиться съ ними (*ἀσπασασθαι ἐνωσιν*) и имѣть съ ними единомысліе изъ страха временныхъ бѣдъ, предпочитая вещественныя блага духовнымъ и свободу тѣла благу души. Я самъ вытерпѣлъ бы самое худшее и вамъ бы посовето-

Виссаріоновъ переводъ: *ita post hoc gravis nostra excusatio erit, si non habuerimus dicere causam tali divisione dignam*—col. 606. Д.

¹⁾ Migne, t. CLXI, col. 608. В.

²⁾ Ibid., col. 609. А.

валь это, а не сталъ бы уговаривать васъ соединиться съ ними. Но теперъ является опасеніе, какъ бы съ вредомъ для тѣла намъ не получить вреда и для души, если латиняне мыслятъ и истинно и благочестиво, и въ вѣрѣ нисколько не заблуждаются ¹⁾... Нѣтъ, отцы и братья, не будемъ держаться этой мысли (о раздѣленіи), не будемъ такъ худо пещись о себѣ самихъ, — не будемъ желать казаться волками вмѣсто овецъ для тѣхъ, кто взираютъ на насъ, — не погубимъ ихъ души и тѣла, выдавая ихъ врагамъ. Что до меня касается, я никогда не буду такого мнѣнія и никогда не выдамъ (врагу) тѣло, душу, вѣру, города, гробницы отцовъ, свободу и все дорогое (τίμιον), — и пусть это мое слово послужить вѣчнымъ свидѣтельствомъ предъ всѣмъ народомъ и предъ всѣми христіанами... Молю и васъ, чтобы и вы всѣ или большинство усвоили такой же, какъ и я, взглядъ. Если же этого не будетъ, то я (съ своей стороны) призываю во свидѣтели Бога всяческихъ и васъ, нынѣ (здѣсь) присутствующихъ, и послѣдующія наши поколѣнія, что я безпристрастно (ἀπαθῶς, sine passione), истинно и неложно (ἀδόλως) съ начала и до сего дня, по требованію обстоятельство (παρηκολούθηκώς τῷ πράγματι) не переставалъ говорить то, что мнѣ казалось истиннымъ, вѣрнымъ и полезнымъ, и никогда не воздерживался изъ страха отъ выраженія своего мнѣнія, и собственную безопасность не предпочелъ общей пользѣ, но вручивъ себя и свою судьбу Богу и предавшись волѣ Его, который съ моихъ юныхъ лѣтъ всю жизнь мою устроялъ и направлялъ лучше, чѣмъ какъ самъ я желалъ, — я поставилъ, какъ цѣль для себя, общее благо и поступалъ во всемъ и говорилъ, соображаясь съ этой цѣлью, при сохраненіи истины въ вѣрѣ, заботясь (προνοῶν) — на сколько я могъ понять — и о матеріальной пользѣ нашего народа... Поступайте, какъ хотите: вы господа вашихъ рѣшеній. Однако

¹⁾ Nūn δὲ θεὸς ὑφέρπει, μὴ τὴν σωματικὴν μετὰ καὶ τῆς ψυχικῆς βλάβης ἐλώμεθα καὶ τάληθῆ τε καὶ εὐσεβῆ φρονούντων αὐτῶν, καὶ οὐδὲν πλανωμένων περὶ τὴν πίστιν..., ἡμεῖς ἐπὶ κακῷ τῷ σφετέρῳ διαιεθῆναι τῶν τοιοῦτων ἀνδρῶν δικαιοῶμεν — col. 610. A.

при Вожіемъ водительство, да побѣдитъ и у васъ лучшее. Если же побѣдитъ худшее,.... то пусть знаетъ весь родъ людской, люди всякаго возраста и положенія, что я не виновенъ въ этомъ злѣ раздѣленія, не былъ причастенъ этому рѣшенію и не считаю основательнымъ раздѣляться съ латинянами вопреки всякимъ разумнымъ основаніямъ ¹⁾. Ибо я не убѣдился, что они не истинно и не благочестиво вѣруютъ, и мыслятъ не одинаково съ святыми мужами и нашей церковью ²⁾. Съ другой стороны я очень хорошо знаю, какія ужасныя несчастія будутъ слѣдствіемъ этой схизмы для нашего народа и что будетъ за этимъ роковымъ событіемъ. Но я и прежде видѣлъ, и говорилъ объ этомъ, и всемъ разъяснял, и по мѣрѣ силъ заботился о томъ, чтобы этого не случилось. Если я не смогъ этого сдѣлать, то это вина не говорящаго, но не послушавшихъ ³⁾.

Рѣшительнѣе этого нельзя было, кажется, и высказать согласія съ церковью западною по спорному вопросу и симпатій къ униі. На основаніи этой рѣчи можно думать, что Виссаріонъ для себя самаго навсегда и окончательно порѣшилъ спорный вопросъ. Но высказываясь такимъ образомъ, думалъ ли онъ, въ случаѣ несогласія остальныхъ грековъ съ его взглядомъ, формально перейти къ латинской церкви? Мы уже видѣли, что когда на одномъ изъ собраній грековъ Маркъ высказалъ увѣренность, что Filioque не есть дѣйствительное ученіе церкви, и когда предложеніе Марка доказать это было отклонено, Виссаріонъ ³⁾, выходя изъ собранія, сказалъ: „я открыто выскажу свое мнѣніе и свой взглядъ на это. И если

¹⁾ οὐδὲ δικαίῳ διαζευχθῆναι λατίνων παρὰ πάν τὸ ἐκ τῶν λόγων εἶκός — соl. 612, В.

²⁾ Подъ вѣрованіемъ греческой церкви Виссаріонъ разумѣтъ очевидно вѣрованіе этой церкви, какъ оно—на его взглядъ—выражено въ писаніяхъ отцовъ и учителей восточной церкви, а не вѣрованіе современной Виссаріону греческой церкви, заблуждавшейся, какъ онъ думалъ, по разсматриваемому предмету. Это и само собою понятно, и видно кромѣ того изъ латинскаго перевода Виссаріона, гдѣ говорится только объ учителяхъ церкви.

³⁾ Συροπυλος. VIII, 2, pag. 219.

то, что я скажу, будетъ и другими одобрено, хорошо; а если нѣтъ, то я опять послѣдую моей церкви“¹⁾). Тогда Виссаріонъ рѣшилъ уже высказать взглядъ на исхожденіе Св. Духа, совершенно расходящійся съ традиціоннымъ взглядомъ его церкви; но онъ все же, какъ кажется, не хотѣлъ выступить изъ этой церкви, и готовъ былъ опять возвратиться къ традиціонному взгляду въ случаѣ неодобренія его мнѣнія. Теперь, какъ видимъ, Виссаріонъ сталъ гораздо рѣшительнѣе и довольно ясно намекнулъ, что не найдя сочувствія къ униі въ другихъ, онъ самъ, по крайней мѣрѣ, не затруднится соединиться съ латинянами²⁾).

Эта рѣчь важна не только для выясненія настроенія Виссаріона, но и для выясненія тогдашняго образа мыслей и многихъ другихъ грековъ. Не говоря уже объ отдѣльныхъ выраженіяхъ, весь тонъ рѣчи показываетъ, что Виссаріонъ обращался къ людямъ, которые уже разстались съ мыслью, что у латинянъ не можетъ быть и нѣтъ доказательствъ ихъ ученія, — которые чувствовали свое безсиліе доказать ложность латинскаго ученія и истинность своего и которые смутились этимъ. И это станетъ совершенно понятнымъ, если вспомнить, какъ плохо готовились къ преніямъ члены собора и какъ мало были они начитаны въ отцахъ не только латинскихъ, но и греческихъ, — и если съ другой стороны принять въ соображеніе мастерскую діалектику латинскихъ ораторовъ на соборѣ, — діалектику, которой вообще, по характеру своего воспитанія и образованія, придавалъ великую цѣну каждый грекъ. Греки не могли не поддаться хотя бы въ нѣкоторой степени вліянію этой діалектики, . подкрѣпляемому притомъ ихъ малымъ знакомствомъ съ патристиче-

¹⁾ Задуманная Виссаріономъ рѣчь есть, очевидно, *oratio dogmatica*. Доказывать это нѣтъ повидимому и нужды. Впрочемъ укажемъ на слѣд. основанія: 1) судя по обстоятельствамъ, въ *or. dogm.* Виссаріонъ высказался въ латинскомъ смыслѣ впервые послѣ вышеприведеннаго заявленія; 2) онъ намѣревался выразить нѣчто несогласное съ традиціоннымъ ученіемъ восточной церкви; это и имѣемъ мы въ *oratio dogmatica*.

²⁾ *Migne, t. CLXI, col. 611. A;* ср. нижеприводимое свидѣтельство Амвросія Траверсари.

скою литературой. Они не могли не сознаться, что латинское учение тоже не безъ основаній, и это смутило повидимому большинство ихъ, а нѣкоторыхъ и совсѣмъ помирило съ латинскимъ ученіемъ ¹⁾. Что это смущеніе дѣйствительно существовало и что въ глубинѣ души греки (разумѣется далеко не все) колебались, это видно не только изъ oratio dogmatica, но также между прочимъ изъ слѣдующаго факта. Послѣ того какъ они отказались отъ рѣшенія дѣла посредствомъ преній, папа предложилъ слѣдующую мѣру: каждый изъ грековъ долженъ былъ надъ Евангеліемъ или надъ тѣломъ и кровію Господнею чистосердечно объявить свое мнѣніе: такимъ образомъ, полагалъ папа, все легко придуть къ рѣшенію ²⁾. Какъ могъ папа предложить такое рискованное средство, если онъ не былъ по меньшей мѣрѣ склоненъ думать, что греки нѣсколько поколебались и въ страшную минуту клятвы надъ Евангеліемъ рѣшатся высказать по крайней мѣрѣ это свое колебаніе? Замѣтимъ при этомъ еще слѣдующее: совѣтъ рѣшить дѣло посредствомъ клятвы данъ былъ папѣ митиленскимъ архіепископомъ. Ясное дѣло, что и этотъ греческій архіепископъ думалъ такъ же точно. Наконецъ нѣкоторымъ подтвержденіемъ вліянія на грековъ латинскихъ разъясненій на соборѣ можетъ служить и то, что папа, послѣ отказа грековъ отъ преній, весьма сильно настаивалъ на нихъ. Эта настойчивость была бы неполнѣ понятна, если не предположить, что папа ожидалъ отъ преній благопріятнаго для латинянъ результата. Будь онъ увѣренъ, что пренія не ведутъ ни къ чему, онъ не сталъ бы такъ упорно настаивать на возвращеніи къ нимъ. Ясно, что онъ не придавалъ значенія заявленіямъ грековъ о бесплодности

¹⁾ Ср. напр. такъ наз. «adhortatio» и «orationes» Георгія Схолярія (Migne, t. CLX, col. 385—524). Здѣсь читаемъ: «ὁράτε πάντας, ὅτι Λατίνοι τῆς ἑαυτῶν ὑπερηγῶνισαντο δόξης καλῶς ὥστε μηδένα ἄν αὐτοῖς ἐγκαλεῖν ἔχαιν, εἰ βούλοιο δίκαιος εἶναι» (col. 338. D) и т. п. Самъ Георгій является вполне убѣжденнымъ въ истинѣ латинскаго догмата; при этомъ онъ желаетъ униі вполне искренней со стороны грековъ.

²⁾ οὕτως νομίζω συνελθεῖν πάντας εὐκόλως πρὸς τὸ συμπέρασμα. — Συροποῦλος, VIII, 8, pag. 230; ср. Harduin IX, 316. E.

состязаній, и въ отказѣ грековъ видѣлъ ихъ невысказанное сознание въ своей слабости ¹⁾).

Итакъ нѣкоторые греки колебались. Это ²⁾ даетъ намъ точку опоры для правильнаго сужденія и о Виссаріонѣ. Если греки, вслѣдствіе главнымъ образомъ разъясненій латинянъ, испытывали теперь нѣкоторое колебаніе, то что сказать о Виссаріонѣ, который, помимо этихъ разъясненій, самостоятельно и спеціально изучалъ святоотеческую и средневѣковую литературу спорнаго вопроса? Что удивительнаго, если онъ пошолъ дальше этихъ колебаній и на-примѣръ въ oratio dogmatica призналъ вселенскимъ ученіемъ латинскій догматъ? Мы послѣ увидимъ и отчасти уже видѣли, что при защитѣ уніи Виссаріономъ руководили и другія побужденія; но послѣ всего сказаннаго мы считаемъ возможнымъ утверждать, что Виссаріонъ могъ сдѣлаться горячимъ сторонникомъ уніи и вслѣдствіе одного своего убѣжденія въ истинѣ латинскаго ученія, а что это было дѣйствительно его убѣжденіемъ, въ этомъ едвали можетъ быть сомнѣніе.

Ни авторъ „Acta graeca“, ни Сиропуль не сообщаютъ намъ, какое впечатлѣніе произвела вышеприведенная рѣчь Виссаріона на грековъ. Мы можемъ впрочемъ, уже въ виду сказаннаго выше, предположить, что эта рѣчь, будучи смѣлымъ и яснымъ выраженіемъ мыслей, которыя въ большей или меньшей степени, въ болѣе или менѣе отчетливомъ видѣ предносились сознанію и нѣкоторыхъ другихъ грековъ, присутствовавшихъ на соборѣ, если не помирила послѣднихъ съ латинянами, то во всякомъ случаѣ усилила ихъ сомнѣнія ²⁾). Положительное свидѣтельство о впечатлѣніи, произведенномъ рѣчью Виссаріона, мы имѣемъ отъ Амвросія Камаль-

¹⁾ Въ виду всего этого необходимо такимъ образомъ нѣсколько ограничить свидѣтельство Acta graeca—H a r d., IX, 380. E.

²⁾ Само собою понятно, что на нѣкоторыхъ изъ отцовъ, которые или по убѣжденію или по чувству простой, но крѣпкой вѣры ни за что и не смотря ни на что не хотѣли знать объ уніи, эта рѣчь должна была произвести крайне тяжелое и непріятное впечатлѣніе.

дуленскаго. Вотъ что писалъ онъ Юліану въ самый день произнесенія этой рѣчи и очевидно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ толковъ объ ней: „Возвѣщаю тебѣ, отецъ, радость, общую обоимъ намъ, мало того—всей церкви; чтобы ты вторично узналъ и еще больше порадовался ¹⁾, если уже слышалъ объ этомъ; а если нѣтъ, то вмѣстѣ со мной порадовался и возблагодарилъ Бога. Нашъ Никейскій сегодня въ общемъ собраніи грековъ, въ присутствіи императора и всѣхъ епископовъ, разразился словомъ исповѣданія и хвалы, говоря предъ всѣми открыто, что святая римская церковь правильно мыслить въ таинствѣ вѣры, что прибавка въ символѣ сдѣлана совершенно правильно, что онъ хочетъ эту свою вѣру, это устное исповѣданіе изложить письменно“ ²⁾.

¹⁾ Въ подл. gratuleris. Ср. Du Cange, Gloss. mediæ et infimæ latininitatis, Parisiis, 1844, tom. III, p. 560.

²⁾ Вотъ это письмо въ томъ видѣ, въ какомъ напечатано оно у Мартена (Ambr. Camald. Ep. lib. XII, ep. 40): «Nuntio tibi, pater, gaudium, quod utrique commune est, immo ecclesie omni, ut, siquidem audisti, recognoscas et gratuleris magis; sin minus, mecum pariter gaudeas et una gratias Deo referamus. Nicænus noster hodie in publico conventu Graecorum, adstante imperatore et episcopis omnibus, erupit in vocem confessionis et laudis, dicens omnibus palam sanctam Romanam Ecclesiam recte sentire in mysterio fidei, et additionem in symbolo rectissime factam, et se velle hanc fidem, hanc confessionem, quam ore profitebatur, in scriptis dare... (Точки и въ изданіи Мартена). Cum illis discedere hinc ab eis, etiam pro fide deponendum et passurum omnia, si opus esset. Nostrorum facta et saecularium, concursus muliercularum quotidianos ad ecclesiam miris extollit laudibus, qua in relonge ipsi essent inferiores, et alia plura quæ fervor dictabat. Ivit in ejus sententiam confessor ille imperatoris, et plerique fieverunt. Humilitas Pontificis nostri elata summis laudibus, quod Heracliensi responderit hodie benigne». Нельзя конечно съ полной увѣренностью сказать, что Амвросій имѣеть здѣсь въ виду именно oratio dogmatica. Этому повидимому нѣсколько противорѣчитъ вторая половина приведеннаго письма, именно слова: «se velle hanc fidem...», и затѣмъ указанная здѣсь заявленія Виссаріона, которыхъ мы не находимъ въ or. dogm. Однако съ нашей точки зрѣнія и эти частности могутъ быть объяснены довольно удовлетворительно. Словами: «se velle...» Виссаріонъ выразилъ желаніе—подтвердить и оформить свое согласіе съ римскою церковію какимъ нибудь письменнымъ документомъ, каковымъ едвали могла считаться произнесенная имъ устно, хотя и по тетради, oratio dogmatica. Что же касается заявленій Виссаріона, о которыхъ упоминается въ концѣ Амвросіева письма, то они могли быть сдѣланы Виссаріономъ экспромтомъ и не быть

VI.

Виссаріонъ повидимому желалъ принятія греками латинскаго ученія въ той его формѣ, въ какой выражали это ученіе латиняне. Но на такую полную уступку латинянамъ могло согласиться лишь самое ограниченное число грековъ. Греки могли пожалуй допустить, что вопросъ объ исхожденіи Св. Духа не есть вполне выясненный вопросъ; но отъ этого было еще далеко до признанія истинности латинскаго ученія. Противъ этого должна была возставать и долготѣняя вѣра въ правду своей церкви, и чувство народно-конфессиональной гордости ¹⁾; а это чувство всегда было сильно въ грекахъ. Такимъ образомъ, чтобы не погубить совершенно дѣла уніи, сторонникамъ ея между греками оставалось одно: добиваться заключенія ея на основаніи компромиссовъ съ обѣихъ сторонъ ²⁾ и притомъ въ частныхъ, неофициальныхъ совѣщаніяхъ избранныхъ грековъ. Вопросъ объ этомъ былъ повидимому окончательно рѣшенъ императоромъ въ его совѣщаніяхъ съ великимъ протосинкел-

внесенными имъ въ текстъ рѣчи. Не забудемъ при этомъ и отмѣченнаго выше пробѣла въ изданіи Мартеня. Наконецъ противъ мысли (которая—замѣтимъ—весьма естественно можетъ явиться, хотя мы ее и не встрѣчали), что Амвросій имѣеть здѣсь въ виду то выраженіе мнѣній Виссаріономъ, о которомъ говорится въ Acta graeca у Гардуина IX, 313 и о чемъ было упомянуто нами выше,—достаточно указать на большую разницу въ датахъ (21-е апрѣля, дата Амвросіева письма, и 30-е марта, время выраженія Виссаріономъ этихъ мнѣній. Ср. Har d. IX, 312. D.).

¹⁾ Ср. Har d u i n, IX, 385, C; M i g n e, t. CLX, col. 392, 444—453 и многіе другіе, гдѣ Схолярій вооружается противъ опасеній «безславія» въ случаѣ уступки противной сторонѣ.

²⁾ Вотъ какъ характеризовалъ Маркъ этотъ періодъ послѣ произнесенія Виссаріономъ своей знаменитой рѣчи (Migne, t. CLIX, col. 1076. В): οὕτως κατὰ μικρὸν ὁ Λατινισμὸς ἐξεργάγη καὶ περὶ τοῦ τρόπου λοιπὸν τῆς ἐνώσεως ἤρξαντο πραγματοῦσθαι, καὶ τινὰ ῥητὰ περιεργάζεσθαι, δι' ὧν ἐνωθήσονται, μέσῃν ἐπέχοντα χάραν, καὶ δυνάμενα κατ' ἀμφοτέρας τὰς δόξας λαμβάνεσθαι, καθάπερ τις κωδωνός. Τοῦτο γὰρ αὐτοῖς πρὸς τὴν ἐπίνοιαν ἔδοξε σφόδρα συμβάλλεσθαι, τῶν τε ἡμετέρων δι' αὐτῶν ῥῆρον προσαγομένων, καὶ τῶν ἐναντίων ἐλπίζομένων ἀνεξέταστος αὐτὰ παραδέξασθαι.»

ложь Григоріємъ, Исидоромъ русскимъ и Виссаріономъ Нивейскимъ ¹⁾. Латиняне, хотя и не вдругъ, также согласились въ концѣ концовъ на перенесеніе дѣла въ комиссію. Изъ словъ императора къ грекамъ по этому поводу ²⁾ и изъ самаго хода дѣлъ мы можемъ заключать, что императоръ съ особенной настойчивостью хлопоталъ объ этомъ въ надеждѣ, что здѣсь, въ маленькихъ и притомъ совершенно частныхъ (*μυστικαί* по выраженію *Acta graeca*) ³⁾ собраніяхъ, членамъ можно будетъ по домашнему, запросто предлагать какія угодно средства и пути для уніи, что въ торжественныхъ засѣданіяхъ было бы, разумѣется, неудобно. Было повидимому предположено держать работы комиссіи до времени въ секретѣ, и общаніе императора сообщать остальнымъ грекамъ результаты ежедневныхъ совѣщаній въ комиссіи было вѣроятно простою уловкою; только этимъ и можно объяснить то, что греки не имѣли регулярныхъ, а лишь случайныя сообщенія о засѣданіяхъ комиссіи ⁴⁾. Держать же дѣло въ секретѣ нужно было и потому, что императоръ съ своими совѣтниками очевидно уже помирился съ мыслию сдѣлать кой какія, хоть и небольшія уступки латинянамъ ⁵⁾; а императоръ уже по опыту зналъ, что гораздо проще и цѣлесооб-

¹⁾ Замѣчательно, съ каждымъ изъ нихъ императоръ совѣщался отдѣльно (*Συροπούλος*, VIII, 4, pag. 221). Очевидно, въ этихъ бесѣдахъ съ глазу на глазъ, безъ свидѣтелей, царь хотѣлъ узнать дѣйствительный, откровенный взглядъ каждаго на тогдашнее незавидное положеніе дѣла грековъ и на средства выйти изъ этого положенія. Изъ изложенія Сиропула выходитъ (*ibid.*), какъ будто эти три приближенные къ императору лица лишь одобряли его планы. Но вѣроятнѣе предположить, что такіе энергичные люди, какъ Исидоръ и Виссаріонъ, столько же слушали предначертанія императора, сколько и сами совѣтовали ему. Это необходимо предположить не только въ виду ихъ энергій, но и того, что въ послѣдствіи—какъ увидимъ—они, [по крайней мѣрѣ Виссаріонъ, оказались гораздо настойчивѣе императора въ преслѣдованіи уніональных цѣлей.

²⁾ *Συροπούλος*, VIII, 11, p. 233.

³⁾ *Harduin*, IX, 377. D.

⁴⁾ *Συροπούλος*, VIII, 12, p. 234.

⁵⁾ См. чрезвычайно характерное заявленіе патріарха у Сиропула, VIII, 12, p. 234—235.

разнѣ знакомить своихъ грековъ съ совершившимся фактомъ. Мы имѣемъ и довольно рѣшительное подтвержденіе этого въ словахъ одного изъ самыхъ выдающихся членовъ греческой комиссіи — Виссаріона, брошенныхъ во время спора съ Сиропуломъ изъ-за правъ комиссіи: „мы съ тѣмъ и избраны были, что все, что мы скажемъ, будетъ одобрено и всеми“¹⁾. Когда же Сиропуль замѣтилъ, что все принятія комиссіею рѣшенія должны были (какъ это обѣщала императоръ) быть представляемы на разсмотрѣніе остальныхъ грековъ, Виссаріонъ „съ досадою“ сказалъ: „въ такомъ случаѣ незачѣмъ было намъ собираться и трудиться“²⁾.

Въ эту комиссію со стороны грековъ избраны были императоромъ, кромѣ Виссаріона, еще слѣдующія лица: Антоній ираклійскій, Маркъ ефесскій, Исидоръ русскій, Досиѳей монемвасійскій, Дороѳей трапезунтскій, Митрофанъ кизикскій и еще три неизвѣстныхъ по имени епископа³⁾. Въ первомъ же засѣданіи комиссіи Виссаріонъ высказалъ планъ, съ которымъ онъ очевидно уже давно носился и который по всей вѣроятности уже былъ предметомъ обсуждения между нимъ и императоромъ. „Въ первомъ собраніи, читаемъ у Сиропула, Никейскій подробно говорилъ о томъ, что обѣимъ сторонамъ нужно принять то, что говоритъ святой Максимъ объ исхожденіи Св. Духа въ письмѣ къ Марину, и соединиться на основаніи смысла словъ его“. „Но латиняне, продолжаетъ Сиропуль, совсѣмъ не приняли этого“⁴⁾. Последнее замѣчаніе, выраженное притомъ въ такой рѣшительной формѣ, весьма важно для насъ. Оно яснымъ и неопровержимымъ образомъ показываетъ, что въ это и ближайшее время Виссаріонъ не имѣлъ особенно близкихъ сношеній съ латинянами, — не имѣлъ ихъ не

¹⁾ οὕτως ἐξελέγημεν, ἵνα πᾶν ἔπερ ἄν εἴπομεν στέργηται: παρὰ πάντων — Συροποῦλος, VIII, 16, pag. 240.

²⁾ Συροποῦλος, VIII, 16, 240. Подобный взглядъ на задачу и объемъ полномочій комиссіи вмѣстѣ съ тѣмъ весьма характеренъ и по отношенію къ Виссаріону, показывая въ немъ гордую и властолюбивую натуру.

³⁾ Hauguin, IX, 377; Συροποῦλος, VIII, 12, 234.

⁴⁾ Συροποῦλος, VIII, 12, pag. 234; ср. 221 и 222.

только непосредственно предъ внесеніемъ въ комиссію этого своего предложенія, но и въ ту пору, когда оно предварительнѣ обсуждалось имъ съ императоромъ, т. е. въ теченіе довольно значительнаго промежутка времени. Въ противномъ случаѣ какъ могъ Виссаріонъ носиться съ своимъ проэктомъ и затѣмъ представить его въ комиссію? Веди онъ близкія сношенія съ латинянами, онъ разумѣется узналъ бы, что они не примутъ его предложенія, какъ это и случилось. Предложеніе Виссаріона не прошло потому, что латиняне толковали письмо Максима иначе, чѣмъ греческая церковь ¹⁾. Въ слѣдующее или одно изъ слѣдующихъ засѣданій ²⁾ выступилъ Маркъ съ своимъ предложеніемъ. Необходимымъ условіемъ соединенія онъ поставилъ уничтоженіе прибавки въ символъ ³⁾. Нечего и прибавлять, что это предложеніе было отвергнуто, какъ это вѣроятно заранѣе предполагалъ и Маркъ ⁴⁾. Такъ же отвергнуто было предложеніе (авторъ его неизвѣстенъ)—принять за основаніе для формулы соединенія посланіе св. Тарасія, гдѣ сказано было, что Духъ Святыи исходитъ отъ Отца черезъ Сына ⁵⁾. Были ли сдѣланы въ эту пору другія предложенія въ родѣ вышеприведенныхъ, мы навѣрное не знаемъ ⁶⁾. Но греческіе защитники идеи соединенія на

¹⁾ Mansi, XXXI, 972. В. С.; Hard. IX, 377; ср. Сороп., р. 239.

²⁾ ср. Сороп., р. 234 и Hard., *ibid.* Что Маркъ долженъ былъ сдѣлать какое нибудь предложеніе, это необходимо предполагается его выдающимся положеніемъ на соборѣ и въ комиссіи; а что онъ сдѣлалъ именно нижеприводимое предложеніе, это подтверждается и тѣмъ, что съ своимъ проэктомъ онъ выступалъ уже не разъ (ср. напр. Сороп., V, 2, 114).

³⁾ Соропoulos, VIII, 12, 234.

⁴⁾ За этимъ требованіемъ повидимому лишь виѣшней уступки, какъ понялъ ошибочно и Виссаріонъ (ср. несправедливый упрекъ Горскаго, стр. 143), скрывалось невысказанное условіе, что латиняне должны отказаться отъ Filioque, и какъ догмата (См. Соропoulos, VIII, 16, 241).

⁵⁾ Harduin, IX, 377. Д; Mansi, XXXI, 972. Д. Е.

⁶⁾ Правда, кардиналъ Юліанъ въ общемъ обзорѣ дѣятельности собора, сдѣланномъ имъ нѣсколько поздѣе въ присутствіи греческихъ и латинскихъ делегатовъ и сообщенномъ Андреемъ de S. Cruce (Harduin, IX, 979—980), упоминалъ и о нѣкоторыхъ другихъ предложеніяхъ. Но онъ, къ сожалѣнію, не опредѣлялъ точно, къ какому времени относятся эти предложенія и даже повидимому не заботился объ этой точности, какъ это видно, напримѣръ, изъ

основаніи обоюдныхъ формулъ, и въ числѣ ихъ Виссаріонъ, еще не потеряли надежды на такого рода соединеніе. Когда, послѣ упомянутыхъ засѣданій, латиняне представили грекамъ свое изложеніе ученія объ исхожденіи, ученія, ни на одну іоту не отсутствовавшего отъ обычнаго римскаго воззрѣнія и потому отвергнутаго громаднымъ большинствомъ греческаго собора, Виссаріонъ, Исидоръ, Дороѳей митиленскій и великій протосинкеллъ высказали предположительно, что можетъ быть можно будетъ принять это изложеніе, измѣнивши въ немъ кое что ¹⁾. Виссаріонъ и его единомышленники повидимому разумѣли подъ этимъ измѣненіемъ замѣну предлога „отъ“ (изъ) предлогомъ „черезъ“, потому что на вопросъ противниковъ, какое измѣненіе могутъ они имѣть въ виду, Виссаріонъ и Исидоръ начали доказывать тождество предлога „черезъ“, употребляемаго восточными отцами, съ предлогомъ „изъ“ (=отъ), употребляемымъ западными ²⁾. Маркъ отрицалъ это тождество, и потому между нимъ съ одной стороны и Виссаріономъ, Исидоромъ и Григоріемъ протосинкелломъ съ другой—завязался горячій споръ (*καὶ πρὸς λόγος καὶ ἄγὼν ἐγένετο περὶ ταύτης*) ³⁾, возобновившійся и въ слѣдующія собранія грековъ ⁴⁾. Формула латинянъ не была принята; большинство грековъ продолжало стоять за обоюдныя формулы и даже намѣтило въ главныхъ чертахъ содержаніе

сравненія его свидѣтельства о первомъ по времени предложеніи грековъ съ свидѣтельствомъ о томъ же Сиропула и автора *Acta graeca*. Впрочемъ, эта неточность можетъ быть поставлена въ вину и Андрея, невѣрно изложившаго сообщеніе Юліана. Вотъ эти предложенія: «*fuit proposita alia (via), quod illi (греки) confiterentur bene tenere, et nos et quod ipsi bene tenerent secundum suum intellectum. Ista via fuit reiecta per nos, quia veritas non capit divisionem... Deinde fuit propositum, ut diffineretur, quod procedit a Patre et a Filio, et a Patre per Filium... Ibid., col. 980.*

¹⁾ Ἐὰν ἐναλλάξωμέν τι τῶν ἐγχειμένων αὐτῇ οὐ δεξώμεθα αὐτήν—*Συροποουλος*, VIII, 14, pag. 237.

²⁾ *Συροποουλος*, *ibid.*

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Ibid.*, VIII, 15, p. 239.

новой формулы, которую предполагалось представить латинянам¹⁾. Въ комиссіи, которая была образована для редактированія такой формулы и которая состояла изъ Виссаріона, Исидора, Гемиста, Схоларія и великаго хартофилакса, была предложена Схоларіемъ формула, гдѣ, правда, греческое ученіе объ исхожденіи Св. Духа было изложено словами отцовъ, но все же непрямо дѣлались латинянамъ значительныя догматическія уступки²⁾. Виссаріонъ съ Исидоромъ одобрили эту формулу; одобрена была она большинствомъ голосовъ и на греческомъ соборѣ и затѣмъ передана латинянамъ. Послѣдніе не пошли однако и на эту сдѣлку: они потребовали или разъясненія различныхъ неопредѣленныхъ и двусмысленныхъ выраженій въ греческой формулѣ (что, разумѣется, не повело бы ни къ чему полезному въ практическомъ отношеніи), или простаго принятія латинской формулы³⁾. Такимъ образомъ и эта попытка не удалась, и вслѣдствіе того почти всѣ греки, въ томъ числѣ повидимому и нѣкоторые радѣтели униі, начали серьезно думать объ отъѣздѣ⁴⁾. Что же дѣлалъ въ эту пору Виссаріонъ? „Не проходило дня, говоритъ Сиропуль⁵⁾, когда бы Русскій, Никейскій и великій протосинкеллъ не сходились для тайныхъ совѣщаній“. Сиропуль и самъ не говоритъ и никакихъ слуховъ не передаетъ о томъ, что было предметомъ этихъ совѣщаній. Но результатъ ихъ скоро самъ собою открылся: 27-го мая Виссаріонъ вмѣстѣ съ Исидоромъ и епископами лакедемонскимъ и митиленскимъ заявили императору, что если послѣдній не соединится съ латинянами, то они соединятся⁶⁾. Еще недавно императору повидимому приходилось, какъ говорится, подталкивать членовъ со-

¹⁾ Συροποῦλος, VIII, 16, p. 242—243.

²⁾ Ibid., VIII, 16, p. 243; Harduin, IX, 380. E.

³⁾ Συροποῦλος, VIII, 19, pag. 245—247; Harduin, IX, 381.

⁴⁾ Mansi, XXXI, 976. E и 977. A; Harduin, IX, 381. C. Д. и дал. Не забудемъ, что это пишетъ вообще расположенный въ униі человекъ.

⁵⁾ Συροποῦλος, IX, 2, pag. 250.

⁶⁾ ἐὰν ἡ βασιλεία σου οὐ θέλει ἐνωθῆναι, ἡμεῖς ἐνούμεθα — Harduin, IX, 389. A; Mansi, XXXI, col. 985. E.

бора въ униі; теперь обстоятельства и роли перемѣнились: назван-
ныя выше лица сами производили давленіе на царя ¹⁾).

Какъ видимъ, Виссаріонъ со своими единомышленниками на-
чалъ теперь съ царемъ ту же систему застращиваній, которую
практиковалъ дотолѣ одинъ царь. Разсчетъ партіи Виссаріона ока-
зался вѣрнымъ: царь еще съ большимъ, чѣмъ прежде рвеніемъ сталъ
хлопотать объ униі ²⁾). Весьма вѣроятно также, что благодаря от-
части именно ихъ соединеннымъ усиліямъ, въ ближайшихъ послѣ
указаннаго событія засѣданіяхъ грековъ ³⁾ было принято чрезвы-
чайно важное рѣшеніе: признавать творенія западныхъ отцовъ, на
которыхъ ссылались латиняне, подлинными и принимать ихъ въ
томъ видѣ, въ какомъ имѣютъ ихъ сами латиняне ⁴⁾); а этимъ
рѣшеніемъ уже предполагалось принятіе и латинскаго ученія, какъ
дѣйствительно и случилось. Роль Виссаріона на этихъ собраніяхъ
была очень видная. Онъ прочиталъ изъ писаній восточныхъ отцовъ
мѣста, подтверждающія латинское ученіе объ исхожденіи Духа и отъ
Сына. Сиропулъ утверждаетъ, что онъ читалъ ихъ внѣ связи,
безъ начала и конца мысли ⁵⁾). Очень возможно, что Виссаріонъ
дѣйствительно дѣлалъ это. Въ это и вообще въ послѣднее время
онъ видимо спѣшилъ съ унией и рѣшительно выходилъ изъ себя,

¹⁾ Harduin *ibid.* ἀλλὰ τούτων (т. е. императора) ἡνάγκασαν περὶ τῆς ἐνώσεως; Mansi, 935. E: ἀλλὰ καὶ πολλὰ τούτων ἡνάγκασαν περὶ τῆς ἐνώσεως; такъ же точно и въ римскомъ изданіи 1864 г. За отсутствіемъ критическаго аппарата въ изданіяхъ актовъ невозможно отдать предпочтеніе которому либо изъ этихъ чтеній. Въ подтвержденіе втораго чтенія можно лишь указать на старыи латинскій переводъ Кариофала: *sed multos etiam ei stimulos admoverunt ad conficiendam unionem*—Harduin, IX, 390. A.

²⁾ ταῦτα ἀκούσας ὁ βασιλεὺς, ἐδειλίασε τὴν στάσιν αὐτῶν, καὶ δὴ ἤρξατο τὴν ὁρμὴν τῆς ἐνώσεως—Harduin, 389. A.

³⁾ 28-го и 29-го мая, по свидѣтельству автора «Acta graeca».—Harduin, IX, 389. 392.

⁴⁾ Harduin, IX, 389. 392; Συροπούλος, IX, 3, 253.

⁵⁾ Συροπούλος, IX, 7, pag. 258; ср. Hard. IX, 389. Замѣтимъ при этомъ къ слову, что Виссаріонъ въ разсматриваемое время повидимому занимался у себя на дому и изученіемъ актовъ соборныхъ. См. Συροπ., IX, 4 254. Ср. еще Goethe, 188.

когда кто нибудь начиналъ колебаться даже относительно тѣхъ уступокъ, которыя уже сдѣлалъ латинянамъ ¹⁾. Само собою разумѣется, что ни въ чемъ не уступавшаго Марка онъ теперь совсѣмъ терпѣть не могъ ²⁾.

Согласіе большинства грековъ на унію однако еще не было обезпечено. Лишь послѣ того, какъ патріархъ воспользовался своимъ личнымъ вліяніемъ на нѣкоторыхъ епископовъ ³⁾, — послѣ того, какъ Исидоръ устроилъ богатое угощеніе для однихъ епископовъ и здѣсь выманилъ у нихъ согласіе ⁴⁾, а императоръ разными обѣщаніями привлекъ на сторону уніи другихъ ⁵⁾, — только послѣ этого благоприятный исходъ окончательнаго голосованія былъ обезпеченъ ⁶⁾.

Но оставались еще другіе пункты разностей. Чтобы легче уладить дѣло, императоръ, можетъ быть по совѣту Виссаріона, Исидора и Григорія ⁷⁾, представилъ веденіе предварительныхъ переговоровъ депутатамъ, расположеннымъ къ уніи ⁸⁾. Въ числѣ ихъ былъ и Виссаріонъ. При такомъ составѣ депутатовъ уступки латинянамъ были неизбѣжны. Онѣ и были сдѣланы. Прежде всего по вопросу о хлѣбѣ для евхаристіи депутаты признали безразличнымъ употребленіе кваснаго или прѣснаго хлѣба ⁹⁾. Еще болѣе важную уступку сдѣ-

¹⁾ Въ одномъ изъ собраній грековъ, рассказываетъ Сиропуль (IX, 5, 255), εἶπεν ὁ Πρακλείας ὅτι καλὸν ἂν ᾖν εἰ παρεῖχετε ἡμῖν τὴν ἐκθεσίαν ἣν ἐστείλατε τοῖς Λατίνοις. ἀπλὴ γὰρ μόνον ἠκούσαμεν αὐτήν. ἔδει δὲ πλεονάκις ἰδεῖν καὶ σκέψασθαι περὶ αὐτῆς. καὶ εὐθὺς ἔφη ὁ Νικαίας, ὅτι αἰσχρὴν ἔσται τοῦτ' ὑμετέρα, τὸ δόξαι, ὡς ἠκούσατε μὲν, ἐπελάθεσθε δὲ ταύτης. οὐ γὰρ δεῖ ὑμᾶς οὕτως ἐπιλανθάνεσθαι τῶν λεγομένων καὶ ἀκουομένων ἐνθάδε. Καὶ οὕτως ἀπερράπισε καὶ παρεκρούσατο τὸν λόγον τοῦ Πρακλείας.

²⁾ См. чрезвычайно характерную сцену между Маркомъ и Виссаріономъ у Сиропуля IX, 6, 257.

³⁾ Συροπουλος, IX, 8, pag. 260.

⁴⁾ Ibid. pag. 261.

⁵⁾ Ibid. pag. 261—262.

⁶⁾ Harduin, IX, 400—401.

⁷⁾ Ср. Συροп., X, I, 277.

⁸⁾ Harduin, IX, 401. E.

⁹⁾ Harduin, IX, 401. E, 404. А. cf. Συροπουλος, V, 2, pag. 114; Макаріѳ, Православно-догматическое богословіе, 1852, т. IV, § 214.

ляли они по вопросу о словахъ пресуществленія. Они признали, что съ произнесеніемъ словъ Спасителя: „примите, ядите“ и проч., хлѣбъ и вино немедленно претворяются въ тѣло и кровь Христову, и что слѣдующая затѣмъ въ греческомъ чиноположеніи молитва о преложеніи относится собственно къ причащающимся: этою молитвою испрашивается, чтобы Духъ Святый сошолъ на приобщающихся и въ нихъ содѣлалъ хлѣбъ тѣломъ Христовымъ, а вино—кровію, дабы освященные дары были имъ въ очищеніе души и въ оставленіе грѣховъ, а не въ судъ или осужденіе ¹⁾. Уклончиво и неясно, а потому и не вполне противно ученію своей церкви, высказались депутаты по вопросу о чистилищѣ ²⁾. Правда, день спустя они сами лично повидимому готовы были уступить латинянамъ по этому вопросу ³⁾; но за то въ чести ихъ нужно сказать, что они, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, съ большой энергіей и съ большой свободой протестовали противъ папскихъ привилегій и въ частности противъ права папы — дѣлать прибавки къ символу ⁴⁾. Къ сожалѣнію, и по этому вопросу они впоследствии уступили, и имъ принадлежитъ нелестная заслуга—добиться отъ императора и грековъ согласія на полную почти уступку латинянамъ и по этому пункту ⁵⁾, всего ощутительнѣе затрогивавшему интересы грековъ и—какъ показало время—послужившему однимъ изъ главнѣйшихъ псевдо-каноническихъ основаній для ученія о непогрѣшимости и главенствѣ папы ⁶⁾.

¹⁾ Harduin, IX, 404.

²⁾ Ibid.

³⁾ Mansi, XXXI, col. 1008. В; ср. 1003. Е. 1004. Е.

⁴⁾ Mansi. XXXI, 1008. А. В.

⁵⁾ Ibid., col. 1023.

⁶⁾ Виссаріону, какъ и другимъ уніанстамъ, разумѣется, и въ голову не приходило, какіе выводы сдѣлаетъ изъ ихъ опредѣленія ватиканскій соборъ при Піѣ IX. Если бы они могли предугадать это, то безъ всякаго сомнѣнія были бы гораздо осторожнѣе въ своихъ уступкахъ латинянамъ: догматъ папской непогрѣшимости и имъ, какъ и всякому не воспитанному въ возрѣвнѣхъ запада челоуѣку, долженъ былъ показаться не инымъ чѣмъ, какъ возмутительнымъ и нетерпимымъ кощунствомъ.

Какую роль игралъ собственно Виссаріонъ въ вышеуказанныхъ переговорахъ, опредѣлить трудно. Можно сказать лишь то, что онъ былъ вполне согласенъ съ вышеприведенными заявленіями или—точнѣе — мнѣніями греческихъ делегатовъ. Тоже слѣдуетъ сказать и о послѣдовавшихъ затѣмъ заявленіяхъ нѣкоторыхъ грековъ, о которыхъ рассказываетъ авторъ *Acta graeca*. Послѣ смерти патріарха Іосифа, папа—читаемъ въ актахъ ¹⁾ — призвалъ къ себѣ Исидора русскаго, Виссаріона никейскаго и Дороея митиленскаго и вновь поставилъ вопросъ о разностяхъ. Названныя лица дали такой отвѣтъ: „Соборомъ восточныхъ мы не уполномочены отвѣчать на это; но частнымъ образомъ, лично отъ себя самихъ, мы говоримъ на это слѣдующее: квасный хлѣбъ преданъ намъ отцами, такъ же какъ и опрѣсноки у васъ, и то и другое да будетъ безразлично. Что же касается чистилища, то не ради его мы раздѣлились, и разсуждать объ этомъ теперь нѣтъ нужды; пусть произойдетъ соединеніе, и тогда разсудимъ и объ этомъ. Относительно главенства папы говоримъ: пусть папа послѣ соединенія пользуется тѣмъ, что ему по праву принадлежитъ. Что касается прибавки къ символу, то сами мы никогда не примемъ ея, но дозволяемъ вамъ имѣть ее въ вашихъ церквахъ, только не въ восточныхъ,—и говоримъ, что этой прибавкой вы разъяснили символъ подъ давленіемъ необходимости, и не говоримъ, что выраженіе „отъ Сына“ содержитъ иную вѣру или есть какая нибудь прибавка въ собственномъ смыслѣ: оно благочестиво и есть разъясненіе нашего символа; и оба символа благочестивы и по смыслу тождественны, и влѣдствіе того символъ можетъ читаться въ римской церкви такъ, какъ вы читаете, а въ восточной такъ, какъ мы читаемъ,—и на этихъ условіяхъ пусть состоится соединеніе ²⁾. Что же касается тайнъ тѣла и крови Гос-

¹⁾ *Harduin*, IX, 408; *Mansi*, XXXI, 1009.

*καὶ εἰς τὰ σύμβολα ἀμφοτέρα εὐσεβῆ, καὶ ὁμονομημένα λέγεσθαι ἐν τῇ τῶν Ῥωμαίων ἐκκλησίᾳ καθὼς ὑμεῖς λέγετε, καὶ ἐν τῇ ἀνατολικῇ καθὼς αὐτοὶ ὑμεῖς λέγετε, καὶ οὕτω γενέσθω ἡ ἔνωσις—**Hard.* IX, 408.

подней, то исповѣдуемъ, что они совершаются словами Господними, хотя мы и дѣлаемъ потомъ особое призываніе въ словахъ: да будутъ хлѣбъ и вино тѣломъ и кровію Христа“¹⁾). Какъ видишь, греческіе делегаты по нѣкоторымъ пунктамъ разностей высказали свое полное согласіе съ латинянами, по другимъ выразились уклончиво; однако самая эта уклончивость, свидѣтельствуя объ ихъ дипломатическихъ способностяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ въ нихъ людей, способныхъ уступить и здѣсь. Правда, чрезъ нѣсколько времени Виссаріонъ, по порученію императора, велъ еще пренія съ Іоанномъ изъ Рагузы по вопросу о власти папы²⁾); но ближайшія событія показали, что эти пренія были едва ли не одной простой формальностью.

Этотъ послѣдній періодъ въ исторіи флорентійскаго собора, т. е. періодъ двусмысленныхъ формулъ и полуофициальныхъ переговоровъ грековъ съ латинянами, обнимаетъ время, когда на образѣ дѣйствій Виссаріона лежитъ печальная тѣнь. Если прежде, когда обсуждался вопросъ объ восхожденіи Св. Духа, онъ въ своихъ дѣйствіяхъ могъ руководиться убѣжденіемъ, и это обстоятельство въ сильной степени извиняло нѣкоторыя его сами по себѣ не особенно красивыя дѣйствія по отношенію къ другимъ членамъ собора, то здѣсь, въ этихъ переговорахъ и сдѣлкахъ, онъ едва ли могъ руководиться исключительно убѣжденіемъ. Мы еще можемъ допустить, что вопросы о чистилищѣ и словахъ пресуществленія, по ихъ невыясненности въ сознаніи самихъ грековъ, онъ могъ не считать существеннымъ препятствіемъ въ уніи. Но что сказать объ его уступкѣ притязаніямъ папства? Объ убѣжденіи въ основательности этихъ притязаній не можетъ быть и рѣчи: для всякаго грека, если только онъ не возросъ на западѣ и не воспитался въ тамошнихъ понятіяхъ, подобныя притязанія были величайшей нелѣпностью.

¹⁾ Harduin, IX, 408. В. С.

²⁾ См. довольно подробный, хотя и не всегда ясный отчетъ объ этомъ въ Acta latina—Harduin IX, 967 sqq.

И однако усиліями его вмѣстѣ съ немногими другими ¹⁾ сдѣлано было то, что греки признали папу намѣстникомъ Христа, пастыремъ и учителемъ всѣхъ христіанъ. Мало того: Виссаріонъ, какъ и его единомышленники, не только уступалъ требованіямъ латинянъ (что было бы еще хотя сколько-нибудь извинительно), но даже повидимому поддерживалъ латинянъ въ этихъ требованіяхъ. Изъ изложенія Сиропула ²⁾ слѣдуетъ, что Виссаріонъ съ Исидоромъ дали поводъ латинянамъ особенно усиленно настаивать на внесеніи въ соборное опредѣленіе особаго пункта о томъ, что папа можетъ принимать апелляціи на царя и патріарховъ. Значить они по меньшей мѣрѣ поддерживали латинянъ въ этихъ ихъ требованіяхъ и дѣлали ихъ болѣе смѣлыми. На это даже открыто жаловался самъ императоръ; а онъ больше всѣхъ заинтересованъ былъ въ заключеніи уніи. „Если бы, говорилъ онъ, наши не подстрекали латинянъ, то послѣдніе не говорили бы и не желали этого; я даже знаю, кто ихъ подстрекаетъ къ этому“ ³⁾. Изъ сопоставленія съ вышеприведенными словами самого Сиропула нетрудно догадаться, кто были эти горячіе защитники дѣла латинянъ. О томъ, что могло побуждать Виссаріона къ такому образу дѣйствій будетъ сказано ниже.

VII.

Переговоры были кончены; оставалось только на основаніи отдѣльных постановленій по частнымъ пунктамъ, составленныхъ прежде, написать общее соборное опредѣленіе. Въ организованную для этой цѣли комиссію вошелъ, какъ это само собою разумѣется, и Виссаріонъ. Въ формулировкѣ декрета онъ принималъ весьма живое участіе ⁴⁾. Нельзя при этомъ не отмѣтить слѣдующаго ха-

¹⁾ Mansi, XXXI, 1020. A. B.

²⁾ Συροπουλος, X, 3, pag. 281.

³⁾ εἰ οὐκ εἶχον οἱ λατίνοι τὰς εἰσηγήσεις παρὰ τῶν ἡμετέρων, οὐκ ἂν ἔλεγον οὐδὲ ἐζήτουν τὰ τοιαῦτα. Ἐγὼ δὲ οἶδα καὶ τινες εἰσὶν οἱ ἐρετίζοντες ἐκείνους. Συροπουλος, X, 3, pag. 281.

⁴⁾ Συροπ., p. 281; ср. Vast, 104 и Goethe, 141.

рактернаго случая. Виссаріонъ съ Исидоромъ предлагали грекамъ прибавить въ концѣ опредѣленія отлученіе и анаѣму на тѣхъ, кто не приметъ опредѣленія или будетъ противиться ему ¹⁾. Сопоставляя это предложеніе съ послѣдовавшей за ней перебранкой между Исидоромъ и протосинкелломъ ²⁾, мы вправѣ повидимому думать, что это предложеніе сдѣлано было въ надеждѣ на то, что Исидоръ займетъ константинопольскій патриаршій престолъ, и съ цѣлью заранѣе снабдить его полномочіемъ для борьбы съ врагами уніи. Такимъ образомъ Виссаріонъ съ Исидоромъ хотѣли испробовать рѣшительныя и крутыя мѣры для обезпеченія судьбы уніи на востокѣ, — хотѣли смѣлой, хотя и рискованной мѣрой запугать православныхъ. Планъ ихъ однако не былъ поддержанъ, судя по изложенію Сиропула, ни однимъ изъ грековъ, хотя тамъ были очень энергичные сторонники уніи; и это понятно: подписавъ опредѣленіе, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, каждый отлично понималъ, что онъ и безъ того приготовилъ для себя въ Греціи, по возвращеніи туда, не малыя непріятности, особенно на первыхъ порахъ; подвергнуть же прямой анаѣмѣ всѣхъ противниковъ уніи въ Греціи значило сдѣлать свое положеніе тамъ совершенно невозможнымъ, нестерпимымъ. И такъ предложеніе Виссаріона и Исидора было отвергнуто, но за то оно дало имъ еще большее право на признательность римскаго престола.

Вслѣдствіе рѣшительнаго отказа грековъ вносить въ соборное опредѣленіе что нибудь о словахъ пресуществленія, латиняне потребовали, чтобы греки по крайней мѣрѣ устно изложили свое (разумѣется, согласное съ латинскимъ) ученіе о словахъ и времени пресуществленія. Это требованіе было исполнено теперь, предъ

¹⁾ *Сироп.* X, 5, 284. Справедливость требуетъ впрочемъ замѣтить, что подобное предложеніе, хотя и въ общихъ выраженіяхъ, еще прежде дѣлалъ и Георгій Схоларій. *Migne*, CLX, 413. D.

²⁾ *Сиропулос*, X, 5, pag. 284—286; ср. *Сиропулос*, X, 16, pag. 304—305.

подписаніемъ папою декрета ¹⁾). Изложеніе греческаго ученія было поручено Виссаріону, можетъ быть по его собственному вызову, такъ какъ онъ теперь во всемъ старался играть главную роль. Содержаніе изложенія Виссаріона повидимому ²⁾ было условлено лишь съ императоромъ, да еще можетъ быть съ нѣкоторыми изъ близкихъ людей, и оставалось тайною для всѣхъ остальныхъ грековъ. Судя по официальной латинской записи ³⁾, Виссаріонъ высказалъ слѣдующее: „такъ какъ въ предшествующихъ собраніяхъ нашихъ между другими нашими разноствями возникло сомнѣніе и относительно освященія таинства евхаристіи, и такъ какъ нѣкоторые подозрѣвали, что мы и церковь наша не вѣруемъ, что это драгоценнѣйшее таинство совершается словами Спасителя Господа нашего І. Христа, — по этой причинѣ мы находимся теперь предъ лицомъ вашего блаженства и предъ всѣми другими, здѣсь стоящими, принадлежащими къ святой римской церкви, — для удостовѣренія вашего блаженства (*vestram beatitudinem*) и другихъ отцовъ и господъ, здѣсь присутствующихъ, относительно этого сомнѣнія, и говоримъ кратко: мы пользовались писаніями и изре-

¹⁾ По словамъ Сиропула (X, 9, 294, ср. 292), соборное опредѣленіе было подписано сначала греками, потомъ латинянами, при чемъ первые подписались подъ греческимъ текстомъ декрета, представлявшаго родъ диптиха, послѣдніе же подъ латинскимъ текстомъ. См. Goethe, 24 и др. Этотъ оригиналъ декрета хранится во Флоренціи (Goethe, 21 и сл.). Декретъ былъ подписанъ обѣими сторонами 5-го іюля. (Разъясненіе противорѣчій по этому предмету между документальными данными см. у Goethe, 29 и слѣд.). Изъ числа грековъ, имѣвшихъ право на подпись (Сироп. X, 6—7) не подписались подъ декретомъ Маркъ Ефесскій, которому императоръ не только позволилъ это, но и далъ слово позаботиться о безопасномъ возвращеніи его въ Грецію (Сироп. X, 5, 284), — затѣмъ митрополитъ ставропольскій Исаія, въ рѣшительную минуту бѣжавшій изъ Флоренціи (*ibid.*, X, 8, 292; ср. XI, 1, 313), — иверійскій епископъ (*ibid.*, IX, 12), еще раньше оставившій Флоренцію, — наконецъ братъ царя, деспотъ Димитрій (Сироп., IX, 11, 263). Къ числу этихъ лицъ слѣдуетъ, можетъ быть, причислить и брата Марка, номофиакса Іоанна Евгеника (ср. Goethe, 43, 63, 64 и 65).

²⁾ Συροπουλος, X, 8 pag. 293.

³⁾ Mansi, XXXI, col. 1045 sqq; ср. Συροπουλος, X, 8, 293.

ченіями святыхъ отцовъ, сознавая и замѣчая слабость человѣческаго ума; мы хотимъ держаться изреченій и соображеній святыхъ мужей, оставивъ человѣческія измышленія. Посему-то, блаженнѣйшій отецъ, какъ во всемъ другомъ мы опирались на авторитетъ св. отцовъ, имъ же мы пользуемся и въ настоящемъ сомнѣніи. И такъ какъ отъ всѣхъ святыхъ учителей церкви, особенно же отъ блаженнѣйшаго Іоанна Златоуста, всего болѣе извѣстнаго намъ, мы слышимъ, что слова Господни суть то, что превращаетъ и пресуществляетъ хлѣбъ и вино въ истинное тѣло и кровь Христову, и что эти божественныя слова Спасителя имѣютъ всю силу пресуществленія, то мы по необходимости слѣдуемъ святѣйшему учителю и его мысли. Мы сказали кратко и достаточно объ этомъ вопросѣ, и объявляемъ вашему блаженству наши мысли¹⁾.

Нельзя не отдать чести Виссаріону, что онъ ловко избѣгъ необходимости сознаться, что въ этомъ пунктѣ греки собственно уступаютъ латинянамъ²⁾. Онъ даже и начинаетъ прямо, съ большимъ достоинствомъ, съ указанія на то, что греки вообще и во всемъ руководятся не человѣческими измышленіями, а богодухновенными писаніями отцовъ и учителей; этими писаніями они руководятся и въ данномъ случаѣ. Но этого мало: Виссаріонъ весьма удачно, какъ бы къ слову, сумѣлъ высказать, что и греческое ученіе не лишено основанія. Правда, въ приведенномъ оффиціальномъ изложеніи Виссаріоновыхъ мыслей мы не находимъ ничего такого; здѣсь — полное и безусловное, безъ всякихъ ограниченій, согласіе съ Римомъ. Мы однако имѣемъ кажется основаніе думать, что латинское изложеніе, хотя оно и оффиціальное, не точно. Это основаніе —

¹⁾ Ср. передачу этого заявленія Виссаріона въ *Acta latina*, *Har d.*, IX, 983—984.

²⁾ По изложенію Сиропула, Виссаріонъ какъ будто сознался и въ этомъ. Но въ виду того, что еслибы такое сознание было дѣйствительно сдѣлано, латиняне въ оффиціальной записи навѣрное отмѣтили бы это пріятное для нихъ обстоятельство, мы полагаемъ, что Сиропулъ здѣсь не вполне точенъ. Изложеніе въ *Acta latina* (*Har duin*, IX, 983—984) также не подтверждаетъ Сиропула.

слѣдующее: Сиропуль ¹⁾, изложивши общее содержаніе Виссаріонова отвѣта, продолжаетъ: „οὗτος μὲν ἦν ὁ σκοπὸς τῶν λόγων τοῦ Νικαίας. Ἐπλάτουμε δὲ τούτους μετὰ φιλοτιμίας καὶ φράσεως ῥητορικῆς“. Думается, что Сиропуль не выразился бы такимъ образомъ, если бы Виссаріонъ сказалъ лишь столько, сколько читаемъ въ латинской записи. А главное—то, что Сиропуль приводитъ еще мысль, какъ такую, которую высказалъ Виссаріонъ именно при этомъ случаѣ, но которой мы не находимъ въ латинской записи. Не довѣрять Сиропулу мы не можемъ, такъ какъ 1) онъ самъ присутствовалъ при этомъ, 2) не могъ изъ недоброжелательства къ Виссаріону ясно изложить простой какой нибудь намекъ Виссаріона, такъ какъ эта Виссаріонова мысль служить въ чести Виссаріона, какъ защитника греческихъ интересовъ ²⁾. Мысль эта слѣдующая: „но мы говоримъ, что и пресвитеръ содѣйствуетъ этому (т. е. пресуществуенію), подобно тому, какъ земледѣлецъ своимъ уходомъ способствуетъ произращенію плодовъ земныхъ“. Нельзя не видѣть, что здѣсь содержится значительное ограниченіе прежде высказанныхъ Виссаріономъ мыслей и—можетъ быть даже—прикровенное и нерѣшительное признаніе справедливости, хоть до нѣкоторой степени, и греческаго ученія.

Но вотъ, къ сожалѣнію, фактъ совершенно иного рода. Около этого же времени Сиропуль отмѣчаетъ слѣдующій характерный случай. Императоръ велѣлъ передать папѣ свое желаніе, чтобы въ день торжественнаго провозглашенія уніи, послѣ латинской литургіи, сряду же была совершена греческая литургія въ присутствіи папы, всѣхъ латинянъ и грековъ. Цѣль, которую при этомъ имѣлъ въ виду императоръ, заключалась въ томъ, „чтобы въ присутствіи и

¹⁾ Συροπουλος, X, 8, pag. 293.

²⁾ Что касается до пропуска этой мысли въ латинской записи, то это очень понятно; эта мысль не могла нравиться латинянамъ и только ослабляла впечатлѣніе предшествующихъ мыслей. Указать на пропускъ было некому: греки не подписывали этого протокола. Кстати замѣтимъ, что нѣчто подобное находится и въ записи Андрея de S. Cruce (Hard., IX, 984. A.).

папы, и всѣхъ окружающихъ его и латинскаго народа былъ прочтенъ святой символъ безъ прибавки, чтобы узнали и они нашу литургію,—и послужить это въ честь намъ“ (*καὶ ἔσται τοῦτ' εἰς τιμὴν ἡμῶν*)¹⁾. Другими словами, императоръ добивался отъ латинянъ фактическаго и публичнаго признанія равноправности грековъ съ латинянами. Хотя это требованіе было не вполнѣ исполнимо даже со стороны грековъ (такъ какъ не всѣ они согласились бы добровольно совершить православную литургію въ католическомъ храмѣ, какъ это и случилось потомъ по другому поводу)²⁾,—все же желаніе императора въ принципѣ и по цѣли можно было лишь одобрить. Судя по разсказу Сиропула, другіе греки повидимому не возражали противъ намѣренія царя; но Исидоръ и Виссаріонъ сразу же показали свое желаніе—затормозить это дѣло. „Латиняне“—говорили они императору—„хотятъ (въ этотъ день) совершить молебенъ (*λιτανεῦσαι*),—затѣмъ пѣтъ гимнъ Духу Утѣшителю (*εἶτα ὄμνον παρακλήσεως ᾄσαι*) и затѣмъ уже совершать литургію; за всѣмъ этимъ время (и безъ того) протянется дальше полдень, и папа, не будучи въ силахъ вынести такой трудъ, естественно воспрепятствуетъ совершенію нашей литургіи. Поэтому лучше было бы отложить нашу литургію до слѣдующаго дня“³⁾. Нельзя не удивляться, съ какимъ спокойствіемъ и увѣренностью, какъ о дѣлѣ само собою понятномъ, толкуютъ Виссаріонъ и Исидоръ о предполагаемой отмінѣ греческой литургіи папою⁴⁾; нельзя не удивляться и тому, съ какой внимательностью, поистинѣ достойной лучшаго дѣла, относятся они къ усталости папы, которая однако не помѣшаетъ ему не пропустить ни одной частности латинскаго крайне сложнаго обряда. Какъ видимъ, Виссаріонъ со дня на день больше и больше забывалъ свою связь съ греками и за-

¹⁾ Συροπούλος, X, 6, pag. 286—287.

²⁾ Συροπούλος, XI, 2, 315 sqq.

³⁾ Συροπούλος, X, 6, pag. 286.

⁴⁾ Ср. Συροπούλος; X, 11. Можетъ быть Виссаріонъ даже положительно зналъ намѣренія папы?

боту объ ихъ интересахъ. Онъ уже почти представитель латинскихъ интересовъ въ средѣ грековъ.

Сиропулъ сохранилъ еще другой, также въ своемъ родѣ довольно характерный случай. Въ день подписи опредѣленія папою, послѣдній объявлялъ собравшимся грекамъ о дошедшемъ до него желаніи нѣкоторыхъ изъ грековъ приобщиться св. таинъ за латинской литургіей, таковыя—замѣтилъ папа—должны надлежащимъ образомъ приготовиться къ этому ¹⁾. Въ послѣднее время, какъ мы видѣли, Виссаріонъ въ сношеніяхъ съ латинянами постоянно находится на первомъ планѣ и даже самъ старается выдвинуться впередъ. Очень естественно, что и теперь онъ счелъ своей пріятной обязанностью отвѣтить на безтактное въ сущности и оскорбительное для греческихъ епископовъ предложеніе папы. И вотъ что отвѣтилъ онъ: „наши (οἱ ἡμετέροι) воздерживаются всегда и съ осторожностью проводить всю свою жизнь. Теперь же они выслушали то, что повелѣло твое блаженство, и если кто пожелаетъ приобщиться (за латинской литургіей), тотъ приготовится къ этому съ еще большей внимательностью“ ²⁾. Видѣть въ этомъ отвѣтѣ простую деликатность мы едва ли вправѣ.

Замѣчено, что въ послѣднее время собора Виссаріонъ былъ если не главнымъ, то однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей и устройствелей уніи. Очень естественно поэтому, что ему была поручена, по его бытію можетъ собственному вызову, главная роль съ греческой стороны и на заключительномъ актѣ соборныхъ совѣщаній, 6-го іюля, именно торжественное чтеніе соборнаго опредѣленія въ кафедральной церкви Флоренціи, официальный вопросъ къ присутствующимъ грекамъ о томъ, угодно ли имъ прочитанное опредѣленіе и затѣмъ официальное лобзаніе съ читавшимъ это опредѣленіе по латыни кардиналомъ Юліаномъ, въ знакъ полного мира церквей ³⁾.

¹⁾ Συροπούλος, X, 9, 294.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Συροπούλος, X, 10; авторъ Acta graeca (Harduin, IX, 429. B) прибавляетъ: καὶ ἡσπασάμεθα τοῦ πάπα τὸ γόνο καὶ τὴν χεῖρα.

У историковъ флорентійскаго собора — Сироцула и авторовъ Acta graeca и latina—Виссаріонъ болѣе не выступаетъ на сцену въ дальнѣйшихъ переговорахъ латинянъ съ греками по поводу разныхъ, болѣе мелкихъ, каноническихъ разностей. Но мы едвали ошибемся, если предположимъ, что послѣ того, чѣмъ былъ Виссаріонъ доселѣ для уніи—онъ и теперь вѣроятно не оставался въ бездѣйствіи, по крайней мѣрѣ по двумъ пунктамъ спора: изъ-за расторженія браковъ и изъ-за избранія константинопольскаго патріарха; не вѣроятно, что онъ принималъ участіе въ формулировкѣ отвѣтовъ грековъ и по другимъ спорнымъ пунктамъ, хотя самыя эти отвѣты официально дѣлалъ еп. митиленскій ¹⁾.

VIII.

Послѣ подписи, 20 и 21 іюля, четырехъ копій ²⁾ съ оригинальнаго декрета, Виссаріонъ вмѣстѣ съ другими греками оставилъ Италію и чрезъ Венецію возвратился въ Константинополь ³⁾. Но онъ покинулъ Италію не навсегда, и есть большія основанія думать, что онъ былъ почти увѣренъ, что возвратится туда. И вотъ здѣсь-то находится ключъ къ пониманію чрезвычайно рѣшительнаго и, какъ мы видѣли, необъяснимаго изъ другихъ, извѣстныхъ намъ, причинъ поведенія Виссаріона въ послѣдній періодъ собора.

Еще задолго до собора ⁴⁾ знаменитый и весьма вліятельный въ куріи Амвросій Траверсари, между другими средствами для устройства и упроченія уніи, рекомендовалъ слѣдующее: возвести въ

¹⁾ Mansi, XXXI, 1041; Συροπούλος, X, 14.

²⁾ Mansi, XXXI, 1044; Harduin, IX, 433; Συροπούλος, X, 17; ср. Yast, 109; Goethe, 16—17 и др.; ср. 27.

³⁾ Книги, привезенныя греками съ собою на соборъ, остались, по словамъ Бандина, во Флоренціи и поступили въ бібліотеку Козмы Медичи. A. M. Bandinus — Catalogus cod. mss. bibl. Mediceae Laurentianae. Flor. 1764, praef., p. 10.

⁴⁾ Нижеприводимое письмо не имѣетъ даты въ изданіи Мартеня, которымъ мы пользовались, Goethe (s. 155) относитъ его въ сентябрю 1437 года.

санъ кардиналовъ достойнѣйшихъ изъ грековъ ¹⁾. Эта мысль вліятельнаго Амвросія не могла умереть. Безъ всякаго сомнѣнія она выплыла гораздо раньше декабря 1439 года, и по всей вѣроятности въ ту именно пору, когда дѣло уніи видимо затягивалось или во всякомъ случаѣ не такъ быстро подвигалось, какъ то желательно было папѣ и какъ это было въ его даже денежныхъ интересахъ. Для ускоренія дѣла очень важно было имѣть въ средѣ грековъ людей, которые имѣли бы особенный интересъ радѣть объ уніи. Виссаріонъ скорѣе можетъ быть, чѣмъ кто либо другой, могъ при этомъ броситься на глаза умнымъ вожакамъ уніи со стороны латинянъ: онъ былъ вліятеленъ между греками, уменъ, либераленъ и честолюбивъ, едва ли не болѣе чѣмъ кто либо другой. Очень естественно, что выборъ латинянъ палъ на Виссаріона, — и вотъ разгадка той рѣшительности, съ которой Виссаріонъ въ послѣдній періодъ собора во Флоренціи хлопочетъ о заключеніи уніи съ латинянами. Мы не можемъ съ увѣренностью сказать, что уже въ ту пору латиняне прямо обѣщали Виссаріону кардинальство; они могли просто говорить ему, что курія не забудетъ его услугъ и что въ случаѣ, если его хлопоты навлекутъ ему у своихъ какія нибудь непріятности, Римъ найдетъ средства вознаградить его за всѣ возможныя потери; могли пожалуй давать ему понять, что искренно соединившійся съ Римомъ грекъ, какъ Виссаріонъ, всегда можетъ надѣяться на полученіе достойнаго его поста и въ римской церкви. И этого было бы достаточно, чтобы усилить въ немъ и безъ того сильное желаніе уніи. Но въ концѣ собора и во всякомъ случаѣ послѣ окончанія его, обѣщанія латинянъ несомнѣнно были положительны. Прямаго свидѣтельства мы, правда, не имѣемъ, но это не измѣняетъ дѣла. Прежде всего Виссаріонъ несомнѣнно обѣщаль возвратиться въ Италію. Своимъ бреве отъ 11-го августа

¹⁾ Martene, III, epist. lib. I, ep. 15 (въ изд. Меруса, но цитатъ у Гете, Ep. lib. I, ep. 26): promovendos aliquos ex ipsis (Graecis), qui sint digniores, ad supremi etiam cardinis apicem, habendosque apud te (т. е. у папы) in honore.

1439 года (напечатаннымъ между прочимъ у Васта, стр. 445 — 446 примѣч.), папа Евгеній IV назначаетъ Виссаріону ежегодную пенсію въ количествѣ 300 флориновъ, „пока“ (*quamdiu*) онъ будетъ жить въ Константинополѣ и 600 флориновъ, „когда“ (*cum*) онъ возвратится въ курію (*ad curiam*) ¹⁾. Изъ этого же бреве видно не только то, что Виссаріонъ выразилъ намѣреніе воротиться въ Италію, но и то, что ему обѣщано было какое-то мѣсто въ куріи. Въ бреве читаемъ: „когда же ты возвратишься въ курію ²⁾ и будешь въ ней пребывать, то—чтобы ты былъ въ силахъ жить такъ, какъ того требуетъ епископское достоинство,—предоставляемъ къ выдачѣ тебѣ по 600 флориновъ, въ первый разъ теперь, а затѣмъ—погодю. Построеніе послѣдней фразы даетъ сверхъ того основаніе думать, что моментъ написанія бреве и все послѣдующее время разсматривается какъ одно неразрывное цѣлое. Та-

¹⁾ Отсюда видно, какъ не точно вмѣстѣ съ другими излагаетъ все это Вастъ (р. 445 примѣч.), говоря, что папа назначилъ «à Bessarion une pension de 300 florins s'il...» и проч. И въ другомъ мѣстѣ (гдѣ онъ основывается на томъ же единственномъ бреве): «n'ayant pu le fixer à Rome par la promesse d' une pension...» (р. 126). Французскій изслѣдователь совершенно упускаетъ изъ виду, что въ подлинникѣ говорится въ первомъ случаѣ «*quamdiu*», во второмъ «*cum*» (но не *si*). — Это бреве настолько интересно, что мы приводимъ его почти вполнѣ, съ удержаніемъ орфографіи рукописи, изъ которой оно взято. Вотъ оно: «*Eugenius Venerab. fratri Visiario Archiepiscopo Nicaeno Salutem et Apostolicam benedictionem. Cum nos de tuae circumspeditionis industria prudentiaque, in rebus, sanctam Orientalis et Occidentalis Ecclesiarum unionem concernentibus comprobata, spem conceperimus fiduciamque singulares, quod ea, quae tibi circa haec committenda duxerimus, feliciter prosequeris, teque ob hoc ad huiusmodi negotii prosecutionem feliciter faciendam elegerimus; nos attendentes, ac dignum censentes, quod in vinea Domini laborantes, condigna debent esse provisione fulciti, tibi, ut expensarum opera, quae praemissa occasione subire habes, commodius supportare, quietiusque ac ferventius in re tam salutari et orthodoxae fidei gloriam concernenti, commissi tibi factae intendere valeas, tibi quamdiu in Constantinopoli summam 300 cum vero ad curiam reversus fueris et in eadem moram traxeris, ut statum tuum iuxta Pontificalis dignitatis exigentiam honorabilius ducere valeas, 600 florenorum ex nunc primo, et deinde singulis annis persolvendam reservamus*» и проч.

²⁾ *ad curiam* = въ курію, такъ какъ дальше читаемъ: «*et in eadem moram traxeris*».

кимъ образомъ, хотя и не вполне прямо, здѣсь выражено то, что Виссаріонъ не останется или по крайней мѣрѣ долго не останется въ Константинополѣ.

Отсюда еще пока не видно, что Виссаріону предъ его отъѣздомъ было предложено кардинальство. Но что именно кардинальство было предложено ему и что онъ далъ на него свое согласіе ¹⁾, это представляется вѣроятнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) дѣло совершенно невозможное, чтобы такое важное назначеніе сдѣлалось безъ воли и согласія назначаемаго; прямо или непрямо, но въ его согласіи на такое назначеніе должны были увѣриться; 2) не было никакой причины скрывать отъ Виссаріона предстоящую ему честь; 3) Виссаріонъ былъ назначенъ кардиналомъ по настоянію Доминика Капраники и Юліана Чезарини ²⁾, которые разумѣется не вдругъ пришли къ этой мысли ³⁾. Но мы знаемъ, что Юліанъ былъ довольно близокъ съ Виссаріономъ, и слѣдовательно не могъ скрыть отъ него своего рѣшенія настаивать на возведеніи его въ кардиналы; а это рѣшеніе, при силѣ Юліана, котораго въ этомъ дѣлѣ, безъ сомнѣнія, поддерживалъ и Амвросій, было почти равносильно его исполненію.

И такъ Виссаріонъ отправлялся въ Грецію лишь на время и вѣроятно затѣмъ, чтобы по мѣрѣ силъ содѣйствовать упроченію тамъ уніи. Но пріемъ, сдѣланный уніи и уніатамъ въ Греціи, сразу разсѣялъ всѣ иллюзіи, если такія остались еще въ эту пору у Виссаріона. Впрочемъ онъ все же нѣсколько хлопоталъ объ ут-

¹⁾ Ср. Vast, 126: Le pape Eugène IV... l'avait nommé en son absence et sans le consulter, cardinal—prêtre du titre des Saints Apôtres. Доказательствъ не приведено.

²⁾ Свидѣтельство объ этомъ принадлежитъ Николаю Капраникѣ въ его «oratio funebris Bessarionis», изд. въ Bonav. Malvasia—Compendio storico della basilica di SS. XII Apostoli, Rome 1665,—сочиненіе, которымъ имѣлъ счастье пользоваться Вастъ.

³⁾ Не лишне замѣтить при этомъ, что между 18 декабря, когда Виссаріонъ былъ возведенъ въ достоинство кардинала, и временемъ его отъѣзда изъ Италіи, происходившаго въ октябрѣ (Vast. 115), пространство не большое.

верженіи уніи. Когда, при выборѣ кандидата въ патриарха, епископъ ираклійскій, не смотря на неоднократныя предложенія, отказывался, говоря, что онъ не принимаетъ уніи, а избравшіе его принимаютъ, — „епископы никейскій и митиленскій сказали: такъ какъ мы почтили его, и онъ не хочетъ, и даже уніи не принимаетъ, то излишне принуждать его; приступимъ къ избранію другихъ лицъ“¹⁾). Но это — одно, что отмѣчаетъ Сиропуль²⁾). И совсѣмъ не удивительно, что нашъ историкъ такъ мало говоритъ о Виссаріонѣ: послѣдній вѣроятно совсѣмъ и не ратовалъ съ особенной энергіей на пользу уніи. Это было бы вполне естественно въ виду общаго нерасположенія къ ней въ Греціи. Весьма натурально поэтому, что, съ одной стороны, увидавъ дѣло уніи окончательно проиграннымъ и не надѣясь быть ей полезнымъ, съ другой стороны, получивъ изъ Италіи извѣстіе о назначеніи въ кардинала, онъ могъ не колеблясь и съ возможной быстротой готовиться къ отъѣзду въ Италію. Этотъ отъѣздъ былъ повидимому приблизительно въ маѣ 1440 года³⁾.

¹⁾ εἶπεν ὁ Νικαίας, καὶ ὁ Μιτολήνης· ἐπειδὴ ἠξιώσαμεν αὐτὸν καὶ οὐ θέλει, ἀλλ' οὐδὲ τὴν ἔνωσιν στέργει· περὶ τὸν ἐστὶν ἵνα ἀναγκάσωμεν αὐτόν. *Ἐλθόμεν πρὸς ἐκλογὴν ἑτέρων προσώπων— Συροποῦλος, XII, 3, pag. 334.

²⁾ Что касается другихъ, такъ сказать кабинетныхъ, занятій Виссаріона въ эту пору, то вотъ что онъ самъ говоритъ въ письмѣ къ Филантропину (Migne, CLXI, 325. В. С.): «μετὰ τὴν γενομένην ἀγίαν σύνοδον καὶ τὴν εἰς Κωνσταντινοῦπολιν ἡμῶν ἐπάνοδον, προθέμενος τὰ τῶν ἱρῶν ἐκείνων μονῶν βιβλία πάντα σχεδὸν ἀνιχνεύσαι, ὅσα μὲν νεώτερα καὶ μετὰ τὴν πολλὴν ἔριν γεγραμμένα εὗρον, πάντα περιεχομένον εὗρον ἔχοντα τὸ ῥητόν» (т. е. Василія В.) и проч.

³⁾ У Bardini читаемъ (Migne, t. CLXI, col. XII, cap. 12): «vix in patriam Bessarion redierat cum nuntium accepit se una cum Isidoro Rutheno cardinalem SS. XII Apostolorum fuisse creatum... itaque litteris in Urbem ad novae dignitatis insignia capessenda vocatus, itineri se rursus quanta potuit festinatione commisit. Вастъ (р. 127) повидимому питаетъ нѣкоторое сомнѣніе въ точности этихъ словъ Бardini. Между тѣмъ мы имѣемъ основанія считать ихъ безусловно точными. 1) на прямое путешествіе (безъ ненужныхъ остановокъ) отъ Италіи до Константинополя требовалось немногимъ меньше двухъ мѣсяцевъ (Сυροποῦλος, VI, 5, pag. 149, conf. III, 8, pag. 51). Такимъ образомъ извѣстіе о назначеніи Виссаріона, состоявшееся 18-го декабря 1439 года, могло быть получено около половины февраля 1440 года, т. е. около двухъ недѣль спустя

Мы не имѣемъ документальныхъ данныхъ для сужденія о томъ, съ какими чувствами и мыслями отправлялся Виссаріонъ въ дорогу; но довольно вѣроятныя предположенія относительно этого мы сдѣлать можемъ. Не имѣя основаній особенно идеализовать Виссаріона, мы думаемъ, что, отправляясь изъ Константинополя, онъ прежде всего и больше всего радъ былъ переимѣнить не особенно заманчивую жизнь среди фанатическихъ противниковъ уніи и его самого на жизнь въ средѣ людей, съ радушіемъ встрѣчавшихъ его уже за одно то, что онъ былъ уніатъ. Виссаріонъ не могъ себя чувствовать хорошо въ Греціи; едва ли даже былъ онъ способенъ подавить въ себѣ чувство нѣкоторой неприязни къ массѣ своихъ соотечественниковъ, толковавшихъ о томъ, что онъ продалъ свою вѣру. Онъ могъ только желать вырваться изъ этой атмосферы упрековъ и оскорбленій, упрековъ за то, за что на западѣ онъ встрѣтилъ бы только почетъ и расположеніе. Затѣмъ: вынужденный обстоятельствами отказаться отъ идеи уніи, Виссаріонъ не могъ

послѣ прибытія грековъ въ Константинополь (цитата у Васта, 115 примѣч.),— промежутокъ времени о которомъ Bandini съ правомъ могъ сказать: «*Vix...* Слова: «*quanta potuit festinatione*» также не возбуждаютъ сомнѣній, такъ какъ они довольно неопредѣленны. Виссаріонъ спѣшилъ, и это понятно послѣ сказаннаго выше; но онъ спѣшилъ, насколько могъ. Задерживало его, кромѣ сдачи должности и сборовъ къ переселенію навсегда въ другую землю, главнымъ образомъ избраніе патріарха. Виссаріону безъ сомнѣнія хотѣлось съ своей стороны способствовать избранію на патріаршій престолъ челоуѣка, расположеннаго къ уніи, и явиться къ папѣ съ пріятной вѣстью, что по крайней мѣрѣ съ этой стороны дѣло уніи обезпечено. Коль скоро избраніе Митрофана совершилось (а это было приблизительно въ маѣ,—сопостав. *Συροποιλος*, XII, 2, pag. 332, съ XII, 3 въ началѣ), Виссаріонъ, въ теченіе марта и апрѣля имѣвшій время вполне приготовиться къ отъѣзду, могъ выѣхать безъ замедленія.— Къ сказанному о точности словъ Бандини можно прибавить еще и то, что имѣя въ своемъ распоряженіи (ср. Вастъ, 245) документы ватиканской библіотеки (намъ неизвѣстные), онъ едва ли могъ допустить неточность. Во всякомъ случаѣ въ началѣ 1441 года Виссаріонъ уже находился въ Флоренціи и вступилъ въ должность, потому что онъ подписалъ, вмѣстѣ съ другими, декретъ объ уніи яковитовъ—4-го (но не 5-го, какъ ошибочно говоритъ Вастъ) февраля 1441 года. Вотъ его подпись: «*Ego tituli sanctorum duodecim Apostolorum presbyter cardinalis subscripsi*» (Harduin, IX, 1029).

отказаться от надежды помочь своему отечеству въ его борьбѣ противъ турокъ. Виссаріону предстояла еще важная роль: быть посредникомъ между латинянами и греками, быть краснорѣчивымъ и убѣжденнымъ апостоломъ крестоваго похода противъ турокъ. Эти соображенія также могли предноситься сознанію Виссаріона при его отъѣздѣ въ Италію ¹⁾. Онъ безспорно далеко не былъ чуждъ высшихъ и идеальныхъ стремленій, хотя предъ необходимостью выйти изъ того неприятнаго положенія въ Византіи, которое онъ создалъ себѣ своимъ образомъ дѣйствій на соборѣ, эти идеальныя стремленія необходимо должны были отступить на второй планъ: Виссаріонъ любилъ отечество, но еще больше любилъ онъ себя самаго. Наконецъ не забудемъ и того, что въ Виссаріонѣ въ эту пору уже пробудились стремленія гуманиста, а Италія была центромъ гуманизма.

А. Садовъ

¹⁾ Ср. Vast, 125. Французскій ученый очевидно употребилъ слишкомъ яркія краски. Увлеченный Виссаріономъ, онъ приписываетъ ему больше, чѣмъ позволяетъ характеръ Виссаріона и его послѣдующая дѣятельность (известно, что Виссаріонъ на первыхъ порахъ пребыванія въ Италіи заботился о Греціи весьма немного); а это въ данномъ случаѣ единственная точка опоры, такъ какъ положительныхъ, историческихъ свидѣтельствъ нѣтъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки